ISSN 0130–8009

ПИОНЕР

11'89





Фотографии П. МОКРОУСОВА.

Адрес этого дома запоминать не надо. Если к москвичам приезжают гости и спрашивают: а где тут у вас есть такой дом... дом-чудак? Надо лишь пройти по старинной улице Сретенке и заглянуть в один из тихих переулков. Да вот же он! Кирпичной кладкой выложены на нем надписи. «Мы путь земле укажем новый, владыкой мира станет труд». Или еще: «Рабочее жил.-товарищество «Наша крепость».

...Давным-давно, уже после революции, поселилась тут рабочая коммуна. Мечта у них была: все чтобы шло по-новому, все вместе — работать, строить, дружно жить, детей растить коммунарами. Сбылось ли? Да, сбывалось, да тут замаячила над всей страной страшная война... Много потом лет прошло, пришел дом в запустение. И снова пришли чудаки. Рабочие, строители — разный молодой народ. И сказали: отдайте нам дом, мы сами его перестроим и будем по-новому жить.

Надо сказать, что по стране во многих городах так: молодые сами строят, своими руками, и не один дом, а целый молодежно-жилищный комплекс — МЖК, и жизнь устраивают там по-новому, по-своему. Все вместе — работать, строить, дружно жить, растить детей коммунарами. А не громко сказано? Посмотрим — говорят. Вместе с ребятами, целыми семьями — на стадион и в лес, на праздник и на субботник, заботы и радости — общие. И чтобы росли тут хорошие люди... Как всякая мечта, и эта требует испытания упрямством, временем. И все-таки чудаки не забелили, не стерли на доме «громкие» слова. А там и такие есть: «Отдай всего себя революции, как это сделал Ленин».

На снимке: Даша, Женя, их папа и мама — жители МЖК «Сретенка».

ПИОНЕР

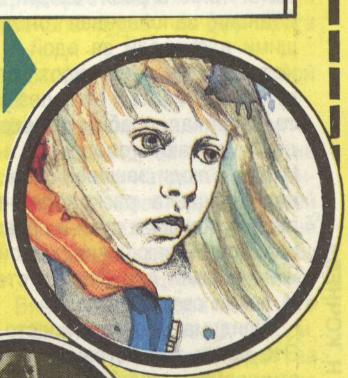
Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1989
Издательство «Правда»

ЧИТАЙ В НОЯБРЕ

На обложке: коллективная работа кружковцев Дома пионеров № 2 Ворошиловского района г. Москвы.



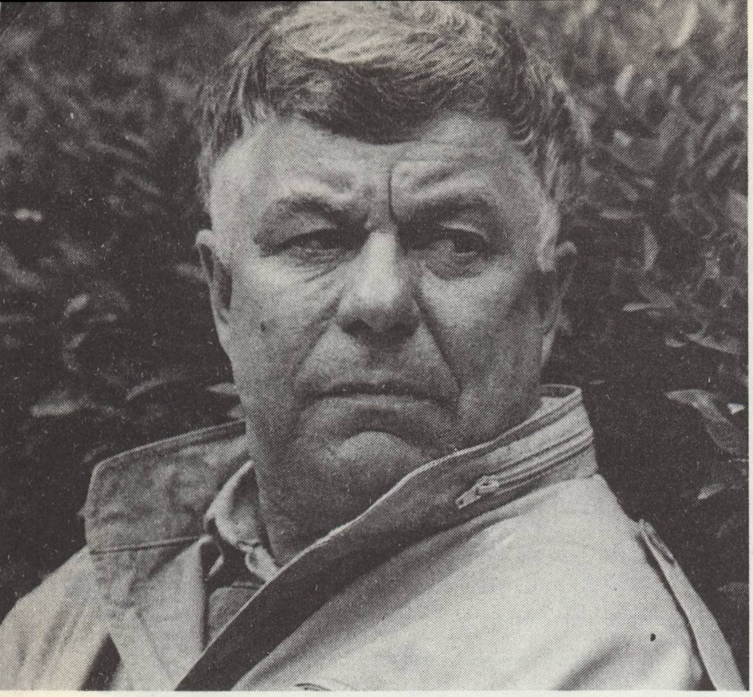
Вдруг она подумала: может, я колдунья? С. 44.



Зимнее чудо. С. 38.



С. 62.



Фотография Н. КОЧНЕВА.

Анатолий ПРИСТАВКИН:

«Хотел ли я, чтобы ты плакала?»

В нашу редакцию пришло много писем о повести, так необычно названной лермонтовской строчкой: «Ночевала тучка золотая». «Там все страшно, плохо, как будто хотят, чтоб я плакала до конца и еще потом, когда уже книжка закрыта,— написала нам Наташа Кузнецова из г. Куйбышева.— Но ребята сказали: «Если уж знать правду, то до конца...»

...Много лет автор «Тучки» молчал. Его книга лежала в столе; ее не хотели печатать. Считали, наверное, что самую страшную правду о страшной войне необязательно знать. Очень хотелось, чтобы ребятам, которые хотят «знать правду до конца», ответил автор повести — писатель Анатолий Приставкин, от которого мы узнали историю братьев Кузьменышей — Сашки и Кольки, попавших в голодном сорок четвертом году с детским домом в опустошенную (после выселения коренного населения) Чечено-Ингушетию.

Легко угадать, что Анатолию Приставкину ничего не пришлось выдумывать. Рано от туберкулеза умерла его мама. В июне сорок первого — Анатолию еще не было и десяти лет — на фронт ушел отец. С трехлетней сестренкой он оказался в детском доме. Потом было и беспризорничество, и скитания, и голод. Досталось с лихвой. У будущего писателя зрела в душе постоянная тема — дети, война, сиротство... Об этом — детдомовские рассказы, об этом повести «Солдат и мальчик», «Ночевала тучка золотая».

Сегодня повесть «Ночевала тучка золотая» не только опубликована, но и переведена на десятки языков мира, удостоена Государственной премии СССР за 1988 год. В самое ближайшее время придут к читателю две новые работы Приставкина: «Кукушата, или Жалобная песнь для успокоения сердца» и «Рязанка», которую сам писатель называет «книгой жизни».

...А теперь мы передаем слово самому Анатолию ПРИСТАВКИНУ.

...В одном из моих первых рассказов есть такая история. Сорок первый год. Из Москвы эвакуируют детдомовцев. В поезде нечем дышать. Животы ребят сводит от голода. Короткая остановка. Станция, заполненная голодающими, сутками простаивающими в очереди за едой,— беженцами. Кажется, никому нет дела до этих сирот. Но вот сопровождающий детей сутулый и желтый от болезни человек встал на ящик и что-то закричал слабым голосом. Очевидно, он кричал, что дети уезжают голодными и это может стоить им жизни. И вдруг люди зашевелились. Они подались назад, маленькая трещинка расколола черную толпу. И мы увидели: люди взялись за руки и образовали коридор. Человеческий коридор. Качающийся, живой, трудный. Мы шли через него и не видели лиц, просто стена больших и верных людей. И яркий свет вдали...

Придумать этого я просто не мог. Такое не придумаешь. Это могло только ввинтиться в душу, когда мы, дети, под этими руками шли. Потом я немало побродил, но мне всегда казалось, что я не перестаю шагать этим человеческим коридором.

Я до сих пор помню спасшую меня на Кавказе женщину. Ее звали Розой. Помню лицо крестьянки из какого-то села Таловки или Зырянки в Сибири. Она нашла меня замерзшего в снегу. Обогрела, дала хлеба, теплого молока...

Этот «человеческий коридор» я ощущаю постоянно. Да и тогда, в детдоме, без этого мы, пожалуй, не выжили бы. Ведь, несмотря на свою жизнестойкость, мы постоянно попадали в такие ситуации, когда без помощи взрослых было бы просто «не выкрутиться». Братьям Кузьменышам из «Тучки», например, помогает и тетка Зина, и шофер Вера, и Регина Петровна, наконец.

Часто возникает вопрос, нет ли тут противоречия? Ведь в повести братья-близнецы постоянно ощущали, что и их родня, и их крыша — только они сами. Да и на кого могли они рассчитывать? Хорошие люди все ковали победу над врагом. Не только беспризорных не видели, своих детей запустили. По двенадцать часов длилась смена, спали тут же в цехах.

Правильно. Все было. В «Рязанке», например, есть небольшая главка. Мы — детдомовцы — занимаем зоны рынков. В борьбе за них шла стая на стаю, детдом на детдом. Это жестокие столкновения. Среди нас был мальчик. От него отказались родители. Он был очень не приспособлен к нашей жизни, не умел «зубами за себя цапаться». Это был мальчик из другого мира. Остроумный, одаренный, начитанный. Мы это понимали чутьем, звали его Швейком, что означало на нашем языке высшую степень похвалы.

И вот на рынке его прихватили отдельно от нас. Воткнули в живот ржавый гвоздь. Мы несем его, умирающего, через весь рынок на руках. Никто не отважился к нам подойти, помочь. Ведь за это надо отвечать! Хороним Швейка на пустыре, без могилы и холмика, чтобы никто не узнал. Он все равно никому не нужен! А воспитатели — не было среди них, к сожалению, тех «из коридора» — тут же пустили слух, что Швейка, видимо, забрали родители. Им выгодна благополучная история. И мы, понимая это, не говорим им правды, а клянемся (пусть по-детски, наивно!), что когда-нибудь отомстим и даже убьем виноватых за ложь. В лице Швейка в наших глазах погибло прекрасное. Погибло то, что могло стать потом нашей гордостью. Убивая в нас человечность своей жестокостью, люди в тот момент, не ведая того, делали убийцами нас.

Меня часто спрашивают, почему в своей поистине автобиографической повести я, не имеющий брата, сделал героями близнецов. Это умышленно — я как бы раздвоил душу. Деформированная обстоятельствами, войной, воспитанием без родителей, она была у нас двояка. Мы знали ругань. Но любили хорошие стихи. Бывало, воровали, чтобы выжить. И в то же время были романтиками. Славились цинизмом, но никогда не обижали в детдоме девочек. Поэтому мои Колька и Сашка совершенно разные и в то же время как бы единое целое. И когда варварски убили одного из Кузьменышей, другому маленький чеченец Алхузур заменяет брата. Взрослые навязывают детям свою мораль, свои представления о добре и зле. Детей пытались разъединить: солдаты, которым приказано изловить и отправить в ссылку поголовно всех чеченцев, пожилой чеченец, требующий, чтобы Алхузур не смел якшаться с «русским свином». Многие считают, что концовка повести должна быть другой. Более определенной, что ли. Вот и в фильме, снятом по повести (кстати, я ездил на съемки, видел и даже узнавал те места, где происходили события, где сам так много пережил), другой конец — пацанов разлучают. Я же заканчиваю на оптимистической ноте — Колька обнимает Алхузура, а поезд отстукивает колесами: да-да-да-да...

Этим я выражаю надежду, что, если мы в столь тяжелых условиях стали братьями, значит, когда-нибудь человечество наверняка найдет общий язык. У меня надежда на будущие поколения. Дети, внуки, правнуки — это к ним призыв! — неминуемо преодолеют суеверия и национальные предрассудки. Ведь все люди рождаются на свет, не зная ненависти к другим народам. Я повторяю это в тысячный раз! Жестокость взрослых (а не жестокость ли — насаждаемое многие годы «сверху» негативное отношение к крымским татарам, поволжским немцам, чеченцам?..) порождает ответную жестокость детей.

В детском доме нам было безразлично, кто какой нации. Моими друзьями были и татарин Муса, и ногаец Балбек, который, кстати, работает в Академии наук Дагестана, и еврей Мотя. В соседней с нами комнате жили армяне, казахи, молдаване и два болгарина. Порой каждый говорил только на своем родном языке. Но ведь понимали друг друга!

Однако, к сожалению, даже в наши дни приходится слышать иное. Появились даже публикации, авторы которых убеждены, что если отдельные представители того или иного народа сотрудничали с немцами, этого достаточно, чтобы подвергнуть репрессии целый народ — выселять всех с исконных территорий, лишая крова. Дико такое читать. Наказывать нужно только конкретных виновных. При чем здесь нация! И разве можно молчать о жестокостях системы! Конечно, и сегодня есть люди, которые по тем или иным причинам предпочитают всеми силами сгладить историю. Одним и при «той правде» хорошо жилось. Другие «не хотят расстраиваться», вспоминая. Третьи просто живут в неведении. Но ведь только на правду, как бы горька и болезненна она ни была, вся надежда. Она должна питать нашу мораль и нравственность. Поколение, не знающее правды о своем прошлом, растет этакими одурманенными «болванчиками». У него нет будущего. Пример тому — сегодняшние казанские «конторы», события в Фергане... Кто дал право калечить души детей и подростков, зачастую ставя на карту их жизнь?

К сожалению, воспитывались эти «мотающиеся» ребята, да и родители большинства из них во времена, когда одна мораль была для дома, семьи, другая — для школы, комсомола, службы. Бездуховные отцы, соглашательство и подчинение любой власти породили также жестокость, жестокость бездуховности. Чем мы можем заменить таким ребятам выбранную ими «романтическую» жизнь?

Мне часто задают вопрос: борясь «за сытость», не придем ли мы к бездуховному обществу? И добавляют: «Как на Западе». Нельзя противопоставлять сытость и духовность. За последние два года я проехал почти всю Европу. Меня приглашали в самые разные аудитории и два-три часа внимательно слушали о нашей перестройке. И молодежь, что греха таить, задавала порой более глубокие вопросы, чем наша. И не потому, что наши дети глупее. Нет, это также отражение в их душах апатии, сухости, ожесточенности, с которыми приходится сталкиваться в повседневной жизни. В стране тысячи детдомовцев. Это при живых-то родителях! Мы еще мало беспокоимся о духовном, о физическом развитии подрастающего поколения: в детском саду, школе, вузе.

Пропасть, образовавшуюся в воспитании, никакими призывами не преодолеть. Пропаганда без реальных дел — ничто, более того: зло порождает ответное зло, которое и выливается в такие извращенные формы общения и развлечения молодежи, свидетелями которых мы уже стали в наши дни.

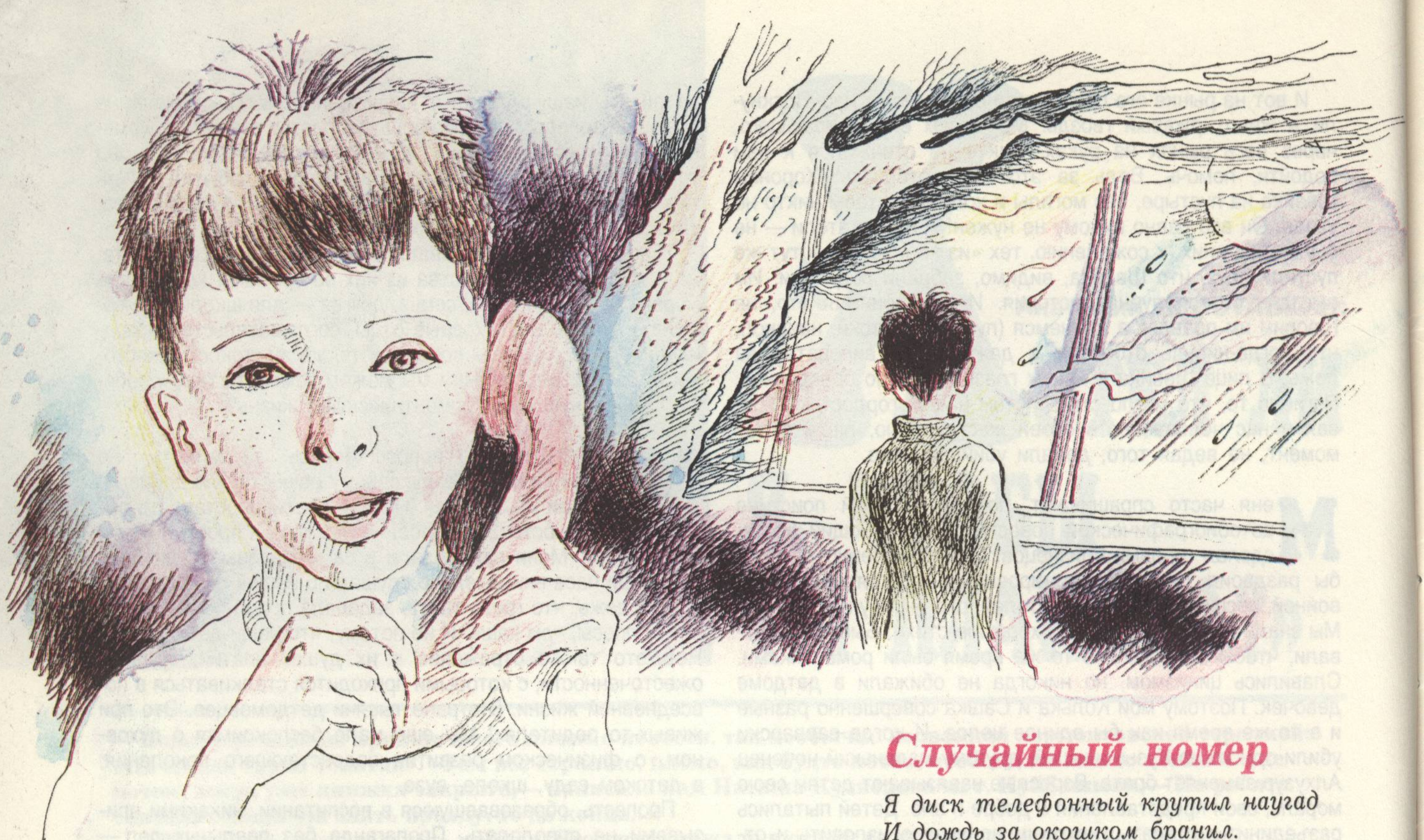
Но есть и другие примеры. Первый спектакль по моей повести «Ночевала тучка золотая» поставил не профессиональный театр, а школьный. Московская школа № 109. Режиссер — ее директор, Евгений Александрович Ямбург. Тут вообще-то состоялся не просто спектакль, Он стал поистине уроком нравственности, уроком правды, который, я уверен, оставил глубокий след в душах всех его участников.

Люди старшего и среднего возраста хорошо помнят (не могут просто не помнить!) растиражированный миллионами в книгах, журналах, газетах портрет Сталина с маленькой девочкой на руках — своего рода символ счастливого детства. Фотографиями этого символа и был украшен зал. А когда кончился спектакль о моем детстве, на сцену вышла женщина — та самая Геля Маркизова, счастливо улыбающаяся с портрета великого «Друга всех детей»,— и рассказала о своем «счастливом» детстве. Через год после этой парадной фотографии арестовали и уничтожили ее отца, и она полностью познала судьбу дочери врага народа.

История спектакля в 109-й школе — это и есть, на мой взгляд, настоящее воспитание!

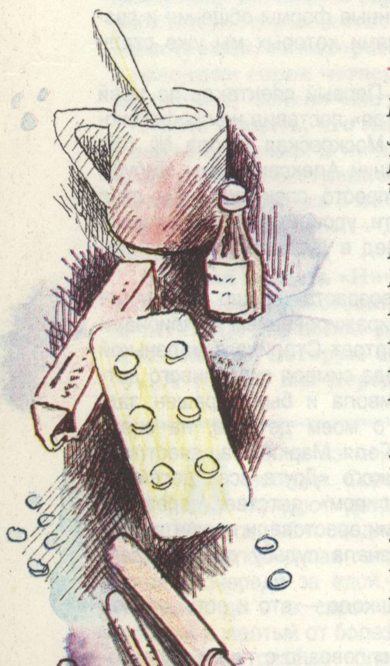
Мне могут возразить: не всем повезло с таким директором, таким педагогом! Да, к сожалению, еще далеко не каждому посчастливилось встретить его на своем жизненном пути. Но ведь у нас в стране перестройка. В ней участвуют многие. Хотя «прорабами» назовешь далеко не всех. Мы не можем сказать, что все академики подобны Дмитрию Лихачеву, что все писатели подобны Даниилу Гранину, Алесю Адамовичу, Вячеславу Кондратьеву, что все директора школ похожи на Евгения Ямбурга. Это люди, которые идут впереди перестройки. Сколько пойдет за ними? Конечно, в идеале хотелось бы, чтобы все. Но так не бывает. Если реально, нужно, чтобы уже в вашем поколении (да, это вы, ребята) твердо проросли ростки нравственной чистоты и правды. И никому уже в этом не уступать! Злу и лжи среди нас не должно быть места.

Записала Наталия САВИНА.



Сергей МАХОТИН

Плакат



Рискую завтра у доски
Я двойку получить.
Но мне не нравятся стишки,
Что задали учить.

В них барабан веселый бьет
И радует страну,
И пионерия поет
Про счастье и весну,
Про то, что славятся в веках
Героев имена!

...Я долго думал о стихах
У звездного окна.

Я б мог под них маршировать,
Выкрикивая их.
Но как же трудно в них узнать
Товарищей моих

И Вовку с клюшкой на весу,
И Димку с синяком,
И Тоню с найденным в лесу
Полуживым щенком...

Нет, эти строчки не про нас,
А про большой плакат,
Он на стене у входа в класс
Всему на свете рад.

Я от стихов таких устал,
В которых жизни нет,
Пусть даже их и написал
Заслуженный поэт.

Случайный номер

Я диск телефонный крутил наугад
И дождь за окошком бранил.
Вдруг голос раздался:
Алешка? Я рад!
Отлично, что ты позвонил!»

— Да я не Алешка...
«Не слышу, хоть плачь!
Ты громче давай говори!»
— Сергей я!
«Ты знаешь, сегодня был врач.
Я выпишусь дня через три.

Ну, как вы там все?
Я соскучился — жуть!
За месяц хоть кто бы зашел!..
Эй, ты меня слышишь?
Скажи что-нибудь».
— Да, слышу тебя хорошо...

«Послушай,
А может, возьмешь и зайдешь
Чего дожидаться три дня?
Ах, дождь — я забыл...»
— Ну, подумаешь, дождь,
Но адреса нет у меня.

«Гагарина, семьдесят.
Старенький дом.
Как входишь центральная дверь.»
— Я правда зашел бы...
Но дело ведь в том,
Что я не Алешка, поверь.

«Я сам уже понял, что это не он.
Хотя все равно буду рад...»
Ну ладно, ставь чайник.
За мною лимон.
Как звать тебя, кстати?
«Марат!!!»



Газетный снимок

Напечатала газета
Фотографию мою:
У дверей физкабинета
Я с паяльником стою.

Все спешат меня поздравить.
Физик руку мне пожал.
Только мне неловко. Я ведь
Ничего не совершал.

...Лез в глаза весенний зайчик.
Мне велели не моргать.
Похвалили: «Славный мальчик».
И ушли других снимать.

Одноклассники

Увы, напрасно мальчики
Дерутся и кривляются —
Их школьные ровесницы
Уже не в них влюбляются.
На фильмы до шестнадцати
Проходят, наконец,
И слог Татьяны Лариной
Берут за образец.

Шагают старшеклассники
С надменным выражением.
На них глазеют мальчики
С невольным уважением.
А девочки теряются
На несколько минут,
Краснеют, улыбаются,
Тайком записки рвут...

Цыганенок

Сидел я на скамейке
И яблоко держал,
И вдруг ко мне с улыбкой
Мальчишка подбежал.

Схватил он мое яблоко
И сжал его в руке,
Мальчишка босоногий
В огромном пиджаке.

Он наутек пустился,
А я глядел вослед
И думал,
Где живет он?
И сколько ему лет?
И учится ли в школе?
И трусит отчего?

Не мог спросить он, что ли?
Я б угостил его.



Напряженная обстановка

«Обстановка продолжает
оставаться напряженной».
(Из газет)

Далеко не всем на свете
Жить чудесно и спокойно.
Что ни день, то гибнут дети
В неконченых войнах,
И ракеты угрожают
Миру смертью мегатонной.
«...Обстановка продолжает
Оставаться напряженной...»

Ждет безрогого лосенка
Браконьерская засада.
Стала речка, как зеленка,
От химического яда.
Трубы дымом небо ржавят,
И все тоньше слой озонный.
«Обстановка продолжает
Оставаться напряженной...»

В нашем доме есть квартира,
Где живет Ванюша Пышкин,
Где на все тревоги мира
Он плюет с высокой вышки.
И пока он ест, зевает,
Равнодушный, отрешенный,
Обстановка продолжает
Оставаться напряженной!



Контрольный диктант

Быстрый дождь
Превращается
В медленный снег.
Анна Львовна диктует:
«...Шагает Олег,
Улыбаясь, тропинкой лесною...»
Мы торопимся.
Еле дождались звонка!
Под контрольным диктантом
Выводит рука:
«Начат осенью.
Кончен зимою».

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

Владислав КРАПИВИН

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ЗАСТАВА НА ЯКОРНОМ ПОЛЕ



ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 10.

Мальчик по имени Матиуш едет в поезде по Большому кольцу Полуострова. Мама дала мальчику прозвище Ёжики, за колючий характер. Ее нет в живых, и отца тоже. Голос мамы, записанный на магнитофонную ленту, объявляет станции. Ёжики слушает голос мамы и вспоминает прошлое. Неожиданно объявляется какое-то «Якорное поле». Такой подземной станции на Большом кольце никогда не было. Ёжики выходит на маленький подземный полустанок со старинной моделью галеона в витрине. Наверх ведет узкая плохо освещенная лестница. На одной из ступенек мальчик находит стеклянный шар вишневого цвета. Поднявшись по лестнице, Ёжики оказывается в каком-то непонятном месте. По полю рассыпаны старинные якоря, города нигде не видно. Потом Матиуш встречает двух мальчиков и девочку — Рэма, Филиппа и Лис. Филипп выигрывает у Ёжики шар, но взамен дарит ему маленький якорек. Затем Ёжики спускается на таинственную станцию и садится в поезд. Он решает разузнать про «Якорное поле» в главной диспетчерской Большого кольца.

3. Паутина. Кантор

— ...А теперь давайте про все еще раз, по порядку. Хорошо? — Заботливый голос, внимательные глаза под седыми бровями, спокойное морщинистое лицо...

Сперва-то на мальчишку прикрикнули: ворвался, мешает работать, что за дети пошли! Потом примолкли, позвали вот этого. Судя по широким шевронам Дорожной сети — главного диспетчера. Он сразу попросил выйти из дежурной комнаты всех, кроме мальчика. Усадил его. Обратился на «вы», хотя нескладно притулившийся на краешке кресла посетитель — в перемазанной, порванной майке, с грязными полосками на лице, с каким-то мусором в волосах — явно не тянул на роль серьезного собеседника.

— ...Все, как говорится, разложим по полочкам... Вы лицеист шестого класса Матвей Радомир...

— Да... («Господи, какая разница! При чем тут это?»)

— Вы говорите, что ваша мама погибла год назад, когда возвращалась на аэротакси-автомате из Бельта. Взорвался двигатель-антиграв...

Да, так ему сказали. Эти двое, которые пришли тогда... Летчик и тетка из опекунской конторы... Когда взрывается антиграв, остается облачко атомной пыли. И никакого следа от человека. Разве что эмалевый медальон на серой стене в Парке памяти. Зачем он, медальон... Взрыв этот — редчайший случай. И вот же ударила злая судьба. И не кого-нибудь, а маму. И его, Ежики...

Он закричал тогда этим двоим, что они врут и пусть убираются. Летчик стоял молча, закусив белые губы, а опекунская чиновница деловито совала Ежики под нос какую-то пахучую дрянь и говорила, что он должен куда-то пойти. Вместе с ней, с этой теткой... Он оттолкнул ее плечом, заперся в своей комнате, залился слезами. Случившемуся он поверил сразу, хотя и кричал, что это неправда... Не раз он видел в жутких снах, что с мамой случилось непоправимое. И просыпался с мокрым лицом, перепуганный и благодарный за вернувшееся счастье. А теперь не проснешься, не стряхнешь эту страшную черноту... А может, опять сон?! Нет... Нет, хоть голову расколи о глухую дверь.

Из-за двери кричали, уговаривали, чтобы вышел.

Они что? Мало им, что нет мамы, они хотят, чтобы он оставил д о м! Е г о дом! Где все его и мамино!

Он прижался к полукруглому цоколю кондиционера. Пластик был холодный... Как труба в том бункере... Как песок в красной пустыне, когда лежишь навзничь и смотришь в лиловое небо, где звезды и маленькое колючее солнце... Не надо об этом, так нечестно защищаться от горя. Это будто измена маме!.. Но как иначе выдержать, как отстоять дом?.. Всадники-итты подъезжают, смотрят

с высоты боевых седел на упавшего мальчишку. Они не ведают ни боли, ни горечи, ни страха. Они, как марсианский лед...

Нет, горе не стало тогда слабее, но сжалось в тугой черный ком. Слезы остановились. Мысли стали четкими, и в руках появилась сила. Через окно он выскочил в сад, ухватил из травы шланг, подключил к вентилю большого давления. Протянул резиновую змею к себе в комнату, с медным наконечником наперевес вышел в холл.

«Уходите...»

«Мальчик! Мы понимаем, что...»

«Уходите. Это наш с мамой дом».

«Но...»

Тугая струя вымела из крытого стеклом холла чужих людей. Тогда он сорвал на щитке пломбу и включил силовое поле...

— Да, мне сказали...— прошептал он.— Что она...

— Я понимаю, вам тяжело, хотя и время прошло... Вы говорите, что ваша мама работала у нас в системе консультантом и что это ее голос записан для объявлений на кольце... Да, замечательный голос... И сейчас ты услышал его на какой-то новой станции?

— Да! — Ежики дернулся вперед.

— Но послушай, мальчик...— Диспетчер мягко перешил на «ты».— Я понимаю, тебе хочется такого вот... чуда, одним словом. И ты решил, что ее записали недавно, да? Господи, боже ты мой... Потвоему, значит, тебя обманули, и мама где-то прячется? Но зачем это? Подумай...

Он думал! Пока бежал и ехал, столько было горячечных мыслей, что болью и звоном отдавались в голове... Может, она попала в аварию и стала калекой и хирурги бессильны, и она не захотела жить с сыном, чтобы не пугать его уродством... Или встретила какого-то человека, полюбила его, и они решили пожениться, а человек этот не хочет, чтобы у нее был сын... Дико думать такое про маму, но все это было бы в миллион раз лучше, чем ее совсем нет на свете... Ну, пусть она не хочет его видеть, лишь бы она была!..

— Малыш,— неуверенно сказал диспетчер.— Ну как тебе объяснить? Ты ведь уже не маленький...

Ежики не заметил этой нелепицы — «малыш не маленький». Он сказал тихо и отчаянно:

— Голос-то ведь е с т ь. Откуда он взялся?

— Голос... Да акустический компьютер смоделирует по образцу любую речь. Чтобы не отличалась от других объявлений.

— Нет...— Ежики упрямо махнул волосами (и полетели семена-парашютики).— Т а к не смоделирует, это живой голос. Ну, зачем компьютер станет делать вдох между словами? Сперва «Якорное», потом... такое короткое дыхание и тогда уж — «поле»...

— А... что это за слова?

— Ну, название станции! Я же объясняю...

— Постой, мальчик...— Диспетчер нагнулся к нему так быстро, что Ежики, словно защищаясь, вскинул коленки, вдавился в кресло.— Послушай, малыш... такой станции нет.

— Как это нет?!

— «Якорное поле»?

— Да!

— Нет. Ты что-то... путаешь, наверно...

— Но я был там только что! Она перед «Площадью карнавалов»! Маленькая такая станция, с окном и кораблем! А наверху поле и якоря!..

Ежики хотел уклониться, но диспетчер все же дотянулся, большой холодной ладонью потрогал ему лоб.

— Вы что, думаете, я больной?

Диспетчер вздохнул:

— Думаю, зачем ты морочишь мне голову?

— Вы сами морочите мне голову! — Ежики крикнул это с дерзостью отчаяния. Вскочил. Диспетчер смотрел внимательно и печально. Ежики обмяк, прошептал: — Можно же убедиться, тут ехать три минуты. Сразу за «Площадью карнавалов»... Ой, нет, надо сперва назад, до «Солнечных часов», а потом обратно...

— Почему? — спросил диспетчер строго и чуть насмешливо.

— Ну... там же, на «Якорном поле», только один путь, линия «Б». Там маленькая станция, даже поезд весь не влазит...— Под взглядом диспетчера Ежики совсем сник. Но тут же сердито вскинулся: — Вы сами должны знать, вы главный!..

— Угу...— неопределенно отозвался тот.— Посиди минутку, я кое-что выясню...— И вышел.

«Зачем он скрывает? Военная тайна? Но в нынешнее время уже не бывает военных тайн... Никакой компьютер так не сделает мамин голос...»

Но надежда становилась все меньше, а тоска была большая. И пусто было, тяжело и тихо. Лишь еле слышно гудели за могучими стенами поезда.

Диспетчер вошел. Ежики опять сказал ему сквозь подобравшиеся слезы:

— Можно же поехать и проверить...

— Да зачем же ездить-то? Смотри...— Во всю стену диспетчерского пункта засветилась схема путей. Желтая паутина — Внутреннее, Среднее кольцо и Большое кольцо, ломаные линии частых радиусов. И в этой паутине, как разноцветные мухи, бьются огоньки станций. С красными буквами названий.

— Иди сюда.

Ежики через силу подошел.

— Смотри: вот «Площадь карнавалов», вот «Солнечные ча́сы»... Где здесь «Якорное поле»?

Не было «Поля».

— А, может, в другом месте? — сказал диспетчер.— Пожалуйста. Набери название сам.

Светящиеся клавиши пульта плохо были видны сквозь мокро-липкие ресницы. Ежики проморгался, без всякой надежды набрал по буквам: «Я-К-О-Р-Н-О-Е П-О-Л-Е». Пискнуло в динамике, зажглось на экране: «Извините, такой станции нет...»

— Но она же совсем новая...— прошептал Ежики.

— Надеюсь, ты не думаешь, что новую станцию могут не подключить к сигнальной сети?

Именно так он и думал! Но ничего не сказал. Светящаяся схема путей нависла над ним и словно придвигалась. Будто хотела опутать клейкой паутиной... Она была лживая, эта схема! Ежики так и хотел крикнуть. Но горло распухло от подступивших слез. Он закашлялся. Поплыло в глазах. Ежики шагнул назад, опять сел. Уперся лбом в ладони, локтями в колени. Жалким клочком мотнулся у плеча полуоторванный рукав.

Ведь именно там, на станции, он порвал майку! На лестнице! Значит, лестница есть! Станция есть! Он поедет сейчас туда опять, увидит, докажет себе и другим!

Он хотел это яростно бросить диспетчеру, вскинул на него мокрые глаза. Но диспетчер смотрел мимо Ежики, на дверь. Сказал торопливо:

— Да-да, прошу вас...

Ежики сел пружинисто и прямо. В дверях стоял Кантор.

Оказалось, что на улице уже лиловый вечер. Такой же липкий и душный, как день. Но под прозрачный колпак автомобиля тут же накачало свежего воздуха. Даже с запахом сосны. Кантор сказал в микрофонный раструб автоводителя:

— Сектор «Зет», четвертая линия, на тройном желтом два отрезка налево...

Он всегда точен и спокоен, Кантор...

Поехали... За прозрачным пластиком исказилась, уплыла назад светящаяся башня «Трамонтаны», по мягким изгибам стекла побежали отблески рекламы. Ежики вдавился в пухлые подушки заднего сиденья.

Кантор сидел впереди. Видны были крупные покатые плечи, лысина, маленькие круглые уши и край очков. На тонкой никелевой оправе загорались искорки.

Зачем он носит очки с оптическими стеклами — такую дикую старомодность? Хочет показать, что весь в заботах и нет у него времени на возню с контактными линзами или на операцию с гибким хрусталиком?.. И лысина. Не больше недели надо, чтобы в парикмахерской вырастили человеку шевелюру любой пышности, а он... Или считает, что такая внешность самая подходящая для педагога-профессора и ректора?

Кантор, без сомнения, чувствовал взгляд лицеиста Радомира. Но не оборачивался и молчал. В молчании были деликатная укоризна и в то же время как бы понимание и уважение странностей своего ученика. «Что делать, господа, в лицее каждый ученик — тысяча загадок и проблем...»

«Однако долго вы не промолчите, господин ректор, я вас знаю...»

— Право же, Матиуш, такого я не ожидал...— Кантор слегка обернулся.

— А что случилось-то? — сказал Ежики из уютных подушек.— Разве я не имею права гулять по городу, когда нет занятий?

— Имеете, конечно... Однако ваши приключения, ваш вид!..

— А что вид? Просто забыл капитанку на поле... А потешать прохожих вицмундиром я все равно не буду! Пацаны вслед орут...

— Ну и речь у вас... Понимаю, это способ самоутверждения. Хорошо, хорошо, не носите вицмундир, это ваше дело. Мы живем в свободном обществе... Но ваше поведение в диспетчерской, ваши фантазии...

Ежики шевельнулся и каменно замолчал.

— Понимаю, вы не хотите снисходить до спора... И прекрасно вижу, что вы искренне верите в это ваше... Э!.. Якорное поле. Но оно же не более чем результат ваших... так сказать, прогулок. Я давно знаю, где вы бываете, и догадываюсь... зачем именно. Я от души вам сочувствую, Матиуш... Но все хорошо в меру...

— Что в меру? Сочувствие? — не сдержал ехидства Ежики.

— Я имею в виду ваши путешествия. Нервы, переутомление — и вот результат...

— Значит, по-вашему, мне все это привиделось...

— Не совсем точный термин, но... Мати, мальчик мой, при ваших способностях, если их не держать под контролем, и не такое может случиться. Я не удивлюсь, если вы однажды силою мысли из ничего создадите реальные предметы... Это шутка, разумеется, но... и не совсем шутка. Вы же знаете, индекс вашего воображения выше всех известных нормативов... И вам следует беречь себя, Матиуш, ради всех нас, ради общества, которое...

Канторова речь стала клейкой, обволакивающей. Как паутина. Ежики тряхнул головой...

Кантор... По-испански это слово означает «певец». Но у Ежики в сознании оно складывается из двух других: «ментор» — занудный учитель и «катэр», что по-немецки означает «кот» (сытый и невозмутимый). Самодовольно-ласковый, уверенный в себе. Эта уверенность и ласковость просто как наваждение какое-то, не устоять. Ежики уступает, становится послушным (надо в конце концов порой к кому-то и прислониться, отдохнуть душой). Но потом опять — хмурая осторожность и скрытая обида.

Если бы не Кантор, черта с два кто-то выцарапал бы Ежики из его дома!

...Дом тогда взяли в настоящую осаду. Набежали, конечно, и просто любопытные: мальчишка, говорят, заперся наглухо, не пускает взрослых, видать, натворил что-то. Но прежде всего были тут дядьки и тетки из опекунской комиссии, директорша школы, чины охраны правопорядка и всякие другие чины. Уговаривали через мегафоны то поодиночке, то наперебой. Ежики не слушал. Скорчился в своей комнате на диване, притиснул к себе мамину фотографию, и его скручивало от рыданий. Один раз даже показалось, что сейчас умрет, и он обрадовался. Но наступила только черная усталость, уже без слез.

И тогда он опять услыхал приглушенные силовой защитой мегафоны.

Вышел в стеклянный холл. Люди в трех шагах от низкой садовой изгороди с распахнутой калиткой тыкались руками и грудью в невидимую силовую стенку. Заметили его, опять зашумели, замахали. Кажется, даже угрожающе.

Ежики не боялся. Чем они могли его напугать? Самое страшное, что могло случиться в жизни, уже случилось: мамы нет... Он долго смотрел на них, потом сказал:

— Уходите.

Защитное поле работало лишь в одну сторону, наружу. И звуковые волны, и любой брошенный предмет оно выталкивало из себя с утроенной силой. Мальчишечий голос резанул столпившихся. И все затихли на минуту. Потом круглая дама выплыла вперед и почти запела в мегафон, пряча в сладком голосе раздраженные нотки:

— Милый мальчик! Мы все тебя понимаем и как раз поэтому считаем, что тебе не следует оставаться одному. Это очень тяжело для тебя. Совет опекунов решил, что...

Ежики (милый воспитанный Ежики!) вспомнил язык Садовых троликов из бункера и отчетливо сказал даме, чтобы шла... вместе с советом опекунов. Даму в полуобмороке оттащили в задние ряды. Ежики засмеялся, закашлялся слезами, опять засмеялся. Беспощадно. Он ненавидел всех, кто там собрался. Они пришли, чтобы вырвать его из родного дома. Из жизни, которая связывала его с мамой. Конечно, он все равно скоро умрет, но умрет здесь. А их не пустит на порог. Ни за что!

Уже потом он понял, что эта война, эта ненависть помогли ему пережить горе. Но сейчас он просто смотрел на толпу со спокойной яростью смертника.

— Матвей! Ежики...— Это директорша школы.

Ей он не хотел плохого. Он сказал сумрачно:

— Идите домой, пожалуйста...

Вышел вперед грузный майор охраны правопорядка в парадной фуражке и витых погонах.

— Матвей Юлиус Радомир! Поговорим по-мужски! Вы изучали в школе основы законов и должны знать, что бывает за сопротивление властям. Вы нарушаете...

Пятиклассник Радомир изучал основы законов.

— Я ничего не нарушаю! Вы сами нарушаете! Дом неприкосновенен!

— Никто не посягает на дом! Он останется как есть! Но гражданин, не достигший совершеннолетия, не может жить и воспитываться один!

— У меня есть родственники!

В самом деле! Ведь есть же тетя Аса! Старшая сестра отца. И ее муж! Не очень-то знакомая родня, виделись всего несколько раз, но к Ежики она всегда хорошо относилась, по голове гладила. Пожилая, добрая такая тетенька, почти старушка. Разве она откажется пожить здесь, пока племянник не подрастет?

— Чтобы оформить опекунство родственников, необходимо время, а пока...

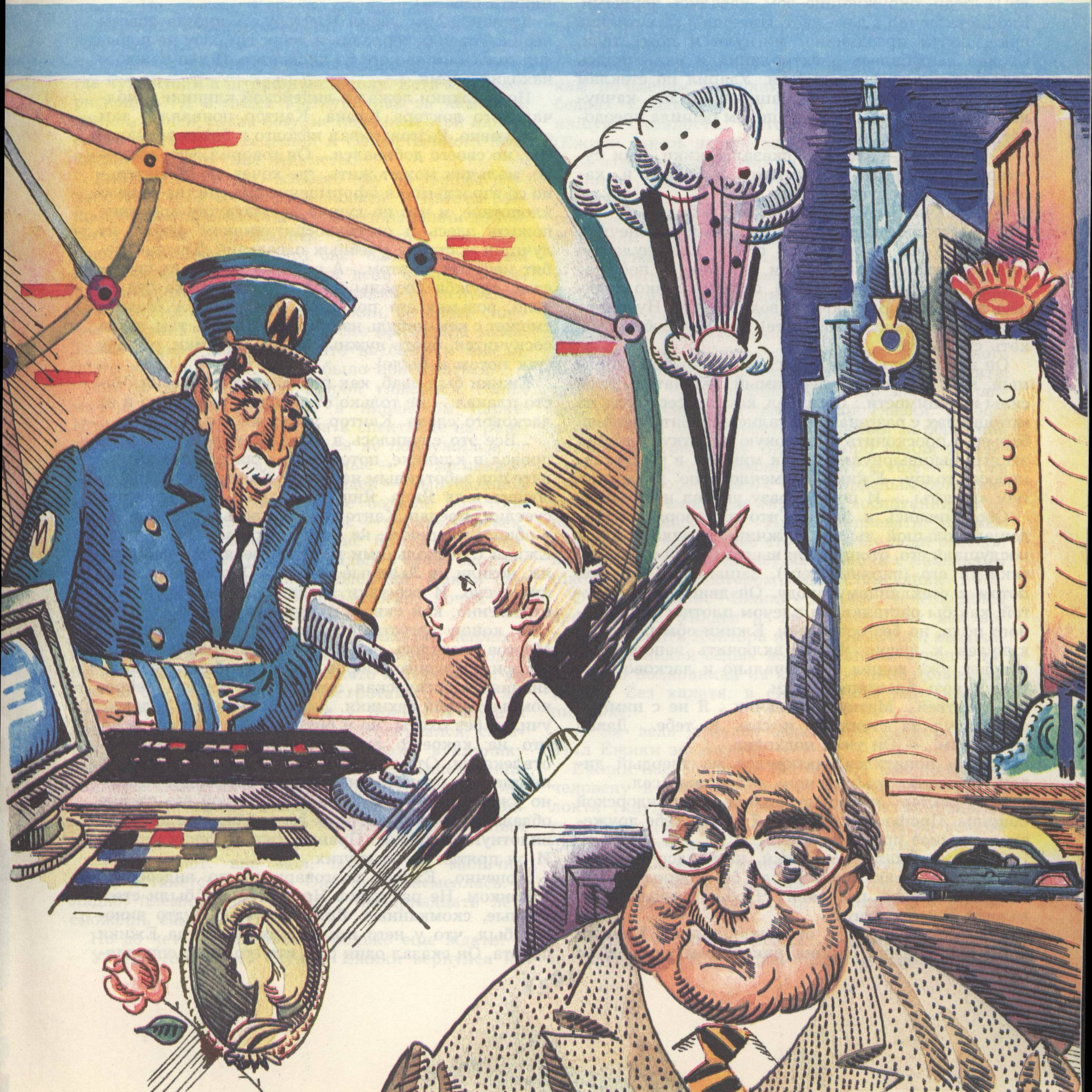
Ежики бросился к экрану видеосвязи. Тетя Аса жила в Лесном поясе, связаться можно за полминуты! Но индикатор не светился.

— Мерзавцы! Зачем вы отключили связь?!

— Мы отключим все!.. Даже линию доставки!.. Останешься без еды! — восклицала из-за голов дама-опекунша.

Ежики опять зло засмеялся. Он хотя и маленький, а понимает, какой крик поднимут газеты всего мира: «Власти Полуострова уморили мальчишку в его собственном доме!». Есть в конце концов Комитет защиты детства!

— ...Есть в конце концов спецминтернаты, куда направляют детей, злостно не подчиняющихся законам страны! — Это опять майор.



— А куда направляют взрослых, которые врываются в чужие дома?!

— Мы не врываемся, мы просим выйти тебя!

— Я никуда не пойду! Это мой дом!

Это его дом. И мамин. Мама стала жить здесь давным-давно, когда вышла за отца. Это старый дом Радомиров, его строил дед Ежики, папин отец, архитектор Дан Цезарь Радомир, когда не было на Полуострове никакого мегаполиса... А мама все тут отладила, настроила своими руками: каждый светильник, каждую полочку, каждую штору на окне. Даже сигналы кухонного автомата наиграла и записала сама... Здесь все — мама. А его, Ежики, хотят вырвать отсюда, увезти куда-то, оборвать все ниточки, все корни... Он будет защищаться до смерти. Потому что здесь он защищает и дом, и себя, и маму...

Известие о маминой гибели принесли утром, а сейчас был уже вечер, густой, синий (а казалось, что прошло уже много дней и вечеров, потому что в один день такое горе вместиться просто не могло!). Люди, окружившие дом, казались черными. Ежики включил в доме свет. Плафоны засветились ярко, почти празднично, мигнули и пожелтели. Словно вырубилась электролиния и включились аварийные энергонакопители. Ударил по стеклам прожектор подъехавшей машины. Толпа качнулась вперед, будто общим напором решила преодолеть поле. Остановилась.

— Уходите! — звеняще сказал Ежики. Они суетливо махали руками, переговаривались и, кажется, чему-то очень удивлялись.

— Мальчик, мы последний раз тебе...

Он расставил ноги, вскинул медный наконечник шланга. Усиленная полем струя хлестнула по темным ненавистным людям без лиц. А, побежали!.. Но тут же напор ослаб, струйка тонко полилась на паркет. Выключили воду в саду... Ну и черт с вами! Все равно не возьмете! Поле непробиваемо, хоть стреляйте!

Он встал посреди холла, скрестил руки — упрямый, как камень. Неудержимый излучатель злой силы и решимости... Он видел, как два сержанта на мотоциклах с разгона попытались пробить силовой барьер и проскочить в широкую калитку. Упругая защита вышвырнула их, как мячики, в разбежавшуюся толпу. Ежики засмеялся, не разжимая губ: «идиоты...» И почти сразу увидел небывалое.

Оборачиваясь к людям, что-то говоря им, подошел большой лысый мужчина в очках. Люди послушали его, отошли. Он вынул белый платок и, вскинув его (парламентер!), зашагал к калитке, потом к стеклянному входу. Он двигался с натугой, как бы расталкивая плечом плотность защитного поля, но без остановки. Ежики обмер. Потом кинулся к двери, чтобы включить запоры. Но человек уже вошел. Он печально и ласково смотрел сквозь блестящие очки.

— Матвей... Матиуш, мальчик... Я не с ними,— он кивнул за стекла,— я сам. К тебе... Давай поговорим...— Он тихо подходил.

Ежики попятился, наткнулся на твердый диван у камина, упал на него, судорожно сел.

— Я ректор Особого суперлицея Командорской общины. Профессор Кантор. Я делаю тебе дружеское, честное предложение...

Он приближался к Ежики, нагибался — большой, серый, как слон. Вроде бы добродушный. Тянулся пухлой пятерней. Чтобы погладить по голове? Или схватить?

Ёжики извернулся, отчаянно ударил Кантора пяткой в колено. Ступня рикошетом ушла вбок. Чугунный узор боковой стенки камина горячо резанул по ноге. Ежики скатился на пол, сел, сцепив зубы, пружинисто приготовился к прыжку...

Профессор стоял, опять вскинув над головой платок: сдаюсь, мол. Белая манжета съехала вниз, над ней блеснула квадратная пластинка. Ежики рванулся в сторону, но вязкая чернота властно легла на мальчишку...

Потом Кантор не раз клялся, что не было у него парализатора. Просто Матиуш потерял сознание, не выдержал организм. Немудрено! Столько всего разом свалилось на мальчика! И страшная весть, и тот бой, который он вел целый день... Нет, он, Кантор, не осуждает Матиуша за сопротивление. Тот был по-своему прав. И мужествен... И все-таки истинное мужество («Ты уж поверь, мой мальчик») не в слепом сопротивлении, а в четком анализе обстоятельств и в умении где-то спорить с ними, а где-то в силу необходимости подчиняться («Чтобы потом эти же обстоятельства подчинить себе...»).

Ежики почти верил Кантору. А иногда совсем верил. Тот был терпелив и добр. Ни разу не повысил голоса ни на кого из лицеистов. И для каждого находил время.

Пока Ежики лежал в лицейской клинике у молчаливого доктора Клана, Кантор появлялся там ежедневно. Разговаривал недолго и без навязчивости, но своего добивался... Он говорил, что, конечно, мальчик может жить, где хочет, но обязательно со взрослыми, а оформление опекунства — дело хлопотное, и что не лучше ли Матиушу временно пожить здесь и стать воспитанником одного из лучших в стране учебных заведений. Тысячи ребят мечтают об этом... А с домом ничего не сделается, служба Охраны правопорядка, пока суд да дело, возьмет его под свой контроль. А Матвей сможет с кем-нибудь из старших бывать там, когда соскучится, брать нужные вещи, игрушки, одежду (так потом и было)...

Ежики был слаб, как после долгой болезни. Часто плакал — не только от мыслей о маме, но и от ласкового слова. Кантор уговорил его.

...Все это случилось в июне. Две недели Ежики провел в клинике, потом жил в лицейском интернате под заботливым надзором Кантора и молодого воспитателя Янца. Янц был высок, худ, излишне суетлив, предан Кантору и малость глуповат. Но в общем-то ничего, не очень докучал. Они водили Ежики с несколькими другими ребятами по музеям, возили на Львиные острова. Порой было даже интересно. И все-таки Ежики смотрел на жизнь отрешенно, как сквозь дымчатую пленку.

В конце августа начались вводные занятия. Многое оказалось не как в школе: сравнительная история древних мифов, начала общего языкознания, классическая литература, основы нейрокомпьютерной техники. Лицеист-новичок Радомир учился без охоты, но и без лени. Случалось даже, что на какое-то время и увлекался. Вернее — отвлекался. От мыслей о маме, о доме. Казалось иногда, что прошло много-много времени и он давно уже не прежний Ежики. Но порой его словно обдавало зябким ветром, горе опять подступало вплотную. И тоска... Правда, уже не такая резкая. И он прятал ее от других...

Конечно, Ежики разговаривал по видеосвязи с Яриком. Не раз даже. Но разговоры были стесненные, скомканные. Ярик мучился, будто виноват был, что у него все в порядке, когда Ежики сирота. Он сказал один раз, что его мама справля-

лась, можно ли им взять Ежики к себе. Но в Опекунской комиссии ответили, что все не так просто: нужна масса решений, обследований, постановлений. Ежики только вздохнул. Хорошо, конечно, было бы жить вместе с Яриком, но уезжать в такую даль от дома, совсем отрываться... Да и так ли всерьез предлагала это мать Ярика? Она недавно вышла замуж, хватало забот и без чужого мальчишки.

Осенью приезжала тетя Аса. Сказала, что они с мужем готовы переехать в мегаполис, чтобы жить с мальчиком, но Опекунская комиссия отложила решение до зимы. Пусть, мол, мальчик успокоится, придет в себя и сам примет здравое решение. А пока нет смысла вырывать ребенка из такого замечательного учебного заведения — Особого суперлицея.

Зимой, однако, тоже ничего не решилось. И Кантор, наконец, объяснил ему откровенно: дамы в Опекунской комиссии злы на Матвея Радомира за тот бой, который он дал им тогда, в своем доме... Нет, он-то, Кантор, все понимает, но что поделаешь с оскорбленными чиновницами? Они говорили даже, что мальчишку следует поставить на спецучет в службе Охраны правопорядка. А тогда чуть что, и в штрафную школу. Есть ли смысл рисковать? А в лицее Матиуш как за каменной стеной. Лицей, слава богу, не подчинен этой идиотской системе Просвещения и Общественного Воспитания, у него свое ведомство.

Ежики сказал, что плевать ему на угрозы глупых теток и он согласен рисковать. И Кантор обещал честно похлопотать о его возвращении домой. Но хлопоты затягивались. И прошел уже год. Иногда казалось, что это был один, растянутый в чудовищной бесконечности день с заведенным распорядком: завтрак, обед, какие-то ненужные развлечения и пустые игры, ужин, вечернее сидение у экрана — и спать... Во сне приходила мама. Такая живая, настоящая, что не было и мысли, будто это сон... Тем горше было просыпаться.

Но он жил. Как все. Порой улыбался, гонял мяч с другими ребятами в лицейском парке. Играл Задумчивого Кролика в спектакле на рождественской елке. Но ни с кем не подружился.

Лицеисты были самые разные — от малышей-приготовишек до взрослых дядек — выпускников высшего курса. А всего — не больше полутора сотен. Каждый класс или курс — десять человек. И ровесников Ежики тоже не больше десятка. Причем все какие-то... ну, каждый в своей скорлупе. Со своими заботами и мыслями. Как и сам Ежики. Наверное, это и объяснимо: почти все лицеисты были сиротами...

Летом Ежики летал к Ярику. Было там неплохо. Отчим Ярика оказался добрым дядькой, возил ребят на катере вдоль океанского побережья и на Птичьи скалы с великанскими гротами... Но все же что-то не ладилось в семье у Ярика, и полной радости не было. Потом Ярик перекупался, схватил резкую простуду, пришлось даже в клинику отправить. И Ежики уехал, не дождавшись конца каникул. Навестил в Леесном поясе тетю Асу. Она сказала, что теперь Опекунская комиссия упирается из-за того, что у нее, у тети Асы, «преклонный возраст».

— Намекают: вы, мол, помрете, а мальчик опять останется один.— Она сухо засмеялась.— Ладно, племянничек. Стукнет четырнадцать лет, сможешь сам решать...

Но до четырнадцати лет сколько еще ждать!

У тети Асы было скучно. Ежики вернулся на Полуостров. Дом стоял запертый, с пломбами на дверях. Но можно было уговорить Кантора или Янца взять в Управлении Охраны правопорядка ключ, побыть в доме хоть часик. Дважды Ежики так и делал. А потом не стал: слишком грустно было уходить из дома.

Мама теперь снилась реже. И оставалась одна горькая отрада — Кольцо. Мамин голос...

У каждого лицеиста была своя комната. У Ежики — угловая, на втором этаже, окнами в парк.

...Кантор включил свет.

— Вы прилягте, Матиуш. Я позову доктора.

— Зачем? Ничего со мной не случилось.

— Ну все-таки...

Ежики лег на узкую тахту. Она была твердая (мальчикам не следует нежиться в мягких постелях). Кантор присел на краешек. «Сейчас начнется: будет нагонять дремоту». Мягкие ладони легли на лоб:

— Ох как ты устал, мальчик...

«Знаем мы эти трюки». Ежики запросто мог бы не подчиниться усыпляющему воркованию, но не все ли равно?

Дрема накатывалась. Ладони прошлись по щекам, по плечам, по рукам, по телу, задержались на бедрах. Скользнули по ногам, смывая с них саднящую усталость. Осторожно сняли сандалии (Ежики сквозь вязкое забытье уловил укоризненный вздох: ох, мальчик, в обуви на тахту...).

Потом Кантор, кажется, вышел. Лежать было хорошо, но остатки колючего беспокойства — последние такие иголочки — мешали полному покою. И Ежики резким толчком нервов разорвал сон.

Он лежал теперь, по-прежнему неподвижный, с прикрытыми глазами, но с ясной головой. Сквозь сомкнутые ресницы видел на потолке рельефный узор с темными глазками в завитках орнамента. Каждый лицеист знал, что в одном из глазков широкоугольный объектив ректорского экрана. Дабы ведомо было ректору, чем заняты подопечные чада наедине. И ректор знал, что лицеисты это знают и заклеивают глазки. И был поэтому еще один объектив, укрытый за решеткой зимнего обогревателя. Знали и про такой, закрывали, если надо. Но были, говорят, и еще — совсем хитрые и, скорее всего, с инфракрасным приемником, чтобы темнота не укрывала воспитанников от наставнического ока. Ну и наплевать! Ежики скрывать нечего. Разве что Яшку. Но поди разбери на экране, что там делает мальчишка с маленьким школьным компьютером типа «Собеседник»...

Однако сейчас Ежики хитрил, притворялся дремлющим. Увидел из-под опущенных век вошедшего опять Кантора и доктора Клана, высокого, со щетинкой седых волос и лицом старого гусарского полковника из кино про наполеоновские войны. Без халата, в старомодном парусиновом пиджаке.

— Эк ведь умаялся бедняга...— Доктор мягко взял Ежики за локоть.

Ежики неразборчиво бормотнул, как положено человеку в липкой дремоте полугипноза. Выше локтя ткнулся холодный пятачок безболезненного шприца (наверное, с бактерицидкой, на всякий случай). Датчики докторской машинки, тоже холодные и влажные, присосались у пульсирующих жилок: на шее, у ключицы, на запястье, под коленкой... Ежики дернулся от щекотки (это можно и во сне).

— Ничего, ничего, вояка... сейчас... По-моему, профессор, все в порядке.— Доктор говорил гром-



ко. Не только ректору, но так, чтобы и мальчик слышал сквозь дрему.— По-моему, все в пределах нормы. А то, что вы сказали... Эта станция, поезд... Такое бывает в начале переходного возраста. Особенно у этих ребят. Своего рода сон наяву. И твердая уверенность в реальности этого сна...

«Неужели и в самом деле сон? Доктор — не Кантор, он вроде бы никогда не хитрит...»

— Значит, никакого лечения? — так же громко спросил Кантор.

— Никакого... Стоит понаблюдать немного. А вообще это объяснимо и даже естественно у мальчика с таким индексом воображения.

...Ох уж этот индекс воображения! Как его измерили, откуда взяли, что он у Матвея Радомира выше всех в лицее? Люди с воображением стихи пишут, картины рисуют, в артисты стремятся. Или музыку сочиняют. А он в музыке, ну, совсем ни бум-бум, хоть и сын композитора и дирижера... Он даже Задумчивого Кролика-то сыграл благополучно лишь потому, что там одно требовалось: быть задумчивым. Но Кантор говорит, что раннее проявление таланта не обязательно. Все в свое время. Главное пока — постигать программу лицея. Ведь недаром же Матиуш попал сюда. В Особый суперлицей берут лишь тех, у кого какие-то сверхспособности. В самых разных проявлениях...

Однажды Ежики спросил: как это Кантор сумел разглядеть его «индекс воображения» там, во время осады, сквозь силовое поле и стекла? Кантор сказал, что в тот вечер, проходя мимо, он просто увидел в стеклянном холле мальчишку, которому грозила толпа не очень умных людей. И бросился на защиту. Конечно, задача Командорской общины, которой принадлежит лицей,— прежде всего забота о детях с особой одаренностью, ибо за ними будущее. Но если плохо любому ребенку, какой командор пройдет мимо?.. Однако уже там, в доме, он, Кантор, увидел, что мальчик действительно с большими способностями...

«Наверно, когда я вас трахнул ногой»,— не раз порывался сказать Ежики. Но молчал, конечно. Хотелось ему и спросить: «Как вы прошли сквозь поле?». Но он понимал, что Кантор отвертится: когда, мол, ребенок в беде, у меня появляются сверхсилы, должность такая. Или еще что-нибудь в этом роде...

Доктор Клан ушел. Ежики расслабленно пошевелился, открыл глаза. Кантор стоял спиной к нему у растворенного окна. Почуяв движение и взгляд, вздрогнул, неловко дернул рукой. Обернулся. За ним, в окне, был черный парк, клейкая, без прохлады, ночь... Сдвинуть бы стекла и включить кондиционер!..

Ежики медленно сел.

Кантор сказал добродушно:

— Доктор уверен, что все в порядке. Вам надо просто отдохнуть. Стелите постель и ложитесь... Или хотите ужинать?

— Лягу.

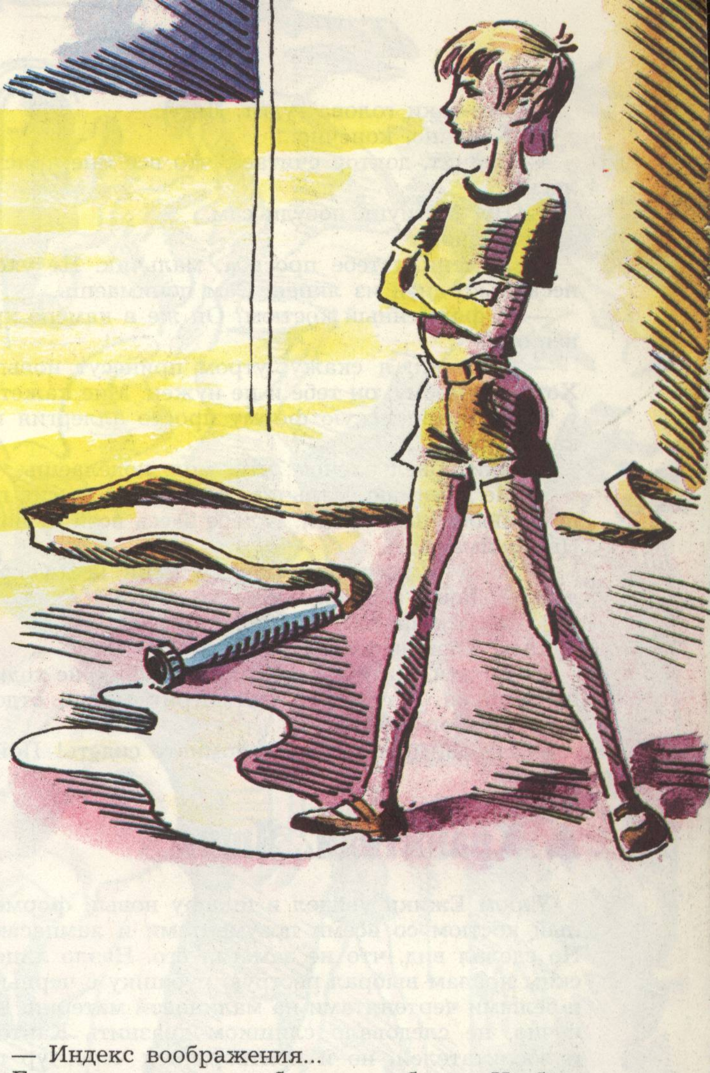
— Вам помочь?

— Что я, умирающий?

— Ну, не ершись, мальчик... Я прошу, не выключай ночник, чтобы дежурный мог понаблюдать, как ты спишь. Доктор велел... Глазок не заткнут?

— А что, инфракрасный не работает? — мстительно спросил Ежики. Откровенность за откровенность.

— Ох, Матиуш... Ну, откуда эти выдумки?



— Индекс воображения...

Ежики чувствовал себя вполне бодро. Не было усталости. Лишь на бедре царапалась маленькая, но надоедливая боль. Ежики украдкой поддернул коротенькую штанину. На коже припухли царапины, словно след кошачьей лапы.

Но ведь это!.. Ладно, про порванную майку ничего не докажешь, но здесь-то след от якорька!

Ежики торопливо зашарил в кармане. Якорька не было. Не было якорька-малыша, выросшего под лопухом на холмистом заброшенном поле.

Но ведь раньше-то он был! Вот царапины от колючей лапки. И вишневый стеклянный шар был. И Филипп, и Рэм, и Лис!.. Идите вы к черту с вашим индексом воображения!

Кантор смотрел пристально и шевелил пальцами сложенных на груди рук. Пальцы пухлые, большие, но... ловкие. Прошлись по майке, по карманам...

Они встретились глазами. Кантор встал странно, левым плечом вперед. Словно против сильного ветра. Или против силового поля, когда он шел от калитки к дому.

А все-таки, все-таки как он сумел пройти сквозь силовой барьер, который не может преодолеть никто?.. Кто вы, господин Кантор? И зачем вы мне врете?.. Или не только мне?

Мальчик Ежики опустил глаза. Не от робости. От боязни, что Кантор догадается, о чем думает Матиуш. Надо быть хитрым. Матвей Юлиус Радомир ступил на тропу войны. Неизвестно, с кем, с каким злом. Но это — зло. Это — война. И сдержанность нужна сейчас, как маскировочный комбинезон десантнику.

Ежики зевнул:

— Все-таки голова гудит. Лягу...
— Конечно, конечно...
— Значит, доктор считает, что все мне приснилось?
— Ну, Матиуш, посуди сам...
— Ладно...
— У меня к тебе просьба, мальчик. Не уходи несколько дней из лицея. Сам понимаешь...
— А форменный костюм? Он же в камере хранения.
— Пустяки, я скажу, утром принесут новый... Хотя, по-моему, он тебе и не нужен. Мне кажется, у тебя на лицейскую форму просто аллергия какая-то.
Ежики повел плечом: что, мол, поделаешь.
— Не понимаю, мальчик, почему ты до сих пор не полюбил наш лицей. К тебе здесь всей душой... Не понимаю...
— А я не понимаю, почему меня не пускают домой! Давно мог бы жить там с тетей Асой...
— Ты же знаешь: я искренне хлопочу...
«Ага, хлопочешь ты...»
— Кстати, Матиуш, завтра вам лучше не ходить на занятия. Почитайте, посмотрите кино, отдохните. Доктор зайдет...
— Ну да, целый день в комнате сидеть! Пойду в школу.

4. Хранители. Яшка

Утром Ежики увидел в шкафу новый форменный костюм со всеми позументами и лампасами. Но сделал вид, что не заметил его. Назло лицейским нравам выбрал пеструю рубашку с черными и белыми чертенятами на малиновой материи. Конечно, не следовало слишком дразнить Кантора и воспитателей, но и притворяться чересчур послушным не стоило: это ведь тоже подозрительно.

К тому же сегодня был «гуманитарный» день, лекции по истории и литературе читались не во внутренних классах, а в здании старой Классической гимназии, на них сходились ребята из разных школ и училищ, где не было никакой формы. И Ежики знал, что, отличаясь от лицеистов, он зато не будет выделяться из основной разноцветной толпы.

Гимназия стояла в трех кварталах от лицейского парка, на маленькой площади Наук с памятником Копернику. Серый камень, узкие окна, колонны, широкая лестница ведет к входу. Обычно перед занятиями на лестнице пестрым-пестро: и сидят, и скачут, и по-всякому играют... Но сейчас было еще рано. Ежики ушел из лицея задолго до начала лекций, на ходу ухватил в столовой стакан сока и кекс. Не хотелось никого встречать, ни с кем говорить. Вчерашнее помнилось четко, однако уже без тоскливой тревоги. Была у Ежики н а д е ж д а. И ожидание. Что-то должно было случиться. Непонятно, что именно, однако все к лучшему. Он теперь не надеялся на какое-то особенное чудо: утро приносит мыслям ясность и прогоняет сказки. И все-таки... Якорное поле есть. И те ребята. И значит, что-то еще б у д е т... Грустно было, но дрожала в этой грусти капелька радости...

По краям гимназической лестницы на невысоких гранитных пьедесталах в давние времена были поставлены бронзовые скульптуры. Справа задумчивая тетенька в широком и длинном, со складками, платье, в венке на волосах. Она сидела и чертила веткой у своих ног букву «А». Скульптура называлась «Знание». У складчатого подола приткнулись два голых пухлощеких пацаненка с приоткрытыми ртами: постигали азы премудрости. На тетеньку и ее учеников никто не обращал внимания.

Зато вторую скульптуру любили. Это была «Наука». Вздыбился бронзовый конь, а на него пытается вскочить гибкий мальчишка с длинным шарфом за плечами. Хочет оседлать и покорить Науку. Вцепился в гриву, закинул ногу, а другая нога свесилась. Она совсем не высоко. И голая пятка мальчика блестит свежей бронзой. Сильно стерта, потому что многие школьники, когда бегут на уроки, подскакивают и щекочут пятку. Считается, что, если пощекочешь мальчишку, он поможет тебе не нахватать плохих отметок.

Ежики никогда не подпрыгивал и не тянулся к бронзовой пятке. Потому что не хотел верить приметам, в которые верили другие лицеисты. Но мальчик на коне ему нравился. Иногда казалось даже, что он чуть-чуть похож на Ярика. И Ежики взглядывал на маленького наездника с симпатией. Взглянул и сейчас...

А внизу, у гранитного постамента, Ежики увидел другого мальчика — настоящего. В белой блузе с красным откидным воротником. Небольшого — лет восьми-девяти. Он сидел на ступенях, раскинув ноги в разлапистых сандалиях с длинной, выше щиколоток, оплеткой. Сандалии были помидорного цвета. «Гусенок лапчатый»,— с неожиданной ласковостью усмехнулся Ежики. И вспомнил опять Филиппа. Хотя нисколько, вот ни капельки не были похожи Филипп и Гусенок. Этот — светлорусый, веселый. Что-то насвистывал и жонглировал темными и мохнатыми шариками.

На миг они встретились глазами. Ежики смущенно мигнул, прошел вверх. Хотелось оглянуться, и почему-то неловко было. И вдруг он услышал сзади:
— Ежики...
Замер. Обернулся рывком:
— Что?!
Мальчик стоял ниже на пять ступенек. Улыбался. Держал на ладонях два крупных колючих каштана.
— Правда, как ежики? Все ладони мне истыкали.
Ежики молчал, по нему волной прошли досада и облегчение. А у мальчишки в глазах за веселостью мелькнуло беспокойство.
Тогда, чтобы не обидеть, не испугать Гусенка, Ежики шагнул ниже, тронул шипы каштанов.
— Ага... Где нарвал такие?
— Да на бульваре! — Он махнул назад волосами.— Сами нападали, полным-полно...
И замолчали оба. Вдруг потупились.
Чтобы не молчать долго, Ежики спросил:
— А чего ты тут... сидишь один-то?
— А так... сижу...— Гусенок переступил помидорными лапами. Посмотрел на бронзового наездника.— Прыгал, прыгал, чтоб до пятки его достать. Не достал...— И глянул вопросительно.
— Ну, давай,— усмехнулся Ежики.
Мальчишка задрал подол широкой, как платьице, блузы, в карман мятых шортиков безжалостно запихал каштаны, растопырил локти, чуть присел.
— Я сам прыгну, ты только подтолкни.
Ежики метнул его, пружинистого, легкого, над головой. Взлетел красный воротник, волосы. Мальчик мазнул пальцем по блестящей бронзе. Приземлился на корточки, вскочил.
— Теперь хорошо... Спасибо тебе.— И вдруг



сморщился, засопел. Снова вздернул блузу.— Царапается там...

— Конечно, дикобразы такие,— сказал Ежики.— Вытащи ты их...

Но Гусенок вытащил не каштаны. Из другого кармашка вынул, положил на ладонь черный якорек.

...Тот самый?

По крайней мере в точности такой же.

Рука у Ежики сама дернулась к якорьку. И так же дернулась назад — ладонь мальчика. Сжались пальцы. Ежики смущенно и сердито опустил руку. Гусенок виновато улыбнулся, разжал кулак.

Ежики сказал насупленно:

— Не бойся.

— Я и не боюсь... Смотри, если хочешь.

Ежики тронул пальцем колючую лапку.

— Ты где его взял?

— Вчера нашел в парке,— охотно признался Гусенок.

Сердце у Ежики — бух, бух, бух...

— В каком парке?

— В нашем, лицейском...

«Спокойно, Ежики, спокойно... Кантор тогда стоял у окна, рукой махнул. Выбросил?.. Подожди, надо по порядку. И не надо пугать маленького...»

— Разве ты в лицее учишься? Я тебя не видел.

— Я недавно... А тебя я видел, в столовой...

— А почему ты без формы?

— Ты вот тоже без формы,— с хитринкой заметил мальчик.

— Я ее терпеть не могу.

— А я... не знаю. Может, я тоже... Но пока мне ее просто не дали.

— А якорек... Ты нашел недалеко от угла, где спальное крыло?

— Да... Я играл там. Знаешь, где старый пень от дуба?

— Постой... Темно ведь было! Так поздно играл?

Гусенок слегка смешался:

— Ага... Ты не говори никому. Я там с фонариком бродил. Посветил под ноги, а он лежит в траве...

— Из моего окна вылетел,— не сдержался, вздохнул Ежики.

У мальчика лицо стало огорченным и озабоченным. Набухла нижняя губа, сошлись маленькие светлые брови.

— Не веришь? Я им вчера тоже исцарапался. Вот, смотри... И в кармане от него дырки...— Ежики вывернул подкладку.— Видишь...

— Тогда бери,— печально сказал Гусенок.— Раз он твой...

Ежики протянул было пальцы. Не взял. Зачем? Главное, что якорек есть!

«Есть, есть, есть!» — радостными толчками отдалось в нем. А у кого якорек хранится — неважно. Важно, что Ежики про себя знает: он был вчера на Якорном поле! В самом деле был!

И хороший этот пацаненок в помидорных сандалиях пускай тоже радуется.

Ежики весело сказал известную считалку-поговорку:

Кто гребет —
Того и лодка,
Кто нашел —
Того находка.—

И добавил: — Оставь себе.

Гусенок серьезно возразил:

— Находка — это если не знаешь, кто потерял. А я ведь знаю.

— Ну... тогда я его тебе дарю.

Мальчик мигнул, заулыбался.

— Да? Тогда ладно... спасибо. Это будет у меня «йхоло»...

«Йхоло» или просто «холо» — это маленький талисман, амулет для хорошей жизни, для защиты от всего плохого...

— А я тебе тоже...— Гусенок с натугой вытащил из кармана каштаны, потом еще что-то совсем небольшое. Спрятал в кулаке.— Это не в обмен, а тоже... подарок. На...

В ладонь Ежики легла монетка. Он глянул и... не то чтобы вздрогнул, но нервным холодком оцарапало спину.

«Та самая?.. Та, кажется, была сильней потерта. Но как похожа!»

В какую бы пору ни жил человек — в каменном веке, в средневековье или в эпоху космических полетов, он все равно верит в приметы. Ну, пускай не каждый, но многие верят. Даже капитаны межпланетных десантных лодок и крейсеров. А чего уж говорить о мальчишках... И Ежики порой горько размышлял: уж не наказала ли его судьба за трусость? За то, что отдал тогда монетку этим психам из Садового бункера.

«Но ведь она же не была йхоло! Я только думал сделать ее талисманом, но еще не успел!»

...Этот маленький странный клад они с Яриком нашли, когда лазили в подземный ход под остатками Квадратной башни у Земляного вала. Перебирались там через низкую полуразваленную стенку, Ярик зацепил камень, тот скатился, стукнул Ежики по ноге, Ежики ойкнул, сел на корточки и в метнувшемся луче фонарика увидел монетки. Они кучкой лежали в похожем на блюдце углублении ракушечной плиты, под нависшим каменным блоком.

Кто их здесь положил? В древности или недавно? Чьи монеты, каких народов и времен?

Оказалось, что очень разных. Были — прошлого века, а были — черные, неровные, с полустертыми фигурками кентавров и львов, наверно, тысячелетней давности. Все небольшие, с ноготь взрослого мужчины.

Ежики и Ярик честно разделили находку в отряде Морских орлят. Себе оставили только по одной монетке. Правда, взяли самые красивые. Разыграли их между собой. Ярику досталась денежка с двухмачтовым корабликом. На кораблике — раздутые пузырями паруса и длинные флаги. Ежики выиграл другую — с курносым и лохматым профилем, явно мальчишечьим. Конечно, ему больше хотелось кораблик, но жребий есть жребий.

Да и мальчишка на монетке был ничего, славный такой...

Вокруг мальчишечьего портрета (и вокруг кораблика тоже) тянулись латинские полустертые буковки непонятной надписи. А на другой стороне обеих денежек — никакой надписи, только число 10 и под ним отчеканен колосок с крошечными зернами и усиками...

Через день после экспедиции (получив дома нахлобучку и прощение) показал Ежики монетку маме.

— Ма-а, ты как думаешь, это кто?

— «Лехтен... стаарн»,— с трудом прочитала мама.— Кажется, город такой, очень старый. А мальчик... Возможно, это связано с легендами о Хранителях.

— О ком? О святых? — Ежики глянул хитровато.— Которых ты поминаешь?

Мама нередко говорила: «Святые Хранители, это что за ребенок!.. Великие Хранители, я опаздываю на работу!..»

Мама растрепала Ежики волосы и сказала, что научилась этим словам у его отца. Виктор Юлиус Радомир много знал о Хранителях. Это были люди, которые в разные времена героически защищали свои народы, свои города, а то и просто попавшего в беду человека. И случалось, отдавали за это жизни... Потом таких людей объявляли святыми и даже строили в их честь храмы. К сожалению, мама не знала подробностей. Историей религий она не интересовалась и просто историей тоже. И, видимо, это к лучшему. По крайней мере она не приходила домой с землей в волосах и в драной одежде...

Ежики засопел: было нечестно поворачивать к старой теме, когда уже все позади. Мама спохватилась, сделала все шуткой, потом взяла монетку на ладонь.

— Славный мальчик... Ты его береги.

Ежики не сберег монетку. До сих пор горько и стыдно вспоминать.

...Когда самодельный бумеранг не вернулся к его ногам и улетел в заросли дрока, Ежики бросился на поиски. Охая и чертыхаясь, продрался он сквозь джунгли и оказался на квадратной, мощенной ракушечными плитками площадке.

Здесь он увидел тех.

Компания из пяти мальчишек сидела кружком, и старший держал бумеранг.

Ежики вырвался из кустов со скоростью, с разгона и не сразу смог остановиться. Подлетел прямо к сидящим. Все уставились на него. А старший заулыбался — с нехорошим таким, с ненастоящим добродушием:

— Здрасьте. Это что за исцарапанное чудо? — У него было длинное, в мелких прыщиках лицо, щетинистая короткая стрижка и мокрые красные губы.

Ежики обомлел. Он был не простачок, знал, что всякие бывают компании. И взрослые, и ребячьи. Не раз объясняли учителя и дикторы детских передач, что «в них объединяются те, кто не хочет нормально жить в обществе прогресса и благоденствия». Одни просто хулиганят от безделья, другие что-то «глотают» или «курят травку», а есть и такие, кто ограбить может. Мало того, ходили среди ребят слухи и о злодеях, которые поймают мальчишку или девчонку и мучают ради своего удовольствия... В прежние времена таких шаек было полным-полно, а сейчас, конечно, Охрана порядка прижала их крепко. И все-таки...

До сих пор Ежики везло, в злые лапы ни разу в жизни он не попадал. Но теперь, увидев компанию, сразу вспомнил все разговоры и слухи.

Было уже не до бумеранга, назад бы без оглядки. Но ослабели ноги, да и все равно поймают в чаще.

А те смотрели с ухмылками. Разные были ребята — и такие, как Ежики, и старше. И лица разные, но чем-то похожие. Выражением. И словно одинаково припудренные серой пыльцой. Старшему было лет пятнадцать — волоски уже над мокрой растянувшейся губой.

Лучась улыбкой и прыщиками, предводитель встал:

— Охотишься, значит... А ну-ка, подойди, мой хороший...

Ежики сделал два слабеньких шага. Все равно не убежать.

— Не... я не охочусь. Я просто так бросал.— Голос каким-то противно тоненьким сделался.

Предводитель сказал:

— Охотишься, охотишься... Все охотятся в этой жизни друг за другом. И получается — сперва ты охотник, потом ты же добыча. Судьба — индейка, жизнь — копейка... Копейки есть?

— Не...

— Если есть, отдай сам. А то проверим и... Жижа, что бывает тем, кто говорит неправду?

Тощенький большеухий Жижа сидел по-турецки. Он поднял печальное треугольное личико, сказал пискляво:

— Больно бывает... ой, как больно, прямо даже нестерпимо.

Ежики испугался не боли. Испугался бессилия, зловещей неизвестности, чужих грязных пальцев, которые вцепятся в него.

— Ребята, я... у меня только вот...— Он суетливо зашарил в кармане.— Но на нее ведь ничего не купишь, она старая...

— Ну-ка, ну-ка...— Монетка перешла к предводителю.— Глядите, детки.

Мальчишки вскочили, застукались лбами над добычей.

— Фи,— сказал писклявый Жижа.— С голого пастушка — ни пера, ни гребешка. Тын, давайте его лучше почешем.

— Дурень,— отозвался предводитель Тын.— Это ан-тик-ва-ри-ат...

«Что же я наделал!» — ахнул наконец Ежики. Чуть не заплакал:

— Ребята, отдайте... Ну, пожалуйста! Это же йхоло!

По всем законам отбирать йхоло было нельзя. Но этим оказалось наплевать на честные правила ребячьего мира. Толстый сопящий мальчишка оглянулся на Ежики.

— Нам-то что? Хоть йхоло, хоть... дуля с колом,— сказал он. Даже похлестче сказал.

Но Тын оказался хитрее.

— Йхоло? А поклясться двумя кольцами можешь?

Ничего особенного не было в такой клятве. Надо сцепить правый и левый мизинцы, потом дернуть, разорвать и сказать, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь:

Если лопнут два кольца,
Буду гадом без лица.

Просто, зато железно. Редко кто мог под такой клятвой схитрить. Это уж если совсем никакой совести и стыда перед собой нет.

Ежики пробормотал:

— Кто по пустякам такие клятвы дает...

— Йхоло разве пустяк? А?

Поймал его Тын! И смотрел, ухмыляясь.

Монетка не была еще йхоло. Чтобы вещь стала таким талисманом, надо ее поносить с собой, привыкнуть. А потом подержать кулак над пламенем настоящей свечки до тех пор, пока терпит рука. Вот тогда — йхоло... А Ежики еще не успел. Он и забормотал про это — умоляюще, с плаксивой ноткой. И безнадежно...

— А обманывать нехорошо,— ласково перебил Тын.— Жижа, что бывает тем, кто обманывает?

— Ой, что бывает!..— с готовностью запищал Жижа.— Ой, даже совсем ужасно...

Двое ухватили Ежики за локти, один — за плечи и уперся коленом ему в поясницу. А мерзкий Жижа присел, стиснул ему клейкими ладонями щиколотки. Ежики понял, что пришел в жизни миг отчаянной битвы. Насмерть! Он рванулся с такой яростной силой, что все четверо отлетели, кто в кусты, кто на камни. Отскочил и Тын. Округлил рот мокрой буквой «О».

Враги полежали, охнули и, пригибаясь, начали подбираться. Отчаяние гудело в Ежики...

— Сто-оп,— вдруг сказал Тын.— Мальчик-то не прост...

Ежики метнулся, схватил с камней бумеранг.

— Храбрых мы уважаем,— задумчиво сказал Тын. Ежики выдохнул:

— Отдавайте монету...

— Ну уж, так сразу... Ты ее сам отдал. Теперь — за монету выкуп.

— Какой?

— А такой... Да не маши загогулиной-то. Если надо будет, все равно скрутим и причешем. Лучше слушай. Три дня будешь приносить нам дань. Подарки. Потом отдадим твою деньгу... Идет?

Куда деваться-то? Ярость и сила уже оставили Ежики. Он понуро кивнул.

— Колечками пусть поклянется,— предложил один из мальчишек. Тын возразил:

— А на шишá. Если хочет монету, придет без клятвы.

...Три дня подряд платил Ежики дань «Садовым троликам» — так называла себя компания Тына («тролик» — это помесь подземного тролля и дикого австралийского кролика, так объяснил Тын). В сводчатом подземелье, под фундаментом

срытой усадьбы у троликов было убежище — они называли его бункером. Ежики, маясь от стыда, носил в бункер то банку натуральных засахаренных вишен, то коробку с большими орехами, где в некоторых — не ядрышки, а мелкие игрушки-сюрпризы; то магнитный диск с фильмосерией про Маугли. Носил, конечно, тайком от мамы, и потому было тошно вдвойне. И никому ничего не говорил.

Можно было признаться во всем Ярику, можно было поднять на ноги Морских орлят. Уж отряду-то шайка троликов была вполне по силам. Но пришлось бы рассказать ребятам, как позорно, без боя отдал монетку. При мысли об этом лицо и уши обдавало горячим паром.

Тролики встречали Ежики добродушно. Говорили спасибо. Усаживали с собой. Угощали сваренным на старой микроволновой печке густым, как смола, чаем. Рассказывали истории, от которых было тошно, будто босыми ногами вляпался в какую-то мерзость. Один раз дали даже глотнуть дыма из старинного черного мундштука с набалдашником — трубка мира, мол. Он закашлялся, поплыло в глазах.

— Хватит! — приказал Тын.— Мальчик нежный, мужские забавы не для него...

Ежики все терпел. Ради монетки. Потому что вернуть ее было для него теперь самым важным делом на свете. Казалось, что тогда искупит он свою трусость, а мальчика — того, чей портрет на денежке,— вызволит из постыдного плена.

И на третий день, уже притерпевшись к компании и осмелев, Ежики потребовал:

— Все! Давайте монету!

Тролики захихикали.

— У вас хоть какая-то совесть есть? — опять чуть не заплакал Ежики.

— Есть, есть,— успокоил Тын.— Только все надо по правилам. Сперва ты должен пройти испытание и вступить в наше общество.

— Не буду я вступать! Мы не договаривались!

— Как хочешь. А испытание все равно пройти обязан. Тебе же на пользу. Научишься аутотренингу иттов.

— Чего?

— Не «чего», а «кого». Иттов... Было такое племя на древнем Марсе. Суровые воины. Им ни жара, ни холод, ни боль не страшны, они как камень. Могли неделями на раскаленных вулканических камнях лежать или, наоборот, на льду, врага поджидать. И не дрогнут, не шелохнутся, будто по правде каменные. Скажут себе: «Я ничего не чувствую, я итт, я неподвижен». И как мертвые...

Тын все врал. Никаких иттов на Марсе никогда не было. Там, правда, найдены остатки длинных стен и строений, но ученые не знают, кто и когда их построил... Странно даже, что Тын говорил так серьезно, будто и сам верил.

— Не хочу я,— сказал Ежики,— никаких иттов...

— Не хочешь — гуляй.

— Сами обещали, а теперь...

— А мы с трусами честных дел не имеем. Труса надуть — себя порадовать!

— Я не трус, а просто не хочу! Вы опять обманете!

Тын сцепил мизинцы:

— Кто сломает два кольца, будет гадом без лица!.. Выдержишь испытание иттов — отдадим деньгу!

В общем, привели его в бункер, велели снять майку. Положили спиной на широкую, как ствол дуба, железную трубу — она проходила по краю подвала. Какая-то подземная фабрика сливала по ней в дальние отстойники свои отходы. Труба иногда была тепловатой, а иногда горячей. Сейчас — нормально, терпеть можно сколько хочешь.

— Ну и что дальше?

— Подожди...— Привязали его за ноги, за живот, за плечи толстой лохматой веревкой. Рядом, на каменный выступ стены, поставили песочные часы.

— Вот! Если выдержишь, пока весь песок не пересыплется, получишь монету и звание иттаоруженосца. Заорешь раньше — сам виноват.

Колбочки часов были с мелкий апельсин. Ежики прикинул, что песка в часах — минут на десять. Ладно, плевать. Металл вовсе не обжигает, приятно даже...

Тын куда-то ушел. Четверо сели в дальнем углу играть в шери-раш на орехи, которые принес вчера Ежики. Играли без шума, ругались шепотом. Стало слышно даже, как шуршит струйка в часах...

А может, в самом деле были на свете марсианские воины — итты? Наверно, на конях, в бронзовых панцирях и шлемах. Лица коричнево-красные, как марсианский песок... Конские копыта мягко ступают по песку. На нем — длинные тени: маленькое солнце в лиловом небе висит низко над дюнами...

Стало припекать. Горячие мухи побежали по лопаткам, по икрам. Ладно, ничего... Лучше не смотреть на часы, смотреть вверх и представлять холодное марсианское небо. А мимо проезжают всадники, смотрят на лежащего мальчишку... А кусачие мухи вовсе не горячие. Это, наоборот, уколы холода от песка, лежащего на вечной мерзлоте... А всадники едут, едут мимо мальчишки, который, наверно, и не настоящий вовсе, а вырезан из гранита древними мастерами...

— А-а!! Вы что, психи!! — Это ворвался в бункер Тын. Полоснул ножом по веревкам. Рванул Ежики с трубы. Орал и замахивался на троликов, которые с испуга роняли выигранные орехи.

— Сволочи! Оставить нельзя одних!.. Он же совсем изжарился!

Ежики недоуменно глянул на часы. Песок пересыпался. Видимо, давно. Болел надавленный железом затылок. Но больше ничего не болело. Мальчишки щупали, оглаживали его спину и ноги.

— Никаких же следов нету, Тын...

Ежики дернулся, чтобы не лапали, коснулся ногой трубы. Ахнул, отскочил. Тронул ладонью. Труба была как раскаленная электропечь.

Он обвел глазами растерянных троликов. Резко сказал:

— Монету!

— Отдай,— велел Тын Жиже. Тот замигал.

— Ну! — грозно произнес Тын.— Я обещал, что без обмана.

— Нету же ее...— Жижа осип с перепугу.— Я... ее...

— Что-о? — Тын взял писклявика за свитер на груди.— Убью, киса...

Жижа тихонько заревел:

— Я думал, он все равно не выдержит... Я ее вчера на излучатель поменял для фотонного самострела... а-а...

— Вот и доверяй таким,— скорбно сказал Тын.— Что я теперь объясню Консулу?..У, рожа... Гудзик и Лапочка, веревку! И... пшигу.

Услышав про неизвестную Ежики и, видимо, страшную «пшигу», Жижа заорал благим матом:



— Я все отдам! Не надо!! А-а!! Я ему Яшку отдам!

И стало тихо.

— Чего-чего? — не поверил Тын.

— Я... Яшку...

— Откуда он у тебя?

— Выиграл у Канючки... На той неделе...

— И молчал, м-морда...

Ежики не верил ушам. Яшка — это было главное богатство среди ребячьих ценностей. По крайней мере в границах Полуострова. Дороже всяких игрушек и многосерийных дисков. О нем ходили легенды. По слухам, он попадал то к одному, то к другому счастливчику: то как выигрыш в споре, то в обмен на какие-то сокровища... Ни сам Ежики, ни его друзья никогда Яшку не видели. И не надеялись увидеть... И вдруг — у этого тролика...

— Покажи! — велел Тын.— Да... Черт возьми, это он, хоть кольцами, хоть чем поклянусь... Везет же всяким недоумкам...

— Не надо отдавать,— сказал толстый Куча.

— Дурак! Консул обещал: если обманем, головы снимет... Ну, что, берешь Яшку? Монету все равно не вернуть. Бери... И больше у нас носа не кажи. На...

Холодный, синевато-прозрачный, размером с огрызок толстого карандаша кристалл впечатался в ладонь Ежики.

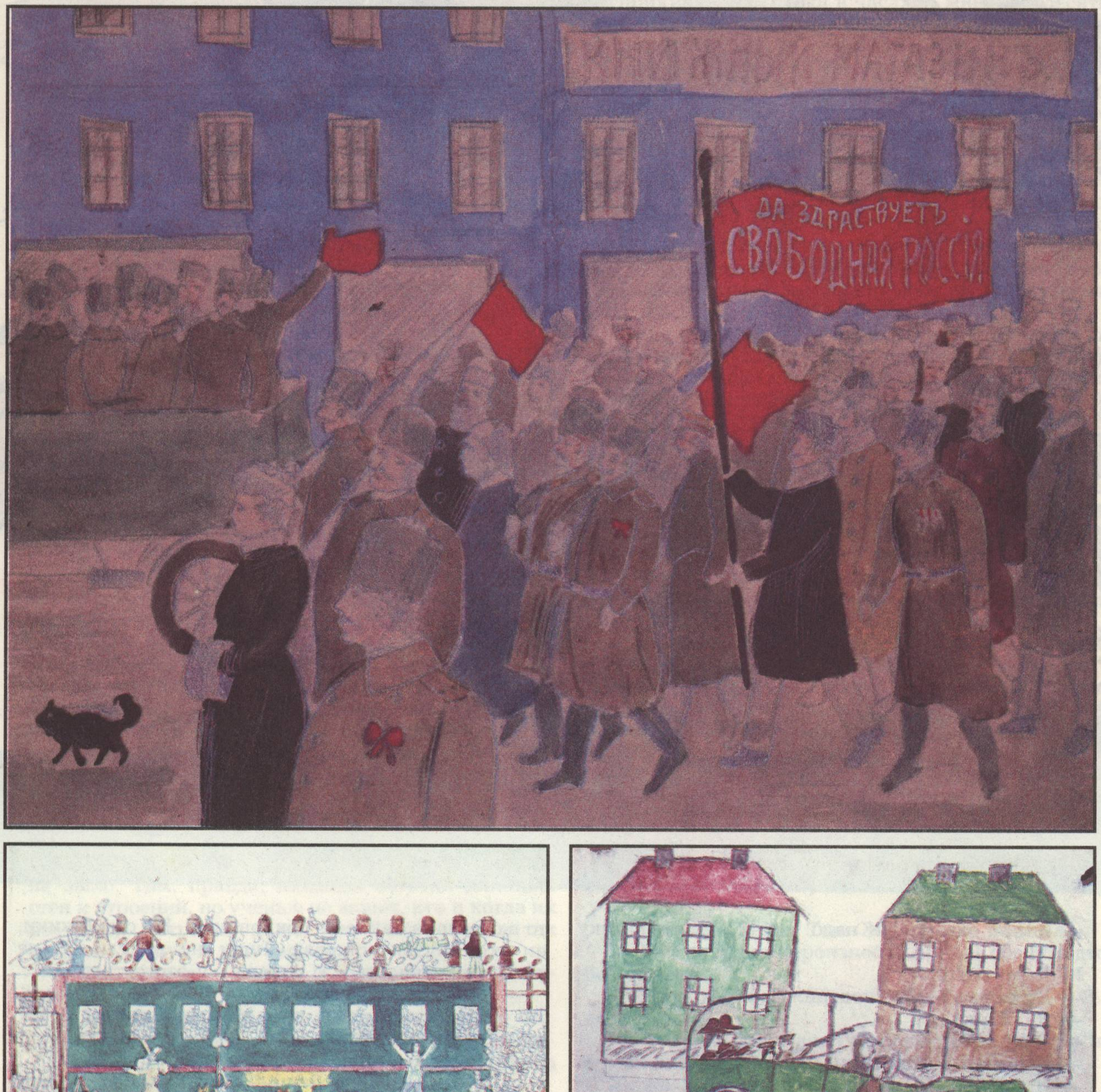
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

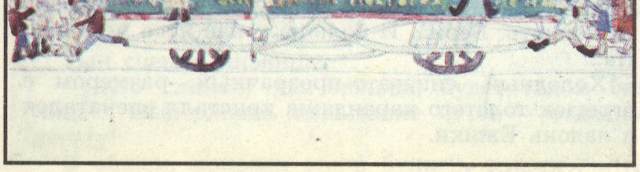
БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ВПЕРЁД

ЮНКОРОВСКАЯ ГАЗЕТА ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

11/89







КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

Самые искренние, самые простодушные

В Москве, в Государственном Историческом музее, хранится удивительная коллекция. Это детские рисунки, собранные в годы, следующие за Великой Октябрьской социалистической революцией.

Собрал коллекцию Василий Сергеевич Воронов, археолог и художник. Он был основоположником науки о крестьянском народном искусстве. До революции Воронов заинтересовался детским рисунком и начал преподавать рисование детям. С 1914 года Василий Сергеевич стал собирать рисунки детей, а к 1919 году у него их накопилось около 1600 штук. В основном это работы мальчишек, которые учились в разных московских учебных заведениях; но встречаются и девчоночьи рисунки. Это после создания Единой трудовой школы осенью 1918 года.

В 1919 году Василий Сергеевич отдал свою уникальную коллекцию в Государственный Исторический музей, где она и хранится по сей день.

Что же изображено на рисунках? Герои 1917 года, картины боев и уличных перестрелок, демонстрации и митинги, детские проекты советского герба, большевики, эсеры, кадеты, буржуи...

Смотришь на эти рисунки и диву даешься: кое-что на них напоминает наше время — длинные очереди в магазины, переполненные вагоны поездов...

Эти работы, наверное, самые искренние, самые простодушные документы великой эпохи.

Катя Максимова, г. Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала «Пионер» ОБЪЯВЛЯЕТ конкурс на лучший детский рисунок по теме

«1989 год. ПЕРЕСТРОЙКА В НАШЕЙ СТРАНЕ».

В конкурсе могут участвовать школьники любых возрастов.

ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ ИЗОБРАЗИТЬ?

Жизнь вашей школы, вашей деревни, села, города. Наших современников — участников сегодняшней перестройки. То хорошее и плохое, что вы видите рядом, вокруг себя, то, в чем сами принимаете активное участие.

ЛУЧШИЕ РИСУНКИ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ В «ПИОНЕРЕ». А ТАКЖЕ — ПЕРЕДАНЫ В КОЛЛЕКЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В МОСКВЕ.

РАБОТЫ ПРИСЫЛАТЬ ДО 1 ЯНВАРЯ 1990 ГОДА.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Я член ГПШ «Эврика» уже год. Штаб наш молодой, поэтому и проблем немало.

Недавно наш штаб побывал на VI Всесоюзном фестивале пионерских штабов в городе Пензе. Там мы узнали много новых идей, познакомились с делами других штабов, приобрели новых друзей. И еще — лучше узнали друг друга. Одно дело — встречаться со штабистами несколько раз в неделю, а другое дело — жить вместе в течение фестиваля.

И вот после поездки на фестиваль мы решили, что станем РВО — разновозрастным отрядом. Мы уверены, что пионерская работа у нас тогда пойдет лучше.

Лена Московка, г. Тольятти.

* * *

В нашей школе прошла «Сладкая ярмарка». Вырученные деньги — наш класс собрал шестьдесят семь рублей — мы отослали в фонд пострадавшим во время землетрясения в Армении и Таджикистане.

Земфира Миникеева, г. Бухара.

* * *

У нас в Республиканском Дворце пионеров прошла общегородская краеведческая олимпиада «Знаешь ли ты свой город?», в которой девять учеников нашей школы № 81 заняли первое место.

После получения наград я в прекрасном настроении сел в троллейбус, чтобы ехать домой, и вдруг слышу:

— Эти из 81-й такие забитые, ничего не знают, жюри им подсуживало.

Я обиделся, так как все было по-честному, и возразил им:

— Это вы зря! Зачем говорить-то, чего не знаете!

Но на меня посыпались упреки, мол, и мне подсуживали, а на самом деле первое место должен был занять их капитан и так далее, и тому подобное.

Дома я задумался и пришел к выводу, что все это, конечно, прекрасно: призы, грамоты, поздравления,— но не лучше ли было провести олимпиаду в форме открытой дискуссии, чтобы никому не было обидно?

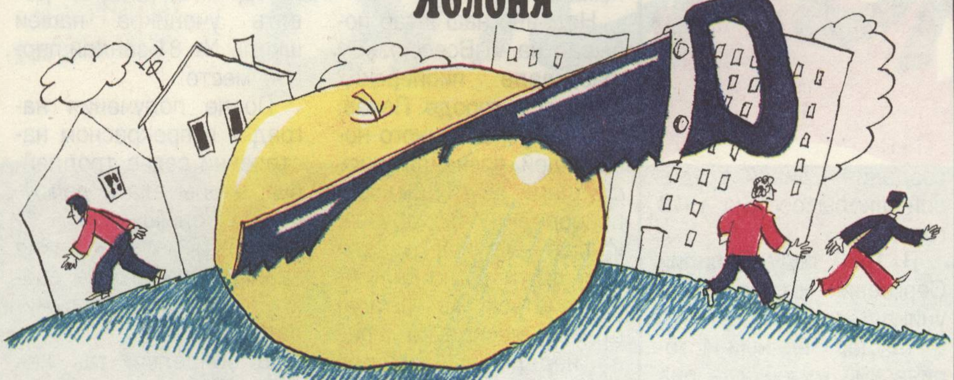
Всеволод Бельфер, ученик 7«В» класса, капитан команды школы № 81, г. Алма-Ата.



Жизнь сплетена из тысяч мелких деталей, случаев, событий. Все, что вокруг нас происходит, все — житейские истории. Почитайте те, которые мы отобрали. А может, и вы нам свои расскажете?

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Яблоня



Я хочу рассказать о самой обыкновенной яблоне, которая растет перед моим окном.

Сначала, как и подобает рассказчику, я должен описать яблоню. Яблоня эта — довольно старое и красивое дерево. Ее ветки расположены очень удобно для лазания. Каждый день на ветках сидят гроздьями ребята. Конечно, их сгоняют, но не в этом дело. Ладно бы, каждый взял по четыре-пять яблок, а то ведь ведрами несут еще неспелые, кислые плоды: «Как же, если я не возьму, то другому достанется?!» Я смотрю на этих ребят и думаю: «Неужели их родители не могут позволить себе купить на рынке килограмм спелых яблок?»

Вызвался охранять яблоню сосед со второго этажа. Больших ребят он не трогает — сразу окно закрывает, а на маленьких детей, бывает, и кипяток плеснет. Слава богу, ни разу не попал.

Сейчас вот собираются уничтожить яблоню, спилить. А теперь сами подумайте: из-за человеческой жадности пропадет дерево. Кто знает, сколько деревьев пропало таким образом?

Кирилл Добыш, 12 лет, г. Москва.

БЫЛОЕ

Веточка с листьями



Когда моя мама была студенткой, она четыре месяца стажировалась в сельской школе. Дело было в Чернском районе Тульской области. Каждое утро мама шла на работу по узкой тропинке через красивый луг, любовалась «пышным природы увяданьем», дышала чудесным воздухом. В школе ее ждали ребята, предстояла интересная работа. Но вскоре эти прогулки были омрачены. Дело в том, что на лугу паслись гуси, которых мама очень боялась. Когда гусь-вожак почувствовал это, он, демонстрируя перед стаей свою силу и храбрость, вытягивал шею, угрожающе шипел и норовил ущипнуть маму за ноги. Мама бежала стремглав. Больше всего она опасалась, что это позорное зрелище увидят ученики.

Кончилась первая четверть, мама поехала на каникулы домой. Бабушка расспрашивала ее о новой жизни, сельских тружениках, детях. И вот однажды мама призналась, что она боится гусей и каждое утро бежит от дома до шоссе, как сумасшедшая. Бабушка рассмеялась и посоветовала взять веточку с листьями и помахать перед глазами гуся... Мама так и поступила. Гусь ее больше не трогал. Наоборот, когда она шла в школу, он делал вид, будто ищет в траве нечто интересное.

Федя Козлов, 5-й класс, г. Москва.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Дедушкина версия

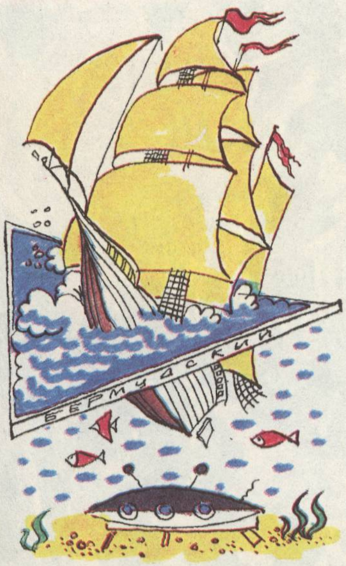
В один из длинных осенних вечеров мы с дедушкой остались одни дома. Он у меня профессор, доктор наук, изучает тайны морей и океанов. Вот я ему и говорю: «Деда, расскажи что-нибудь о Бермудском треугольнике».

Но дедушка предложил мне сначала прочитать книгу Куше «Бермудский треугольник» и сказал: «Когда прочитаешь, поговорим».

Я не расставался с дедовой книжкой несколько дней. Читал ее в автобусе — по дороге в школу, на уроках — за баррикадами учебников, ночью — с фонариком под одеялом.

Из книги я узнал, что с 1840 по 1973 год в районе треугольника погибло около сорока судов, более двадцати самолетов. Число человеческих жертв приближается к тысяче. Были найдены корабли, покинутые людьми, но с едой на камбузе и живыми кошками и собаками на палубе. В декабре сорок пятого года пропали сразу пять самолетов типа «Эвенджер». А в восемнадцатом бесследно исчез углевоз ВВС США «Циклоп», на котором было 309 человек команды. Куше объясняет это очень просто. На его взгляд, все дело в непредсказуемости морской и воздушной стихий и в том, что среди экипажа царствовало легкомыслие и разгильдяйство. Погоня за наживой решала все...

Но дед изложил другую версию. Оказывается, люди и судна пропадают в результате дей-



ствия мощного энергетического источника неизвестной нам конструкции, установленного на дне моря... инопланетянами.

Я даже сначала решил, что дед шутит.

— Скажи, а эти инопланетяне прилетели давно? — полюбопытствовал я.

— Я думаю, очень давно.

— А почему именно в этот район?

— Во-первых, в море можно сбросить нужные приборы и не особо заботиться о том, что люди их обнаружат. На суше все гораздо сложнее, для «тайника» надо искать подходящее место. К тому же этот район корабли исколесили вдоль и поперек уже несколько веков назад. О Бермудах упоминается еще в записях Христофора Колумба. Так что местечко «хорошее», оживленное.

— А как работают эти инопланетные устройства на дне моря?

— Держать их постоянно включенными экономически невыгодно. Да это и вряд ли происходит: не каждый же день пропадают корабли и самолеты. Вероятно, устройства контролируют НЛО. Они же осуществляют и «похищение» людей.

— С какой целью?

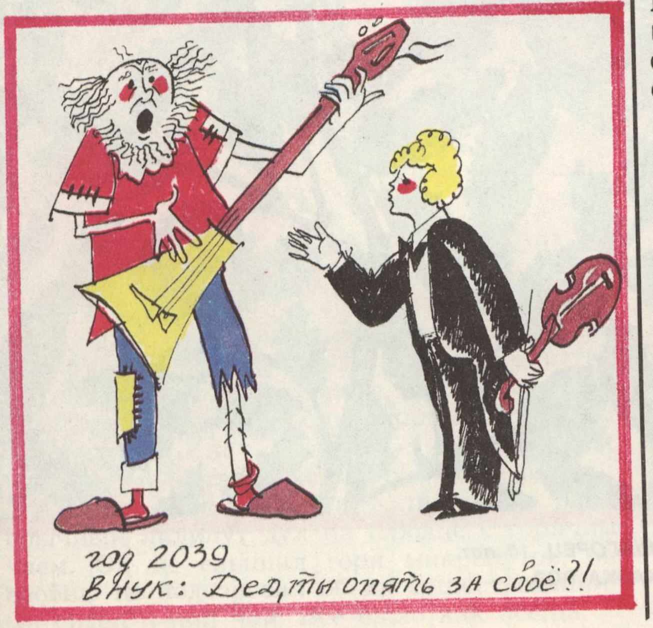
— Для научного изучения, естественно.

Напоследок дедушка добавил:

— Эту теорию так же трудно доказать, как трудно и опровергнуть.

В тот вечер я ехал домой и все никак не мог решить: разыгрывает меня дед или говорит со мной всерьез? Так до сих пор и не разберусь.

Костя Степанов,
г. Москва.



Тему для карикатуры придумала Галя Иванова из г. Астрахани.

ХИХАНЬКИ

Волшебная травка



— Честно, честно... Мне бабушка рассказывала. Именно в эту ночь...

На окраине города, где кончаются многоэтажки и начинается мусор, остановились две фигуры.

В первой из них можно было узнать ученицу Лиду Иванову, а во второй — ее подругу — Машу Курочкину...

— Именно в эту ночь... Как говорит моя бабушка.

Лидка встала на колени и поползла вперед. Курочкина тоже опустилась на землю и исчезла в зарослях. Минут пять слышался лишь шорох, сопение и пыхтение.

— Нашла! — крикнула из темноты Маша.— И горькая, и противная, и мало ее... Ну, как твоя бабушка говорила.

Лидка подползла к подруге, взяла пучок травы в рот.

— Правда,— лицо ее перекосилось,— немного тут съедим, а остатки домой возьмем.

Они набили рты травой и стали ее жевать. Руки их тряслись, глаза бегали туда-сюда, лица побелели.

— Ну, все.— Лидка выплюнула остатки на землю.— Пора желание загадывать. Как моя бабушка говорила. Повторяй! Чтоб я училась на пятерки! Чтоб я училась на пятерки!

— На пятерки-и-и,— подтягивала Маша.

На этом таинственная процедура окончилась. Подруги нагрузили травой пакеты и разбежались по домам.

...На следующий день Лидка прибежала из школы запыхавшись.

— Опять двойка-а,— прохрипела она.— НЕ ПОМОГЛО!!!

Портфель, в котором был дневник со свеженькой двойкой, полетел в угол.

— Травка! — Лидка схватила со стола пакет, раскрыла его, и... ужас пронзил ее.

ЭТО БЫЛА ...ПОЛЫНЬ!!!

— Что же бабушка говорила: «Волшебная травка ...Волшебная травка»?..

Андрей Адрианов,
г. Чебоксары.

Вперёд

Оформление Ю. ПАКА.



Наташа ШАГОРЕЦ, 10 лет.
СКАЗКА РОЗ.

Сергей КРИВОНОС живет в Якутии, в поселке Чернышевский Мирненского района, учится в школе № 3, в восьмом классе. Этот рассказ он написал, вернувшись после воскресной прогулки по тайге.

КРАСОТА ЗИМНЕЙ ТАЙГИ

Идешь на лыжах в полдень по зимней тайге. Красота! Поскрипывает лишь снег под лыжами. А вокруг все тихо. Стоят нетронутыми, будто в белых шубках, покрытые снегом деревья, а старые, высокие будто держат белый пух своими руками — ветками. Сначала идешь по ровной тропке: когда начинается спуск, потихоньку разгоняешься... и поехал! Лишь холодноватый ветерок задувает под уши твоей шапки-ушанки. На каком спуске проедешь — ничего! А на другом — упадешь в сугроб, искупаешься в снегу. Нарушишь немного красоту мирно лежащего белого пушистого сугроба. Потом встанешь, отряхнешь с себя снег и едешь дальше.

...А к вечеру, когда возвращаешься назад, красота тайги еще сохраняется. И возникает над тайгой волшебный розовый закат, который придает нашим местам особенно красивый вид.

Кто ходил по тайге зимой, тот знает, какие после прогулки остаются незабываемые впечатления.

18 декабря 1988 г., воскресенье.

Анастасии ЛАВРЕНЕВОЙ 14 лет. Она москвичка, ученица школы № 1250. Рассказы сочиняет с восьми лет.

ПОРЯДОК

Жил-был Крот. Считался он трудолюбивым, хозяйственным. Чистоту любил, порядок тоже. Все кротихи своим детям его в пример ставили. Рыл Крот с утра до вечера подземные ходы, кладовые для зерна, а глину сразу наружу выбрасывал, чтоб грязи не было. Он и знать не желает, что на поляне, под которой он живет, ни травинки, ни цветочка. Только высунется зеленый росток, а Крот на него из подземелья ком глины швырнет. Что ему за дело до того, что на поляне глина одна! В собственной-то норе чисто.

КУКОЛКА ИЛИ БАБОЧКА?



В большом цветке среди высокой травы на светлой, солнечной поляне под названием «Жизнь» жила Бабочка. Была она такая яркая, что просто ослепляла всех радужным узором своих крыльев. Привыкла она, что все ею восхищаются, все рады встрече с ней. Представьте, каково было ее возмущение, когда однажды она увидела, что Солнце, всегда так охотно дарившее ей свое тепло и свет, едва коснулось лучами бабочкиного цветка и поспешило дальше, в густую зелень кустарника. Умылась росой Бабочка, почистила крылышки и полетела Солнце догонять. Сердитая, крикнула она: «Эй, Солнце! Ты ослепло сегодня, что ли? Не видишь больше моей красоты, не радо отдать мне свое тепло?» «Тише»,— умоляюще прошептало Солнце. Посмотрела Бабочка, куда Солнце свои лучи направило, и ахнула от негодования. На листе, вся озаренная солнечным светом, лежала куколка! Да, бурый маленький комок! Возмущенная, закричала Бабочка: «Как можешь ты, Солнце, любоваться этой отвратительной куколкой, а не мной?» Вздохнуло Солнце и, не отрывая глаз от куколки, проговорило: «Ты — прекрасная бабочка. Но неужели рассвет не лучше полдня? Разве самое гениальное музыкальное произведение, льющееся полноводным потоком, лучше первых робких звуков будущей чудесной мелодии? Неужели можно сравнить самое дивное чудо с ожиданием его?»

БУРЯ

На планете микропутов один обычный микропут дул на блюдце с горячим чаем. Все было как всегда.

Но вдруг на планете микропутов началась страшная буря. Небывалый по силе ветер рушил прекрасные здания, губил урожаи, в гаванях тонули корабли, миллионами гибли микропуты, не успевая исповедаться. Страшнее бедствия здесь никогда не было.

А это просто на планете лилипутов один обычный лилипут дул на блюдце с горячим чаем. Он не слышал горя микропутов, он вообще не подозревал об их существовании. Он сидел и пил чай. Все было как всегда.

Вдруг на планете лилипутов началась страшная буря. Небывалый по силе ветер рушил прекрасные здания, губил урожаи, в гаванях тонули быстроходные корабли, миллионами гибли лилипуты, не успевая исповедаться. Страшнее бедствия здесь никогда не было.

А это просто на планете людей один обычный человек дул на блюдце с горячим чаем. Он не слышал горя лилипутов, он вообще не подозревал об их существовании. Все было как всегда.

Вдруг на планете людей началась страшная буря...

О страшных цифрах и прекрасном искусстве





Хана Бекова	28.4.30 — 15.5.44
Эдита Биккова	9.5.33 — 23.10.44
Роберт Бонди	1.5.32 — 6.10.44
Мария Мюльштейнова	31.3.32 — 16.10.44
Павел Нейман	25.6.34 — 15.12.43
Густав Цвейг	31.7.30 — 4.10.44
Руфь Чехова	14.4.31 — 19.10.44...

И еще девяносто одно имя, рядом с которыми стоят такие, до боли похожие друг на друга цифры — даты рождения и смерти. Даты рождения и смерти тех, чьи работы были представлены в Центральном доме художника в Москве на выставке «Рисунки детей концлагеря Терезин». Я никогда не видел выставки более прекрасной.

Я никогда не видел выставки более жуткой.

Говорят, цифры бесстрастны. Когда к власти приходят недочеловеки, страшными становятся даже цифры. Какое смертельное однообразие — 44, 44, 44, 44, 43... Вычтите в каждой строке из трех вторых чисел три первых, и вы увидите, что самый «старый» из художников едва дожил до четырнадцати лет.

Терезин... Кто знал перед началом второй мировой войны о существовании этого маленького города-крепости, затерявшегося где-то среди гор и долин Чехословацкой республики?

Кто знает об этом городке сегодня?

Ведь даже в современном энциклопедическом словаре нет города Терезина!

Как будто не было этого... Но снова цифры становятся страшнее слов.

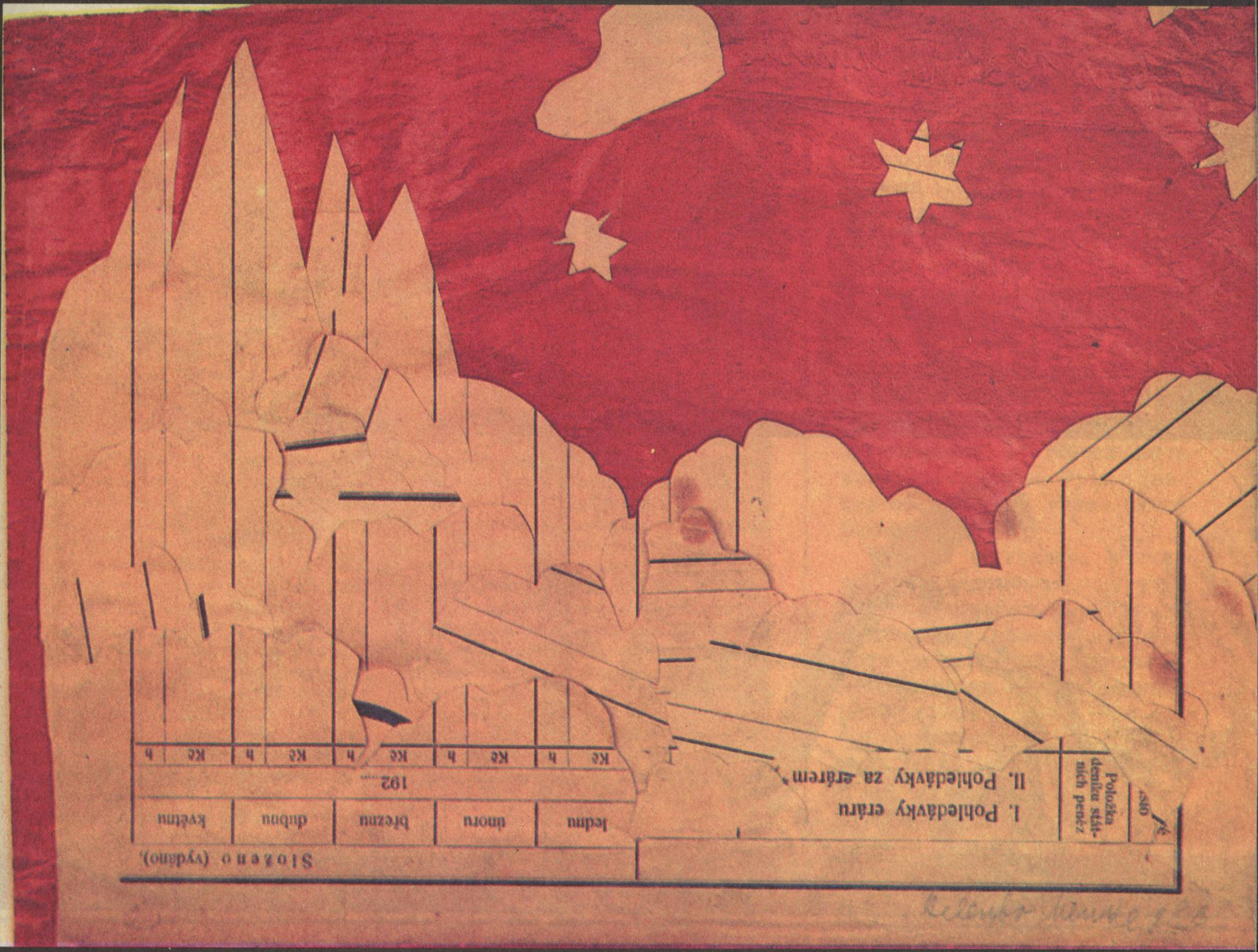
В транзитном концлагере Терезин находилось одновременно от 11 000 до 65 000 человек.

А всего за годы войны там побывало 140 000. 33 430 умерло в нем — от голода, болезней, нечеловеческих условий существования. 87 000 — отправлено в Освенцим.

Выжило из них — 3100 человек.

Среди тех, кого депортировали в Освенцим, было 15 000 детей. В живых осталось меньше ста.

Из детей младше 14 лет из



Освенцима не вернулся ни один.

Жителей крохотных украинских местечек и красавицы Праги из богатых домов и ветхих лачуг пешком, под конвоем голенастых эсэсовцев в черных мундирах и эшелонами, набитыми так, что и вздохнуть невозможно, их гнали сюда чуть ли не со всей Европы. Они были разные — профессора с европейской известностью и рукастые ремесленники, с въевшейся в ладони металлической пылью, крикливые располневшие торговки и изнеженные жены биржевых маклеров, музыканты знаменитых оркестров и полунищие синагогальные служки, воспитанные гимназисты и те, кто еще не успел пойти в школу и теперь уже не успеет никогда...

Они были разные... Но у всех на одежде светились желтые звезды. И всех ждала дорога в НИКУДА.

И обратилось все
в огромное ничто,
Все, что ты так любила.
Было раннее утро,
Взвалили свои котомки
на спины.
Закрыты окна,
заперта дверь.
Хрустнул ключ —
Уходим прочь.
Ничего-ничего-ничего
Больше нет.

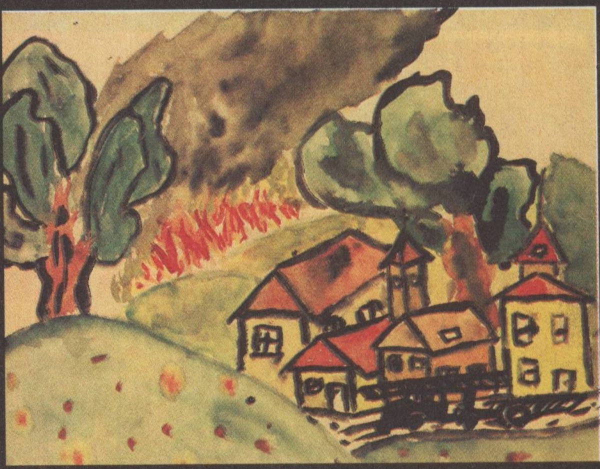
Вот какие стихи писали тогда ваши ровесники. И я даже не знаю, страшные они или прекрасные. А может, и то и другое вместе?

Но перед тем, как все они должны были уйти в НИКУДА и обратиться в НИЧТО, им предоставляли последнюю передышку, последнюю остановку без надежды, последнюю землю обетованную — Терезин.

Здесь не было названий улиц — были номера. Здесь не было имен у людей — были номера. Да, цифры бывают страшными. Но еще страшней, когда цифрами становятся люди.

Дом мой, дом,
Дорогой, единственный,
Пела так Аничка,
Умолкла навсегда.
Дом мой, дом,
Дорогой, единственный,
Самый-самый дорогой,
Самый-самый дорогой.
Нет, это уже не Милена
из Граца,
Это три номера
да две буквы.









Они еще сочиняли стихи! Господи, да за что же им такое?!

Им бы разносить в праздники по домам знакомых шалахмонес — сладкие гостинцы. Им бы под всеобщий смех вытаскивать из-под подушки, на которой сидит глава семейства, пресные коржи мацы в веселый праздник пасхи. Им бы прыгать и хохотать в зажигательном танце фрейлахс. Им бы делать то, что делают миллионы их сверстников во всем мире...

Но именно потому, что когда-то их предки назвали пасху пасхой, а пресный хлеб мацой, гостинцы к празднику — шалахмонес, а танец — фрейлахс, они теперь должны были умереть.

Умереть, потому что они ЕВРЕИ.

Такие маленькие, а уже ЕВРЕИ.

Такие большие, а еще ЕВРЕИ.

Не знаю, существуют ли причины, по которым можно отнять жизнь у живого человека: юристы до сих пор спорят о правомерности или неправомерности смертной казни. Но знаю точно, нельзя убивать кого-то только потому, что у него другая форма носа, иной цвет кожи, непохожие на твой язык и обычаи.

Мы не станем отрезать себе правую руку, если болит левая. Не станем удалять зуб, если плохо с сердцем. Так почему же один народ уничтожает другой, пытаясь добыть себе счастье? Ведь мы все — все народы — единое тело человечества. И если отсечь от него одну часть, другой лучше не станет.

Нельзя оплатить счастливое будущее своего народа кровью других народов. Храм справедливости не строится на костях.

И поэтому сегодня, когда слышу, что кто-то обвиняет в своих несчастьях евреев или турок-месхетинцев, грузин или абхазцев, русских или эстонцев, я вижу за этими словами номера улиц новых Терезинов, дым над трубами новых Освенцимов. Быть может, дети и там будут рисовать или писать стихи. Но мне кажется, человечество давно уже должно научиться создавать высокое искусство не только в лагерях смерти...

Моя бабушка дожила до девяноста с лишним лет. В день своего девяностолетия она сказала, что давно не боится умереть. «Вот когда мне было десять, жутко боялась»,— вспоминала она.

Я тоже в детстве боялся смерти. Сейчас — меньше. Видимо, только тогда, когда начи-

Существует ли методика по обучению детей рисованию перед смертью?

Кажется, вопрос чудовищный. И бредовый.

Но ведь Фридл учила детей рисовать.

И дети рисовали.

А смерть действительно была рядом. И не сказочная костлявая с косой, а вполне реальная — в мундире со сдвоенными блестящими молниями в петлицах и с автоматом.

Значит, методика все-таки у Фридл была?

Наверное. Но больше всего ее мучил вопрос. Как сделать, чтобы обрывков ткани и бухгалтерских ведомостей, огрызков карандашей и остатков краски хватило на всех, кто хотел рисовать.

А еще перед ней стояла задача освободить детей. Нет, она не могла вывести их из концлагеря, но она хотела заставить ребячью фантазию унестись за пределы проклятого богом Терезина.

И поэтому у нее была своя методика. Сначала — ритмические упражнения. Дети подхватывали движения и заданный Фридл ритм, выводя на оборотных сторонах листа эллипсы, кривые, круги... Выбор цвета у каждого ограничен. Ученики сами составляли себе набор цветов, которыми сегодня могли пользоваться. Порой был ограничен и выбор предметов. Например, белая лиса с рыжим хвостом, камень, коробка. Но нарисовать их и разместить на листе требовалось самим. Пользовалась Фридл и «диктантами». Рассказывала какую-нибудь историю и предлагала изобразить те предметы, которые повторялись в ней дважды.

Фридл вынуждена была ограничивать своих учеников в средствах, но при этом она дарила им свободу.

«Занятия рисованием,— писала Фридл Диккер-Брандейсова в своей лекции для учителей и воспитателей, найденной после войны,— не ставят целью сделать всех художниками. Они призваны освободить и полностью использовать такие источники энергии, как творчество, самостоятельность, пробудить фантазию, укреплять природой данные способности к наблюдению и оценке действительности... Чего следует ждать от творческого рисования? Прежде всего стремления к всеобъемлющей свободе, именно в ней реализуется ребенок».

Позже искусствоведы отметят, что по некоторым признакам можно догадаться, будто дети, создавшие эти рисунки, находились в неволе.

Возможно. Искусствоведам виднее.

Но я увидел в рисунках другое. Фридл и за колючей проволокой дарила детям то, что обещала. Она дарила им СВОБОДУ.

Вглядитесь...

наешь спокойно произносить: «Это было пятнадцать, двадцать, тридцать лет назад»,— легче осознаешь конечность такого счета. Но в детстве это осознать жутко. Как так — все вокруг есть: дом, игрушки, птицы, облака, а тебя нет?

У детей Терезина не оставалось времени, чтобы научиться не бояться смерти. Их заставляли сразу стать взрослыми. А потом сразу умереть. Как же жутко должно было быть им?

Спасибо Фридл, которая сказала: «А почему, собственно, взрослые так спешат уподобить себе детей? Разве мы так уж счастливы и довольны собой?»

Спасибо Фридл, которая сказала: «Если дан день, то его тоже надо прожить».

Кто такая Фридл? Трудно сказать в нескольких словах. Фридл Диккер-Брандейсова родилась в Вене, там же окончила Императорскую школу прикладного искусства, оформляла спектакли в театрах Дрездена и Берлина, была создательницей «Мастерских прикладного искусства», обладательницей Почетного диплома Второй немецкой ярмарки украшений, работала в Вене над проектами и эскизами домов, магазинов, детских садов, интерьера квартир, потом, после ареста, эмигрировала в Чехословакию, вновь рисовала и даже получила золотую медаль на выставке, но фашизм настиг ее и тут. Фридл отказалась от визы в Палестину, которую выхлопотали для нее друзья, и... попала в Терезин.

Там, быть может, она и совершила главное дело своей жизни. В лагере, где любая педагогическая деятельность каралась смертью, Фридл Диккер-Брандейсова учила детей рисовать.

И пока оставались клочки каких-то ведомостей и кусочки картона, огрызки карандашей и засохшие краски, обрывки ниток и выцветшие тряпки — дети рисовали, клеили, раскрашивали.

Они творили.

И тогда отступал Гитлер и его миллионные армии. Отступали жаркое дыхание тифа и неумолимый лай овчарок. Отступал ужас смерти.

Спасибо, Фридл!

Говорят, искусство выше жизни. Красиво, но вряд ли верно. И я бы многое отдал, чтобы всех этих рисунков не было. Чтобы ученики Фридл выросли, обзавелись своими детьми и внуками. Быть может, те, никогда не появившиеся на свет дети, нарисовали бы нам картины более прекрасные и солнечные.

Но практически все ученики Фридл погибли, задушенные газом «циклон Б». А у нас остались только тысячи их рисунков. Давайте вглядимся в них, чтобы нигде и никогда не продолжился этот страшный список:

Рене Глюклинова 12.12.31 — 28.10.44
Петр Гольдбауер — даты рождения и смерти неизвестны
Анна Глюнвальдова 22.7.30 — 23.10.44
Сузи Дегенова 10.3.34 — 23.10.44
Милена Деймлова 9.12.32 — 23.10.44
Диди (?) — даты рождения и смерти неизвестны...

Николай ЛАММ

КОМДИВ

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

Рисунки М. ПЕТРОВА.



Комдив, как говорилось, был худощав, лицом бледен, под тонким нависшим носом щетинились узкие рыжеватые усики. Наверно, в гражданскую он мчался впереди всех на взмыленном вороном коне (верхом я комдива никогда не видел, но, слушая рассказы его сына Бори, похожие на сцены из кинофильмов, которые мы жадно, не насыщаясь, смотрели бессчетно раз, я почему-то был убежден, что конь у нашего комдива не белый, не гнедой и не какой еще, а непременно вороной), наверно, в гражданскую комдив мчался впереди всех на своем вороном коне, кричал «За революцию!» или еще что-то, что переполняло его, того более, составляло само его существо и рвалось наружу, чтобы принадлежать всем, всех увлечь, стать существом всех мчащихся следом людей,— «За революцию!», наверно, кричал комдив и, ворвавшись во вражеские цепи, приподнимался на стременах, изгибал, как бы зависая в воздухе, свое узкое, легкое тело, взмахивал сверкающей шашкой и на полном скаку наносил быстрый с оттяжкой удар. Когда комдив поселился в нашем дворе, он ездил на «линкольне», великолепном темно-синем «линкольне», с откидывающимся брезентовым верхом и никелированной собачкой, вытянувшейся в стремительном беге на пробке радиатора.

Нам не случалось наблюдать, как комдив уезжает на работу или возвращается с работы домой, но под вечер «линкольн» обыкновенно привозил его обедать — в эти-то полчаса-час комдивов шофер, которого сам комдив, а за ним остальные, и мы, ребята со двора тоже, звали «Егорыч», в эти-то полчаса Егорыч по распоряжению (или, может быть, по разрешению) комдива катал нас, детвору, на машине...

Прежде чем вылезти из машины, комдив, бывало, чуть наклонится к Егорычу, почти не разжимая тонких, серых губ, выпустит неслышное нам короткое словцо,— «Велел!» — с замиранием сердца угадываем мы (сбившись в кучку, мы нетерпеливо топчемся напротив подъезда у песочницы для малышей, ждем заветного слова), комдив быстрым шагом уходит в гулкую темноту подъезда, Егорыч еще минуту, которая кажется нам нестерпимо долгой, вечностью кажется, томит нас неподвижностью и молчанием, наконец кивает головой: «Налетай!» — мы, отталкивая один другого, наперегонки бросаемся к автомобилю. «Ноги оботрите как следует»,— ворчливо приказывает Егорыч — где там! Шаркаем для виду подошвами по асфальту, торопясь втиснуться поскорее в мягкое, обтянутое кофейно-коричневой кожей блаженство; автомобиль плавно трогает с места, проезжает сотню метров по нашему двору, заставленному серыми коробками жилых корпусов, разворачивается и движется обратно к комдивову подъезду. Но иногда Егорыч, по собственной ли охоте или с благословения начальства, позволяет себе вольность: мы выезжаем из ворот, сворачиваем направо, неспешно плывем по улице, вдоль тротуара (и какая радость, если по тротуару идут в это время навстречу ребята с соседнего — враждебного — двора: «Ааа! — орем мы, потеряв разум.— Ээй! Дураки!»; Егорыч слегка поворачивает к нам голову и говорит хриплым, прокуренным голосом: «Щас высажу!»). Автомобиль снова берет направо, в переулок, и почти тотчас еще раз — мы объезжаем по прямоугольнику наш огромный двор, захвативший почти полквартала, теперь мы следуем по «задней» улице, мимо корпуса, где живет комдив. Здесь, на этой улице, всего интересней баня, если из нее возвращаются в недальние Покровские казармы красноармейцы: они шагают колонной, у них красные после парилки лица, на голове темно-зеленые суконные шлемы, похожие на богатырские, шинели с красными уголками петлиц на вороте туго перепоясаны ремнями, в руке у каждого белеет узелок с бельем. «Принять вправо!» — зычно приказывает командир (улочка узкая), колонна жмется к тротуару, пропуская нашу машину, мы видим, как красноармейцы с восторженным изумлением рассматривают красавец «линкольн»,— вряд ли многим из них случалось кататься на легковом автомобиле, а на таком, на «линкольне» с никелированной собачкой на радиаторе, поспорить можно, никому не случалось, и мы, особенно если погода хорошая и верх откинут, напустив на себя равнодушный вид (нам, дескать, не привыкать), прищурясь, напряженно смотрим вперед, точно что-то выискиваем взглядом там, впереди, однако краем глаза успеваем схватить изумление и восторг красноармейцев, отчего наше торжество особенно полно и гордость уже совершенно распирает нас...

Надо сказать, что Егорыч пускал нас только на заднее сиденье, место возле него, на котором всегда ездил сам комдив, оставалось свободным, лишь Боре, если он отправлялся вместе с нами, разрешалось занимать его, и тогда Боря, сидевший рядом с шофером и напряженно смотревший вдаль, становился главным действующим лицом прогулки, мы же, остальные, семь-восемь человек, коекак теснящиеся на заднем диване, вдруг начинали ощущать неловкость, какую не испытывали, ходя пешком, вдруг становилось ясно, что эта автомо-

бильная прогулка не более как оказанная нам милость и что все встречные понимают это, от этого делалось стыдно, и мы торопили время, всей душой желая поскорее оказаться опять у себя во дворе, и с неприязнью поглядывали на узкую, как у отца, Борину спину, так некстати оказавшуюся рядом с могучей спиной Егорыча, обтянутой истертой добела черной кожанкой, которую он не снимал ни зимой, ни летом. Боря, впрочем, редко садился с нами в машину; его укачивало; он рассказывал, что, когда летом Егорыч везет его на дачу, то по дороге два-три раза останавливается — так сильно Борю тошнит; нам было такое не понять!..

Очертив квартал, мы наконец добирались до того места, откуда отправились в путь, до подъезда № 9 третьего корпуса — здесь на четвертом этаже недавно поселился комдив; все наше путешествие длилось от силы десять минут, но нам оно казалось необыкновенно долгим и далеким, да и теперь, когда я вспоминаю о нем, кажется мне таким,— может быть, оттого, что все впечатления на пути, и прежде всего сама езда на комдивовском «линкольне», все было ново, требовало для себя пространства. Даже в нынешних моих воспоминаниях является мне не улица «вообще», какой сделалась она для меня за истекшие с тех пор полвека, а выпирает навстречу каждым домом в отдельности со всеми его приметами, каждой подворотней и подъездом, каждой витриной и вывеской, чуть ли не каждым пешеходом, что попадался нам тогда, полвека назад, и на мгновение замирал, будто схваченный сработавшим зрачком фотоаппарата, при виде темно-синего плывущего вдоль тротуара чуда с никелированной собачкой на радиаторе...

«Шагом марш, не задерживайсь!» — командовал Егорыч своим хриплым голосом, он уже вышел из машины и нажатием сверкающей изогнутой ручки отворил нам дверцу. «Шустрей, шустрей!» — прикрикивал он, не повышая голоса и не изменяясь в лице,— лицо у него было круглое и плоское, как у каменной скифской скульптуры, как у нее, степными ветрами, изъеденное оспой, впрочем, может быть, и теми же степными ветрами тоже,— Егорыч был вместе с комдивом на гражданской, на одной руке у него не хватало двух пальцев, и лоб был приперчен черно-зелеными пороховыми крапинами: Боря рассказывал, что это от взрыва гранаты, которую Егорыч подхватил у самых ног комдива и отбросил в сторону... «Шустрей!» — командовал Егорыч, и мы нехотя, один за другим, наступив на металлическую с вафельным узором подножку, соскакивали на землю — земля покачивалась под нами, мы чувствовали себя матросами, ступившими на берег после кругосветного плавания. Егорыч маленьким веником выметал из кабины пыль и песок, облетевшие с наших башмаков, с тряпкой в руке обходил автомобиль вокруг, придирчиво его оглядывал, тщательно стирал всякое пятнышко, иногда предварительно плюнув на темно-синюю блестящую поверхность борта; закончив обход, он усаживался на свое место, клал руки на руль и, глядя перед собой, сидел неподвижно в ожидании, пока выйдет комдив.

Наверно, на полях гражданской комдив, лихой и стремительный, мчался на вороном скакуне, крутил в воздухе сверкающей стальной полосой шашки и рубил ею наотмашь,— я видел его совсем другого: всегда озабоченного — он шел от подъезда к машине, озабоченно опустив голову, напряженно думая о чем-то неотступном, узкая его спина озабоченно сутулилась, и даже походка у него была озабоченная — поспешающая, точно он постоянно куда-то опаздывал, он шел нешироким легким шагом и ноги ставил как-то убористо, попадая одной в след другой. Он носил длинную, командирскую, ладно пригнанную шинель, в петлицах красовались два ромба, и эти его ромбы были НАШИМИ ромбами, предметом всеобщей нашей ребячьей гордости. «А у нас во дворе комдив живет — два ромба!» — хвастались мы в классе, и было чем хвастаться: не у каждого во дворе есть свой герой гражданской, и не каждый имеет счастливую возможность ежедневно, если захочет, созерцать два ромба на чьих-то петлицах. «Врешь!» — иной раз скажет незадачливый собеседник, но и по лицу его, и по тому, как произносит он свое «врешь», сразу видно: знает, и прекрасно знает, что ты не врешь, просто не хочет признать поражения; у него, у одноклассника, в доме обитает, правда, военный летчик, но до нашего комдива, до его (до наших!) ромбов летчику далеко.

Особенно любили мы, когда в теплые дни комдив появлялся из подъезда без шинели, в гимнастерке — тогда, мало что ромбы в петлицах, мы видели слева, над нагрудным карманом, привинченные два ордена: один — знакомый нам орден боевого Красного Знамени, другой — необычный, вытянутый овалом,— две скрещенные сабли, маленький алый флаг и золотая вязь непонятных букв; по Бориным словам, это был орден Красного Знамени Хорезмской республики, где комдив храбро сражался с басмачами. Орден в ту пору был редкостью, человека с орденом на груди повсюду окружали почетом, на улице ему смотрели вслед, в газетах писали: «колхозник-орденоносец», «летчик-орденоносец», «писатель-орденоносец», тем самым выделяя этих людей из массы просто колхозников, летчиков, писателей; в титрах фильмов ставилось: «артист-орденоносец» — и это было, конечно, совсем не то, что вообще артист. Наш комдив был не только комдив, но еще и «дважды орденоносец» (так тоже тогда писали).

Комдив садился в автомобиль рядом с Егорычем, едва разжимая серые губы, приказывал: «Поехали». Егорыч за козырек пониже натягивал на лоб кожаную фуражку, трогал рычаги, и машина бесшумно и плавно исчезала, оставив после себя медленно тающее в воздухе кольцо сизого дыма.

Боря, сын комдива, был мальчик хилый; он не сторонился наших игр, но, когда мы играли, както само собой оказывался в стороне: в прятки его тотчас находили; в казаки-разбойники ловили первого; если мы делились на команды, чтобы погонять на дворовой площадке футбольный мяч, его брали обычно в более сильную команду и ставили в ворота — считалось, что в сильной команде, которая будет нападать, он, стоя в воротах, принесет меньше вреда, а пользы от него не ждали,— но и в воротах, между двумя деревцами с побеленными стволами, Боря держался недолго. После первого забитого гола кто-нибудь из ребят говорил: «Ладно, поди посиди» — и он, ничуть не обижаясь, даже как будто радуясь, что не сам вышел из игры, а был выдворен помимо воли, вприпрыжку отбегал в сторону, усаживался на какое-нибудь бревно или ящик и с очевидным интересом и удовольствием наблюдал, как развиваются события на футбольном поле.

Он смешно бегал — как козленок, припрыгивал, подскакивал на ходу на своих длинных, тонких ногах с выпирающими коленями; когда мы, преследуемые дворником Афанасием или теснимые

в битве с ребятами с соседнего двора, оказывались вынуждены спасаться бегством, Боря всегда оставался далеко позади — подпрыгивал, подскакивал, бессмысленно, не в лад бегу, размахивал руками,— впрочем, ни дворник, ни соседские ребята его не трогали, просто как бы не замечали. Мы относились к Боре ровно и доброжелательно, не потому только, что наше к нему отношение замешивалось на почтительном восхищении его отцом, хотя, конечно, не обходилось и без этого: Боря отличался необыкновенным миролюбием, никогда ни с кем не спорил, без всякого душевного усилия, с удивительной непринужденностью выполнял все, что от него требовали другие ребята, и всегда пытался делать то, что делают остальные,— правда, старания его редко увенчивались успехом: очень уж он был слаб и, я бы сказал, как-то физически несообразителен.

Лишь иногда, считанно раз, точно какая-то пружинка в нем распрямлялась: он вдруг бледнел, топал ногой и сердито выкрикивал грубое слово — не ту брань, в которой все мы были сызмала изощрены, что-нибудь совсем наивное, «дурака» какого-нибудь или «черта», но в его неизменно вежливой речи и это звучало как удар, или, так же внезапно побледнев, хватал камень и что было силенок в тощих его руках швырял в обидчика, или бросался на него врукопашную и, яростно размахивая кулаками, пока не поистратит пыл, колотил воздух — в драку с ним не вступали, разве что оттолкнут легонько в сторону. В подобных случаях наш дворовый заводила Витька, по прозвищу Петух, а потому именовавшийся и в нашем и в окрестных дворах Петькой, мелкий ростом, но дерзко и отчаянно смелый (он потом утонул, переплывая на спор Москву-реку), Витька-Петька этот в подобных случаях вдруг охватывавшей Борю ярости неизменно с интересом его рассматривал, будто только что увидел впервые, и, утерев ладонью маленький, как пуговица, постоянно мокрый нос, изрекал приговор: «Он, Борька, вообще-то смелый, только руки жидкие». Здесь Витька-Петька подражал дворнику Афанасию: когда кто-нибудь из нас брался помогать ему мести двор или кидать деревянной лопатой снег в снеготаялку, высокий железный ящик на салазках, под которым разводили костер, Афанасий, мужчина огромной силы и неутомимого трудолюбия, сердито басил, подстегивая не поспевавшего за ним помощника: «У тебя что — руки жидкие?..»

Борину мать во дворе называли «персиянкой» — смугло-желтая, черные, резко очерченные полукружия бровей, прямые черные волосы, гладко причесанные и скрученные на затылке в большой тугой узел. У Бори волосы были не черные — темно-каштановые, подстриженные «под челку», «под пчелку», как выражался молодой красивый парикмахер Алеша, орудовавший в крошечной — одно кресло — парикмахерской на углу переулка, наискосок от наших ворот; этот Алеша, наружностью точь-в-точь великий наш поэт, как изображен он на известной гравюре «Пушкин в юности», не затрудняясь творческими поисками, стриг под эту самую «пчелку» все ребячье население нашего двора и всех близлежащих домов. При темных волосах и смуглости кожи Борины глаза поражали голубизной, от этой темноты волос и смуглости особенно яркой,— когда однажды, садясь в автомобиль, комдив, не поднимая озабоченно опущенной головы, вдруг взглянул на нас, сразу ясно стало, откуда у Бори эта голубизна: сияющие, прозрачно-голубые глаза комдива вместе со взглядом прямо-таки выплеснулись из-под век.

Во дворе комдив ни с кем не разговаривал, да и когда ему было разговаривать — глядя под ноги, сутуля узкую спину, он поспешающим шагом быстро проходил от машины к подъезду и через полчаса-час точно так же от подъезда к машине; в другое время его и не видели. Он и с нами никогда не вступал в беседу: приотворив переднюю дверцу и нащупывая ногой в длинном тонком сапоге металлическую вафельную ступеньку, что-то коротко говорил Егорычу, а уж тот, выждав невыносимо долгую минуту, за козырек потуже натягивал на лоб кожаную фуражку, поворачивал к нам плоское, рябое лицо и командовал хрипло: «Налетай!..»

Напротив подъезда, где жил комдив, как было упомянуто, расположилась песочница, в ней деньденьской копошились малыши под присмотром бабушек и нянек, молодых и старых. Среди нянек находилась и Клавдия, или попросту, по-дворовому, Клавка, юная особа с такими пышными формами, втиснутыми в узкое платье с хозяйкиного плеча, что даже мы, ребятня, не проходили мимо нее равнодушно и обменивались между собой шуточками, подслушанными у взрослых парней. Неизменные внимание и успех, сопровождавшие Клавку на жизненном пути, сделали ее невоздержанной на язык и решительной в поступках. Однажды под вечер она сидела, лениво развалясь, на могучей садовой скамье (выкрашенные в зеленый цвет трехдюймовые доски на тяжелом чугунном основании) и делилась планами будущей, исполненной всяческого благополучия жизни с бабой Машей, маленькой старушкой, главной дворовой сплетницей, обитавшей на первом этаже в том же подъезде, где и наш комдив; между тем ребенок, порученный Клавкиному уходу, ползал у ее ног и возводил грандиозное здание из влажного оранжевого песка, только нынешним утром завезенного дворником Афанасием. Свою лопатку ребенок в порыве увлечения отбросил далеко в сторону, Клавка заметила непорядок, но очень уж не хотелось ей поднимать с приземистой, удобной скамьи свое большое тело; тут на беду из подъезда появился Боря, и девица, привыкшая к беспрекословному повиновению особ противоположного пола, громко ему сказала: «Эй, барчук, подай лопату!» Возможно, она произнесла это без злого умысла, но слово было сказано — Боря вдруг побледнел, взвизгнул, подпрыгивая, подбежал к песочнице и принялся исступленно топтать ногами постройку, над которой старался доверенный Клавке ребенок. Ребенок протяжно заголосил. Клавдия рассердилась, сползла со скамьи, шагнула к Боре и, нимало не задумываясь, с размаху влепила ему звонкую пощечину. Мы и сообразить-то ничего не успели, потому что именно в это мгновение рядом с нами оказался темно-синий «линкольн», передняя его дверца стремительно распахнулась, комдив выскочил из машины, плечи его распрямились, в бешеных глазах металась голубизна. «Не сметь!» — закричал он; не знаю, громко закричал или не очень, это был какой-то особенный крик, точно снаряд просвистел над головой и взорвался неподалеку и вокруг вдруг возникла звенящая пустота. Я почувствовал, как колени у меня сделались ватные, а комдив еще раз закричал: «Не сметь!»,— и новый снаряд пронесся над нашими головами; комдив схватил сына за руку, дернул его так, что Боря едва не упал, и, таща его за собой, шагнул к подъезду. Дверь хлопнула, и, наверно,



лишь минуту спустя в повисшей над двором звенящей тишине тонко завыла Клавдия.

Дома у комдива никто из нас не бывал, и все-таки мне довелось однажды: Боря болел и, высунувшись на балкон, попросил меня занести ему какую-то книжку. Я в момент через ступеньку одолел четыре этажа и остановился перед дверью, мне знакомой,— вместо электрического звонка в нее был вделан кем-то из прежних, давно сменившихся хозяев квартиры старинный бронзовый кружок с ключиком посредине и резной надписью по кругу: «Прошу крутить» — вы крутили ключик, и он, цепляясь за какие-то зубчики или пластинки, издавал мелодичный стрекочущий звук.

До недавних пор, когда в квартире поселился комдив, здесь ненадолго обосновалось семейство немецкого специалиста, эти специалисты («спецы») были приглашены к нам, чтобы помочь наладить разрушенное хозяйство; «спец» привез с собой жену и сына, вихрастого белокурого мальчика в очках на веснушчатом носу; мальчик ходил в клетчатой рубахе и брюках-гольфах на манжетах, застегнутых под коленями. Мальчика звали Григó. Впрочем, может быть, это была его фамилия, но в первый же день по приезде он выбежал во двор и стал радостно знакомиться со всеми: «Здравствуй,— говорил он,— гутен таг!» — тыкал себя пальцем в грудь и представлялся: «Григó» — имя к нему и прицепилось. Григо был на редкость смешной парень, особенно веселило нас, что, кроме Ленина и Сталина, он никого из наших не знал в лицо, да и не слышал почти ни о ком,— страница за страницей он, морща веснушчатый нос, чтобы поправить сползавшие очки, рассматривал наши школьные учебники, долго вглядывался во всякий портрет, потом поднимал глаза от книги и, кто бы ни был там изображен, Пушкин или Шота Руставели, герой революции или один из вождей, непременно спрашивал: «Хороший человек?» — «Хороший! Хороший!» — дружно орали мы, хохоча во все горло. Скоро Григо уехал из нашего дома, то ли нам услуги «спецов» больше не понадобились, то ли свои их отозвали обратно, и они возвратились в Германию. (Где ты, радостный мальчик Григо? Жив ли? Не выпала ли тебе участь в сорок первом снова отправиться в Москву, и не на этом ли пути нашел ты последнее пристанище?..)

Я покрутил ключик, мне отворила дверь Борина мама; дома она не была похожа на персиянку, несмотря на черные волосы и смуглое лицо: на ней были очки, обыкновенные очки, в проволочной оправе, как тогда носили; эти очки ужасно меня удивили — так они не шли к ней, она, видимо, и сама знала это,— пропуская меня в прихожую, сразу их сняла и сунула в карман белой вязаной кофты.

«А я тетради проверяю, я ведь училка, преподаю немецкий язык, только не детям, а взрослым, в военной академии, красных командиров учу немецкому языку...» Она говорила быстро, частила словами, это было неожиданно, как очки: по двору она всегда проходила молча, ни с кем не останавливаясь и не заговаривая, отчужденно и недоступно.

«Ну, прежде всего, здравствуй. Как тебя зовут? А меня Лидия Прокофьевна. А я терпеть не могу кофе. Пью только чай, с утра до вечера. Борька называет меня Лидия Прочаевна».— Я понял, что это у них такая шутка, что это она меня смешит, но не засмеялся. Огорошенный ее торопливой речью, я растерянно стоял перед ней и протягивал принесенную для Бори книгу. «Ну, что ж ты, проходи вон туда, к Борьке, я его в постель загнала, совсем простужен и все норовит на балкон. Ну, что ж ты стоишь? Он тебя ждет. А я пока чай поставлю. Будем чай пить». Тут, на мое счастье, появился Боря в серой домашней фланелевой курточке, в трусах, в валенках на босу ногу, хотя на дворе стоял теплый сентябрь; шея у Бори была замотана синим шерстяным шарфом. Боря взял меня за руку и повел к себе.

Квартира комдива поразила меня пустотой. Быт наш в ту пору был убог и труден, и именно поэтому перегружен вещами. Всякая вещь казалась необходимой, оттого что доставалась тяжело — негде было достать и не по карману, всякая вещь служила долго и после долго береглась в расчете на то, что, глядишь, еще послужит — можно будет ее починить, переиначить, приспособить к чему-то. Наши шкафы, буфеты, комоды, кладовки, сундуки, шкатулки полнились старой одежей, сношенной обувью, ломаной мебелью, битой посудой, бутылками и флаконами, картонными и жестяными коробками из-под разного товара и прочей вроде бы уже непригодной в обиходе, но на всякий случай отложенной про запас утварью — иной раз роешься без спросу в старинном бабушкином комоде, темным утесом занявшем половину прихожей, и в каком-нибудь ящике, куда припрятаны дамская сумочка со сломанным замком и оторванной ручкой, прохудившиеся на пальцах перчатки, связка ключей от уже несуществующих замков, вдруг счастливая находка — часы-ходики, лет десять как переставшие отмерять непрестанное течение времени; выковыряешь из недвижного механизма одно-другое золотистое зубчатое колесико — и правда, великая ценность: ребята во дворе голову потеряют от зависти.

Быт наш в ту пору был стеснен, заставлен вещами, квартира же комдива гляделась нежилой, свет лился в окна и, не спотыкаясь о мебель, ровно растекался по комнатам, ясно озарял почти ничем не заставленные, от пола до потолка открытые взгляду и от этого казавшиеся очень высокими стены, пространство пола широко раскинулось под ногами, и я вдруг впервые заметил красоту светлого дубового паркета,— такой же был и у нас, но поди разгляди его, пробираясь боком между столом, кроватью и буфетом.

У комдива мебели почти не было: в Бориной комнате узкий кожаный диван, легкая этажерка — наверху книжные полки, внизу — закрытые, вроде маленького шкафчика с дверцей; в столовой застеленный клеенкой квадратный стол, на нем с одного края высилась стопка тетрадей, стояла белая фарфоровая чернильница-непроливайка, лежали ручка и красный карандаш: Лидия Прокофьевна-Прочаевна (а ведь и в самом деле смешно, я не сразу понял, как смешно,— молодец Боря!) — Лидия Прочаевна проверяла здесь работы своих учеников, красных командиров; в углу застеленный красным восточным ковром матрас на деревянных ножках, из-под которого высовывался огромный чемодан с ремнями и пряжками.

«Ну, вот и чай! — Лидия Прокофьевна принесла из кухни белый жестяной чайник; на ней снова были очки в проволочной оправе; которые так не шли к ее красивому смуглому лицу, но она, видно, забыла про них и уже не замечала.— Борька, усаживай гостя, я сейчас чашки поставлю, печенье сегодня хорошее достала, в кондитерской, знаешь, на углу, где парикмахерская...» Я хорошо знал эту кондитерскую, мама иногда давала мне



немного мелочи, и я отправлялся туда покупать крошки — эти крошки оставались в плоских ящиках из-под пирожных, когда пирожные были проданы,— ими торговали на вес, особенно ценились крошки от «наполеона» — сладкие, тающие во рту чешуйки, пересыпанные сахарной пудрой. «А,— засмеялась Лидия Прокофьевна, когда я сказал про крошки,— губа не дура, язык не лопатка, знает, где сладко. Но мне тоже повезло — смотри»,— из бумажного пакета она вытряхнула в стеклянную мисочку печенье, круглое, похожее на большие ромашки с белой и розовой глазированной сердцевинкой.

«Ты, Борька, хоть бы развлек гостя, ну, что ж ты такой неумеха,— зачастила Лидия Прокофьевна, когда чай был выпит, а печенье съедено.— Ну, покажи ему наши фотографии, такие хорошие фотографии, особенно на Дальнем Востоке. Ты не был на Дальнем Востоке? Как мы там хорошо жили, как весело, правда, Борька? Я так не хотела уезжать оттуда...» Я удивился: на Дальнем Востоке я не бывал и, как всякий мальчик, конечно, мечтал о путешествиях, о неведомых краях, но при этом был уже уверен, что все люди на свете в конечном итоге хотят приехать в Москву и поселиться в ней. Боря принес альбом, мы уселись на застеленный красным с узорами ковром матрас и начали его рассматривать.

Ах, что это были за фотографии! У нас дома тоже имелся альбом, вечерами я любил его перелистывать. «Мама, кто это?» — «Это бывший папин директор, он теперь в Воронеже. А это мой приятель, еще по Харькову, когда я училась на женских курсах...» Папины и мамины знакомые, сослуживцы, родственники... Вот папа у себя в больнице — человек восемь мужчин и женщин в белых халатах сидят перед витриной с муляжами и диаграммами. Вот мы с мамой и бабушкой на даче — устроились на завалинке низкого ветхого домика, который снимали летом. А вот снова мы же, только в палисаднике, у куста цветущей сирени, мы с бабушкой целиком, а мама без головы, голову она вырезала, когда понадобилась фотокарточка для сезонного билета. Только теперь, держа на коленях Борин альбом, я осознал, какими пустячными, какими обыкновенными снимками был заполнен наш. У нас мужчины в скучных пиджаках, рубашках с галстуками, вышитых сорочках, в серых косоворотках, выглядывающих из-под пиджака,— у Бори сплошь гимнастерки и шинели, остроконечные шлемы и фуражки со звездой, сапоги со шпорами, сабли в ножнах, маузеры в деревянной кобуре. Едва не на каждой странице я останавливался, чтобы перевести дух: да ведь это Щаденко, один из главных командиров Первой Конной,— мне лицо его знакомо по портретам. А это Ока Городовиков, тоже герой-кавалерист, маленький, с раскосым калмыцким лицом и огромными, больше чем у самого Буденного, усами; однажды наш класс водили в Детский театр, и там на спектакле присутствовал Городовиков, в антрактах мы и в буфет не бегали пить лимонад, крутились вокруг него в фойе, чтобы увидеть его ордена, его ромбы — по четыре в каждой петлице! Но в Борином альбоме — потому и дух захватывало — Ока Городовиков из недосягаемого, легендарного героя превратился почти в моего знакомого: вот он, Ока Иванович, держит под уздцы коня, а рядом, тоже с конем на поводу (конь, похоже, правда вороной — на любительском снимке не поймешь) стоит наш комдив.

«А это кто?» — спросил я: на фотографии был запечатлен Боря в белой рубашке с большим командирским биноклем на груди, по одну сторону от него стоял отец, а по другую — кто-то удивительно знакомый,— я не мог вспомнить,— с тремя ромбами и тремя орденами Красного Знамени: «Это кто?» — спросил я, заранее замирая от имени, которое сейчас услышу. Боря, кажется, собрался ответить, но в эту минуту Лидия Прокофьевна приблизилась к нам и, положив руку на плечо Боре, склонилась над альбомом. «Кто это?» — переспросил я нетерпеливо и вдруг ясно увидел, как тонкие желтоватые пальцы Лидии Прокофьевны крепко — я почувствовал, что до боли крепко — сдавили Борино плечо. Боря побледнел и отвечал: «Не знаю».

Я просидел в гостях, наверно, около часа, когда в прихожей металлически заверещал звонок. Лидия Прокофьевна сдернула очки и побежала открывать: комдив приехал обедать. Я понял, что мне пора восвояси, но Боре скучно было одному, он не хотел меня отпускать и потащил к себе играть в шахматы. Прежде чем отправиться обратно на службу, комдив появился в дверях Бориной комнаты, с порога, остро прищурясь, кинул взгляд на доску — Борино положение было безнадежно. «Дружишь с Борисом? — обратился он ко мне, никак меня не называя и не спрашивая моего имени.— Он парень хороший. Слабый только. Болеет. Это от климата. То Средняя Азия. То Кавказ. То Дальний Восток». Голос у комдива был жесткий, почти без оттенков, слова он произносил коротко, четко останавливаясь на знаках препинания. «Ты ночью мне звони, каждые два часа звони, я все равно не сплю, я волноваться буду»,— из прихожей говорила ему в спину Лидия Прокофьевна. «Ночью надо спать»,— комдив едва заметно улыбнулся тонкими серыми губами и весело подмигнул нам с Борей, обжигая меня голубизной глаз. Он небрежно взял под козырек и вышел, притворив за собой дверь Бориной комнаты...

Сначала исчез Егорыч. Однажды вместо него мы увидели за рулем «линкольна» долговязого рыжего парня в сером плаще — на груди аккуратно заправленное под отвороты белое шелковое кашне. Парень делал вид, что читает газету, на самом же деле, развернув ее перед собой, не отрываясь, косился на Клавдию, расположившуюся на любимой скамье против комдивова подъезда и, конечно же, привлекшую внимание новичка своими неотразимыми формами; Клавдия тотчас это приметила и ради кокетства раскрыла над головой черный хозяйский зонтик, хотя дождя не намечалось. «Дядь, прокатишь?» — подступился к незнакомцу наш заводила Витька-Петух, чаще именуемый Петькой. «А по уху не хочешь?» — нелaсково отозвался новый шофер. Витька-Петька отодвинулся на несколько шагов от машины, провел ладонью по мокрому носу и крикнул: «Рыжий-красный — цвет опасный! Клавка, с рыжим дружбу не води, в лес поманит — не ходи!» Рыжий, сердито комкая, отложил газету: «А ну, уматывай...» — он гадко выругался, несмотря на пижонский вид. Витька-Петька тоже рассердился: «Заткнись, а то кирпичом!..» — заорал он во все горло и бросился на задний двор; бегал он так быстро, что рыжий, если бы и захотел, даже на «линкольне» не догнал.

Так закончились наши путешествия на машине комдива — зато по-прежнему ежедневно, цокая подковами по асфальту, появлялась во дворе серая спокойная лошадка, запряженная в плоскую телегу-платформу на надувных автомобиль-

ных колесах: лошадка привозила товары в домовую лавку, размещенную в полуподвале одного из корпусов. Пока возчик перетаскивал вниз коробки и ящики, мы успевали сбегать домой за ломтем хлеба, а кто изловчился, и за куском сахара — лошадка вежливо брала с ладони еду, губы у нее были мягкие, с редкими длинными волосками. Возчиков было двое. Один, старый, с бородой, на возвратном пути брал нас в телегу и вез до ворот; другой, помоложе, без бороды, нипочем не разрешал к себе садиться, когда же мы догоняли телегу и на ходу пытались взобраться в нее, сердито взмахивал кнутом, щелкал им и всячески делал вид, что сейчас огреет; мы бежали следом до ворот, то цепляясь за край телеги и повисая на ней, то соскакивая на землю и отбегая в сторону...

Прошло еще две или три недели — исчез и «линкольн»: не приехал вовсе. Назавтра я вернулся из школы, Витька-Петька заговорщицки поманил меня на задний двор, мы втиснулись в узкую потаенную щель между дворницким сараем и похожей на огромную полукруглую печь каменной помойкой, здесь, в сумрачной, пропитанной запахами отбросов теснине, специально предназначенной для сообщения важнейших секретных сведений, Витька-Петька объявил мне, что комдив наш — нет, уже не наш! — враг народа и арестован. «Что ты, Петька! — заспорил я, хоть и не сомневался, что он говорит правду: враги были повсюду.— Я у них сам видел. Он с Щаденко. С Городовиковым...» — «Прикидывался! — убежденно сказал Витька-Петька и хлюпнул маленьким, как пуговица, носом.— Все они прикидываются...»

Под вечер Боря вышел из подъезда с помойным ведром и, ни на кого не глядя, направился на задний двор. «А ну, иди сюда!» — подозвала его Клавдия, восседавшая на своей скамье, когда он возвращался обратно. Боря побледнел, поставил ведро на землю и подошел к ней. «Что? Где теперь папаша твой? — чтобы все во дворе слышали, загорланила Клавдия, ворочаясь на скамье, потому что не могла сразу стать на ноги.— Где, говорю, папаша твой? Был, да сплыл!» — «Не смей!» — тихо сказал Боря. «Ах ты, вражье отродье! — Клавдия уже прочно стояла на ногах.— И он туда же! Не смей!» Она размахнулась и толстой белой рукой ударила Борю по лицу. Боря не шелохнулся, только еще сильнее побледнел и смотрел ей прямо в глаза своими голубыми глазами. Мы толпились тут же, на другой стороне песочницы; ноги у меня сделались ватными; никто из нас не тронулся с места; мы молчали. «Не смей!» — разжигая себя, насмешливо повторила Клавка и опять ударила Борю по лицу, раз и другой. «Не трожь дитя, кобыла!» — высунувшись в форточку, напустилась на нее сплетница баба Маша с первого этажа. Боря взял ведро и тихо, не хлопнув дверью, скрылся в подъезде...

За ужином мама сказала: «Ты не ходи к Боре в гости, не надо...» — хотя в гостях у Бори я был лишь однажды, и, когда рассказал об этом дома, мама вроде бы очень была довольна и, улыбаясь, выспрашивала у меня, что там у комдива и как. Я покорно и понимающе кивнул головой. «Возмутительно!» — Папа сердито взглянул на маму, отодвинул задребезжавший стакан с недопитым чаем и вышел из-за стола.

Больше мы Борю не видели. Он и Лидия Прокофьевна исчезли так незаметно, что во дворе не сразу и сообразили, что их уже нет. Боря ни с кем не простился.

А. ТВАРДОВСКИЙ

ИЗ ПОЭМЫ

«ПО ПРАВУ ПАМЯТИ»

Сын за отца не отвечает —
Пять слов по счету, ровно пять.
Но что они в себя вмещают,
Вам, молодым, не вдруг объять.

Их обронил в кремлевском зале
Тот, кто для всех нас был одним
Судеб вершителем земным,
Кого народы величали
На торжествах отцом родным,

Вам —
Из другого поколенья
Едва ль постичь до глубины
Тех слов коротких откровенье
Для виноватых без вины...

Пять кратких слов...
Но год от года
На нет сходили те слова.
И званье «сын врага народа»
Уже при них вошло в права.

И за одной чертой закона
Уже равняла всех судьба:
Сын кулака иль сын наркома,
Сын командарма иль попа...

Клеймо с рожденья отмечало
Младенца вражеских кровей
И все, казалось, не хватало
Стране клейменых сыновей.

...Давно отцами стали дети,
Но за всеобщего отца
Мы оказались все в ответе,
И длится суд десятилетий,
И не видать еще конца.



СОВЕТЫ ЗЕЛЕНОЙ ПРА

ЗИМНЕЕ ЧУДО

Радостно на душе: скоро зимние каникулы, скоро Новый год. А всему живому в трескучие морозы да и в оттепель тоже не до веселья: жизнь животных, деревьев и трав зависит от погоды.

Астрономы считают началом зимы 22 декабря — день зимнего солнцестояния. А вот в природу зима приходит в разное время. Первые морозы и снег — это еще не начало. Она начнется, лишь когда выпавший снег не растает и замерзнут водоемы.

Очень часто погода подводит растения и зверей. Бывает так: огромный слой снега рано ложится на неостывшую землю — тогда растения погибают от выпаривания (под снегом им становится слишком жарко), а зайцы не успевают полностью переодеться, и их хорошо видно на белых сугробах. Иногда бывает и наоборот: только косой нарядится в белую шубку — весь снег возьмет да и растает. Растения вымерзают, а длинноухий опять в центре внимания. От таких зим страдают не только зайцы да травка-муравка. С трудом переживают резкие скачки температур мыши, землеройки, ежи и еще очень много разных тварей.

Вот в лютые морозы очень даже хорошо, когда земля плотно укрыта пушистым одеялом. Кажется, что в нем особенного? В словаре специалистов есть, пожалуй, больше десятка названий разных снегов. Например, «алмазная пыль» — это малюсенькие ледяные кристаллы, вися в воздухе, они очень похожи на замерзший туман. А «дикий» снег течет по горным склонам почти как вода...

Снег — настоящее чудо, да еще постоянно меняющееся. Везде он разный. В Прибалтике снежинки крупные, причудливой формы. Нередко там валят огромные хлопья. Получается это из-за большой влажности воздуха: снежинки сильно набухают, пока летят на землю. А вот на Крайнем Севере снег такой твердый, что топор звенит при ударе по нему. Когда такой жесткий снег несет сильный ветер, растения из-за «снеговой коррозии» получают раны.

Нелишне знать и то, что снег вбирает в себя составные части воздуха. Зимний воздух мало похож на летний. И не потому, что в нем нет аромата цветов и трав, а оттого, что в нем намного больше углекислого газа и озона, а аммиака, наоборот, меньше. Роль пушистого одеяла в удобрении почвы известна в народе с давних времен: «Снег на овес — тот же навоз». И вправду, в нем есть хлориды, сульфаты, гидрокарбонаты и соединения азота. У нас в средней полосе на каждый гектар земли вместе со снегом выпадает от 50 до 100 килограммов полезных для растений веществ.

У снега множество свойств. Он удобряет, согревает и еще поет. Чтобы услышать его песню, достаточно в мороз походить по нему. Чем сильнее холод, тем больше вариаций скрипа. В начале века метеорологи даже предлагали оценивать температуру воздуха по тому, как скрипит снег.

Всем хорош снег. Но коварство природы не знает границ, и даже белое чудо может превратиться в ад. Если снега зимой очень много, под его тяжестью деревья склоняются до земли: ломаются ветки, сучья и даже вершины. Очень часто искореженные деревья никогда больше не разогнутся после «снеголома» и «снеговала» — так называют эти явления ученые. *В лесу деревьям вы, ребята, не сможете помочь, а вот в парках и на улицах городов ничего не стоит стряхнуть снег со слабых и поврежденных деревьев, особенно если он падал мокрый.*

И еще одна напасть. В феврале бывают ночи с морозами-трескунами. Они названы так не случай-



Рисунки А. ГРИШИНА.

но: это от холода растрескивается древесная кора. Морозобойные трещины могут тянуться от поверхности снега на высоту до семи метров. Они образуются тогда, когда стволы крупных деревьев с твердой древесиной: дуб, клен, береза, сосна — днем нагреваются, а ночью быстро остывают. Через эти трещины в дерево попадают споры вредоносных грибов, и образуются гнили. *Вы, наверное, видели в городских парках огромные старые деревья, стволы которых в нижней части обмазаны белым известковым раствором. Это одно из средств защиты от морозобойных трещин и от ожога солнцем.*

Не только деревья гибнут зимой от снега. Если днем солнышко пригреет, то верхний слой снега немного подтает, а ночью опять мороз. Снег покрывается крепким настом. Из-под него трудно выбраться ночующим там птицам. Глухари — они посильнее — мощными клювами пробивают корку и кое-как выбираются. А целые стаи рябчиков могут погибнуть в ледяном склепе. Страдают и звери. Белке из-под наста трудно достать свои прикопки. Ледяная корка затрудняет охоту лисицы за мышами. Она в эту пору голодает и ищет отбросы у человеческого жилья. Покрытые настом травы и мелкие кустарники не может глодать заяц. Ему приходится довольствоваться старой корой больших деревьев да сухими сорняками, высоко торчащими из-под снега.

Так обстоят дела в лесу. А в городе? Поближе к человеческому жилью перебирается много всякой живности. Особенно птицы. На улицах синички успешно соперничают в кормушках с воробьями. Прилетают снегири. Уже много лет из некоторых городов, например, Москвы, не улетают в жаркие страны утки, а иногда остаются грачи и скворцы. Водоплавающие зимуют на незамерзающих речушках. Там и кормятся. Бывает даже, что стайки зимуют прямо на льду. Не забудьте о них, ребята!

В заключение хочу попросить вас. *Постарайтесь не ездить в лесу по нетронутому снегу. Катайтесь по уже проложенной лыжне: каждая лыжня — непреодолимое препятствие для мышей и землероек. И еще: не пейте даже кипяченую талую воду.* Снег собирает очень много вредных веществ; намного больше, чем самые загрязненные дожди.

Ваша прапрапра... бабушка.

ВИКТОРИНА «КОЛОДЦЫ»



Дорогие ребята! На викторину «Колодцы», опубликованную в № 5 за этот год, пришло БОЛЕЕ ТЫСЯЧИ ПИСЕМ. Разбирая эту почту, я искренне пожалел, что сам вышел из возраста читателей журнала. Захотелось и мне помериться силами с участниками викторины, чтобы... победить.

Но все же маленькая возможность — поучаствовать — у меня есть. Сегодня, прежде чем объявить победителей, я отвечу на вопросы «Колодцев».

1. Как называется такой колодец и какой он может быть глубины?

Этот колодец называется «журавль». Его прапраобраз был известен еще в Древнем Египте (3000—3500 лет назад) под названием «шадуф». Глубина «журавля» зависит от суммарной длины шеста и цепи (веревки), к которой прикреплено ведро. Обычно это 3—5 метров. Иногда и 10—12.

2. Из чего сделан колодец, который ты видишь на этой марке?

Стенки выложены камнем, а водоподъемное устройство сделано из дерева. Вероятнее всего, пальмы или бамбука, которые растут в Африке. Но никак не из березы, как об этом написали некоторые из ребят.

3. Чем различаются эти две марки? Какую мысль хотел выразить художник?

Марки, одинаковые по рисунку, различаются цветом, ценой, надписью в правом верхнем углу, наличием воды в колонке и чане. Выпущены они в стране Кот Дивуар (Берег Слоновой Кости), бывшей французской колонии в экваториальной части Западной Африки. Воды на одной из марок нет из-за жестокой засухи, которая один раз в 10—13 лет наступает во многих африканских странах. В это время пересыхают многие реки, озера, колодцы (вода остается только в самых глубоких из них и становится соленой). Многие ребята написали, что воды нет потому, что наступила зима. Но в Экваториальной Африке нет зимы в нашем понимании, и в январе здесь температура не ниже +20°С.

Автор этих марок хотел сказать не только о тяжелом труде африканских детей (о чем написали многие), но и об огромном значении подземных вод в жизни человека. Марки призывают беречь подземную воду, экономно ее расходовать, помогать тем странам, которые поразила засуха.

4. Пустая марка. Нарисуй в ней колодец или родник, находящийся в твоих родных краях. Расскажи об истории колодца (родника).

Почти вся моя жизнь связана с селом Любец, что во Владимирской области. Здесь я провел детство, сюда приезжаю каждый год в отпуск. В селе Любец есть несколько колодцев, но особенно славится один — колодец-родник, расположенный в овраге, рядом с домом моего отца. Вода в нем вкусная, студеная, ясная...

В голодную военную весну 1942 года в Любце появился седой коренастый старик эстонец, лет шестидесяти. Он носил странную фамилию, кажется, Соо, а звали его Иоахим Иоахимович. Он был кузнец. Из родных мест снялся с приходом фашистов. Молчаливый человек, он никому не рассказывал, что случилось с его семьей, из какой беды выбрался сам. Но было видно: за его плечами трудная судьба, горе... В Любце кузнеца звали на русский лад — Иван Иванович. Он прожил в селе год-два, но люди помнят его до сих пор.

...Иван Иванович оказался чудо-мастером. Первым делом он нала-

дил заброшенную кузницу. А там ковал и правил плуги, бороны, замки и затворы, отбивал косы, мастерил колеса для телеги, лудил ведра, корыта; ремонтировал обувь...

Любецким ребятам кузнец соорудил невиданные во владимирских краях финские санки — с длинными полозьями и сиденьем посередине. Были те санки тяжеловаты, но на них с ледяных гор умудрялись кататься аж впятером...

В тяжелые времена одна беда тянется за другой. Колодец, из которого наша семья и жители соседних домов брали воду, обвалился, вода в нем стала протухать. Пришлось ходить по воду на дальний колодец. Иван Иванович смотрел с грустью, как дети и женщины таскали издалека неповоротливые, тяжеленные ведра, и решил, как всегда, помочь.

В одно из летних утр Иван Иванович ушел из дома раньше обычного, чуть не до восхода солнца. Со свежесрезанным ивовым прутом он, будто средневековый искатель подземных вод, излазил любецкие овраги, пока не обнаружил то, что искал,— заросший крапивой и осокой тихий родничок.

Кузнец расчистил его от веток и крапивы. Выкопал рядом яму для того, чтобы туда стекала вода, сложил осиновый сруб, смастерил крышку — и получился колодец. Потом Иван Иванович сквозь кусты папоротника и заросли крапивы проложил удобную тропку до деревенской улицы...

Я много лет думал, что первооткрывателем любецкого колодца-родника был Иван Иванович. Но однажды случилось событие, изменившее мое мнение...

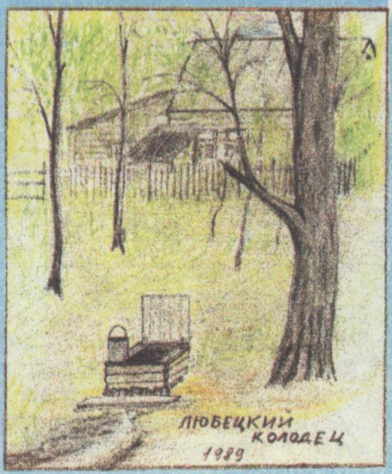
Здесь я оборву свой рассказ о любецком колодце. Во-первых, потому, что пора объявить, кто же стал победителем викторины «Колодцы», а во-вторых, о любецком колодце я пишу книжку, в которой надеюсь рассказать все, что о нем знаю.

Победителями стали:

1. Борис Костин, п. Рыздвяный, Ставропольский край.
2. Надежда Жарких, г. Чардара, Казахская ССР.
3. Ирина Шлыкова, г. Балашиха, Московская область.
4. Мария Руденко, п. Линканы, Молдавская ССР.
5. Дана Исмагулова, г. Уральск, Казахская ССР.
6. Елена Жаронкина, г. Челябинск.
7. Татьяна Мочалова, п. Онот, Иркутская область.
8. Татьяна Воронько, п. Красное, Архангельская область.
9. Дмитрий Дудин, г. Полевской, Архангельская область.
10. Ольга Нуренко, г. Ужгород.

ПОБЕДИТЕЛЯМ ВЫСЛАНЫ ПРИЗЫ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР». Поздравляем!

М. С. ГАЛИЦЫН,
кандидат геолого-минералогических наук, гидрогеолог.



ЗЕЛЕНАЯ КНИГА

Продолжаем печатать выдержки из ваших вырезок, ребята. Продолжаем создавать «Зеленую книгу». Присылайте новые вырезки!

КТО ЗАГРЯЗНИЛ КРЫМЗУ?

14—15 мая в городской комитет по охране природы, городское общество охраны природы стали поступать заявления граждан о загрязнении реки Крымзы нефтепродуктами в районе дачных участков.

Инспекцией на месте установлено следующее. В районе подстанции 220 кВ Жигулевской энергосети был произведен сброс или слив нефтепродукта (дизтопливо) неизвестными лицами. На месте имеется четкий след тяжелого транспортного средства. По толщине растекания радужной пленки установлен примерный сброс нефтепродукта (около 150 л). Просим граждан, знающих что-либо по данному поводу, сообщить в городской комитет по охране природы.

Г. КОНОНЕНКО,
председатель городского комитета по охране природы.

(Вырезку из газеты «Красный Октябрь» прислала семья Володиных, г. Сызрань.)

ВИКТОРИНА «ТРИ ИНКОГНИТО»

Что объединяет все эти растения?

Как называется каждое из них?

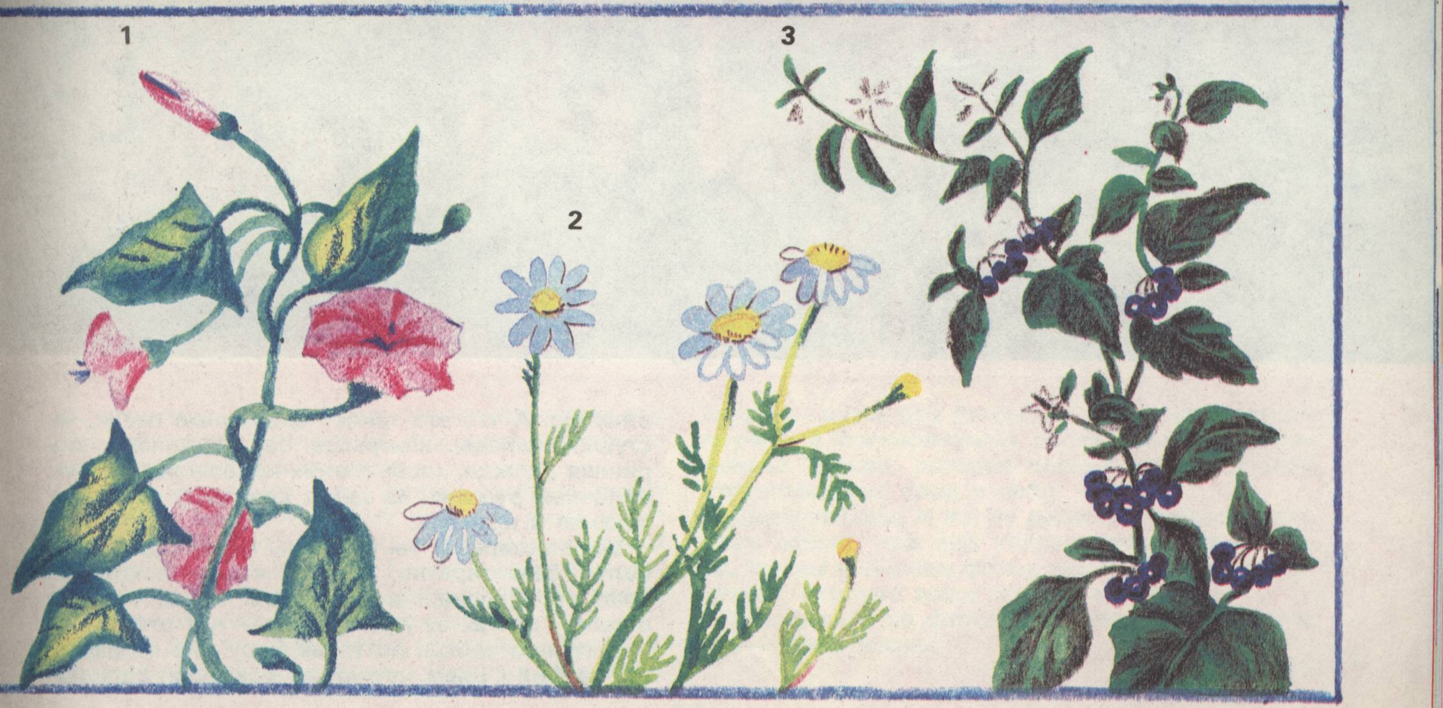
ЖЕРТВА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗГРАМОТНОСТИ

Жемчужиной низменной части Дагестана когда-то являлось урочище Бакас... Здесь было чему удивляться. Например, озеру площадью около двух тысяч гектаров — истоку реки Кривая балка, с чернореченскими родниками, тугайными тростниково-лиановыми крепями и дубовыми гривами... Здесь было больше, чем в других местах, оленя, кабана, енотовидной собаки, енота-полоскуна, фазана... И несмотря на это, Бакас постигла участь жертвы экологической безграмотности... С 1963 года урочище интенсивно осушается, и сюда все больше стараются загнать крупного рогатого и мелкого скота. Ученые признали, что осушение урочища Бакас было серьезной ошибкой, нарушавшей экологическое равновесие всей Присулакской зоны.

(Вырезку из газеты «Дагестанская правда» прислала А. Газилова)



Фотоэтюд А. ЖМУЛЮКИНА.



Задумчивый праздник



Фольклор. А что это такое? Старинные песни, частушки, напевы, наигрыши, танцы, пляски; старинная одежда, косы, ленты, кокошники, ситчик, яблочный румянец на щеках красавиц; старушки, поющие в кружке...

Милая старина! Ты уходишь. Безоглядно и все более безвозвратно. И уже новые поколения поют свои песни, танцуют свои танцы, позабыв о тебе. Где ты, ау-у-у! И часто — нет ответа...

И только иногда по телевизору или по радио, как правило, днем, нет-нет да и зазвучит балалай-







Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

ка, гармошка или домбра, запоет протяжно хор или расскажет что-нибудь под свой двухструнный иструмент старец акын.

Слава богу, что есть люди, которые знают фольклор, любят и хранят его, как дитя; несут его в наши дома, роняют живительные семена фольклора в наши души. Почему живительные? Да потому, что фольклор — корни любого народа, а кроны без корней жить не могут.

Слава тем, кто устраивает праздники фольклора, пусть не такие широкие, как этот в «Коломенском», — музее под открытым небом, на высокой круче над Москвой-рекой, возле древней белокаменной церкви, которая навеки нацелила свой стремительный свод в небо.

Пройдут годы. И мы не должны потерять себя. Быть может, нам еще только предстоит понять то, что мы называем фольклором. Понять и ужаснуться, сколько всего потеряно в пути.

Посмотрите на фотографии. Ну право же, все это — наша жизнь!

В. КОЖЕМЯКИН

ЗИМНЯЯ девочка

Сергей ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. ОСТРОМЕНЦКОГО.



Неслышимый звон

Проснешься и не знаешь: то ли еще ночь, то ли уже утро — так бывает поздней осенью. Таня лежала в кромешной темноте и смотрела туда, где было окно, сейчас почти неотличимое от стены.

Незаметно для себя она к чему-то прислушивалась, что-то надеялась услышать — какой-то тихий звон, что ли?.. И наконец услышала его. И почувствовала себя легкой-легкой... Сейчас выскользну из-под одеяла, к форточке подплыву и...

И тут поняла, почему такой легкой кажется себе, и почему может слышать тихий звон, какого никогда и нигде не бывает, и почему ветер, что шевелит занавеску, так прохладен и чист, как в большом городе случается один раз за все триста шестьдесят пять ночей. Дело было в том, что несколько минут назад на Москву стал падать первый в этом году снег.

Не в силах больше пролежать и секунды, Таня встала, открыла балконную дверь, босыми ногами ступила на каменный пол, на воздушный, толщиною в две снежинки, белый коврик. Обняла плечи руками и стояла так — в одной только ситцевой ночной рубашке.

Снег летел реденький, несмелый. Тихо дышащий ветер поддувал его в Танину сторону. И было так хорошо кругом, так тихо, так свободно и честно! Все, кто не спал, слушали и ловили с Таней этот снег: деревья, молчаливые сейчас дома, легковой автомобиль, голос которого донесся с какой-то далекой улицы...

— Танечка!

В темноте Таня увидела бледную фигуру.

— Я же не простужусь, бабушк,— сказала она тихо.

— Да я знаю,— ответила почти невидимая бабушка.— Боязно мне... Закрой, пожалуйста, дует очень.

Полжизни тому назад

Таня сама не знала, почему она так любила холод. В ванной всегда открывала самую ледяную воду. Бабушка говорила: «Ты у меня оттого и такая худенькая». А Таня что ей могла ответить? Только плечами пожать да улыбнуться.

И со снегом у нее были особые отношения. Если по радио объявят: «Местами снег»,— то можно спорить, что у Таниного дома он будет обязательно. Снеговая туча все московское небо переплывет из конца в конец, а над их улицей встанет на дыбы, как кузов самосвала... Это могло бы считаться сказкой, если б не было правдой.

Снег, лежащий на земле, Таня жалела, как многие жалеют палую листву. А радовалась она снегу летящему! Казалось ей, когда метель тебе навстречу, когда ветер, наполненный снежинками, то можно и полететь. Но не по-птичьи, а как бы поплыть... Вы во сне летали? Значит, поймете, на что это было похоже. Только Таня никогда не могла решиться. Вроде бы чего тут решаться-то? Подпрыгни, и все. Вот и ветер подходящий... Но вдруг да и правда полетишь?..

Однажды в первый снег с Таней случилось самое страшное, что только случалось с ней в жизни. И самое счастливое. Да, так вот странно слилось.

Это было давно — больше полжизни назад: сейчас Тане семь, а в то ноябрьское утро было три.

И она почти не помнит тот свой страх. И помнить не хочет! Но и не может забыть... Как она бежит сквозь снег в одном платьице белом. И белые волосы путаются на ветру.

Да, вот представьте себе: по скверу с угольными застывшими на холоде деревьями, в реке летящего снега бежит девочка. Глаза ей застят слезы. Что она бежит — куда или от кого,— она не знает. Но ей отчего-то страшно, и потому кажется, что она потерялась.

— Бабушка! — кричит она.— Бабушка-а!

И вдруг какая-то пожилая женщина, которая шла по скверу, грустно улетев мыслями далеко в другой город, далеко в другой год... вдруг эта женщина испуганно обернулась:

— Таня!

И подхватила девочку — почти уже падающую. Как только могла скоро побежала домой — хорошо, близко жила.

А прохожие оглядывались на эту очень странную пожилую женщину с очень странной маленькой девочкой на руках:

— Да разве можно так выпускать ребенка?.. И родители хороши: оставлять девочку на какую-то сумасшедшую старуху!

И дальше все в том же роде. А женщина в ответ лишь повторяла:

— Извините, извините...

Потому что ведь прохожие-то были правы... И в то же время совсем не правы: женщина впервые в жизни видела эту девочку. И вовсе не знала, что ее зовут Таня. Имя это просто вырвалось случайно. Она очень хотела иметь дочь. И назвать

ее именно Таней. Но какая уж там дочь в ее возрасте, с ее одиночеством! Судьба поступает далеко не всегда так, как нам хотелось бы,— в этом, к сожалению, вы сами еще не раз убедитесь.

Сейчас женщина ни на что не надеялась в своей жизни. И когда она подхватила на руки бегущую девочку, она тоже, конечно, ни на что не надеялась. Лишь нечаянно выкрикнула: «Таня!»

Она принесла девочку домой — как же оставишь ребенка в одном платьице да на холоде? И стала немедленно писать объявления, что нашлась девочка с такими-то и такими-то приметами...

— Тебя как зовут?

— Меня?.. Да ведь Таня же!

Несколько мгновений женщина смотрела на нее сама не своя... Знаете, так бывает во сне: все очень похоже на обычную жизнь, а потом раз — и проснешься...

Однако девочка сидела напротив и не спеша ела апельсин.

— Ты чья, Танечка?

— Твоя.

Ну что взять с трехлетнего ребенка? Еще скажи спасибо, что не плачет... Так она себе говорила, а сердце билось, билось!

Однако взяла листки объявлений, клей, кисточку, поплотнее прикрыла дверь на кухню, чтобы, не дай бог, маленькая Таня не открыла газ.

Она клеила объявления на стенках и деревьях — где позаметней. А последний листок, так получилось, она приклеила на дверях отделения милиции... Потом отыскала кабинет участкового своего, Валерия Сидоровича Винокурова. А тот — человек ко всему привыкший — хорошо, говорит, постараемся обнаружить родителей.

Прошла неделя, потом месяц. Девочку никто не



искал! И она давно уже звала нашедшую ее женщину бабушкой. А для бабушки (давайте и мы теперь будем так ее называть) каждый новый день становился все большей мукой: ведь когда-нибудь, но должны были объявиться Танины родные!

И вот однажды утром действительно раздался звонок — Валерий Сидорович Винокуров!

Он вошел... Он, кстати, был человек такой очень обстоятельный. Вытер ноги, подождал, пока нос и щеки оттают с мороза.

— Нашлись? — спросила бабушка.

Не спеша капитан Винокуров развел руками. И это могло значить что угодно. Бабушка от муки и волнения заплакала.

— Да вы не плачьте,— сказал Винокуров задумчиво,— мы ее заберем. Определим, как положено, в детский дом...

Дальше не стоит рассказывать! Бабушка принялась хлопотать, и ей разрешили удочерить Таню. Вообще это дело довольно долгое: кому попало ребенка ведь не дадут! Но тут все сладилось удивительно быстро. Словно кто помогал! И они зажили — внучка и бабушка. Тогда-то и записали Таню как трехлетнюю. А по правде никто не знал, сколько ей лет — неизвестно откуда явившемуся найденышу.

Пеструха

К середине дня первый в этом году снег перестал. Но не растаял! Праздничными ленточками бежал по карнизам домов. А на крышах лежал целыми полянами. И машины гоняли по городу в снежных тюбетейках. Да, снег умирать не собирался. Но Таня чувствовала всем сердцем: растает он, пропадет в черных лужах. И любила его за это особенно сильно — потому что жалела.

Ее послали за хлебом. День клонился к закату, небо над Москвой розовело. И в то же время на самой своей глубине оно оставалось голубым и зимним — родным. Таня шла, запрокинув голову. Редкие прохожие были добры и не толкали ее.

Итак, взглядом и всею душой Таня жила на небесах... Вдруг с ней поздоровались — непонятным таким, хрипловатым голосом:

— Приветик.

Женщина в пенсне, толстый спортсмен с новенькими горными лыжами на плече... Таня посмотрела на них... Но слишком хорошо знала, кто с нею поздоровался: возле булочной стояла собака, привязанная к водосточной трубе.

Они были старые знакомые. Таня когда-то звала ее Огонек. Собака была очень хорошая, лохматенькая, послушная, пестрая — белая с черным... Почему же тогда Огонек? А у нее сквозь густую шерсть виднелись не то черные, не то коричневые, но очень блестящие глаза. Таня и подумала: как огоньки. И получилось собачье имя.

Собака появилась у них во дворе в прошлом году. Пришла и стала жить. Наверное, потерялась. Или ее выгнали какие-нибудь люди.

Но даже пусть и собаке, а зимовать на улице холодно. А у Тани в подъезде как раз была не заперта подвальная дверь. Таня туда нанесла тряпья, подыскала старый матрасик... Вещи хотя и с помойки, но они все были чистые: кто-то вынес их только что! А что она могла еще сделать? Домой?.. Плохо вы знаете Танину бабушку. «Еще чего! — скажет.— Собаку бездомную! А если у нее лишаи?»

Так она устроила Огоньку жилище. Но скоро про это узнали с первого этажа... Им собака, видите ли, лает. А когда целый день телевизор на полную катушку, это для вас ничего?!

Пришлось отдать Огонька одному мальчику, которого не ругали за животных... А потом Таня вдруг услышала, что он называет собачку... Пеструхой.

Сперва так обидно стало. Но мальчик этот, Вадим, ей объяснил, что бывший Огонек не **собак**, а **собака** — собачья то есть девочка. Да еще и вся такая пестрая!

И вот теперь она сказала Тане:

— Приветик.

А Таня не любила таких вещей — не любила выделяться! И хотя она знала, конечно, что собаки разговаривают — да, знала! — но старалась не обращать внимания: ведь обычно люди об этом даже не подозревают. И она решила сделать вид, что никакого «приветика» не было: просто, мол, послышалось, да и все.

— Радуешься? — спросила собака, не обращая внимания на то, что Таня никак ей не ответила.— Снег, да?.. Хорошо тебе?

Просто удивительно разговорчивая попалась собака.

— А я не радуюсь,— продолжала Пеструха,— холодно будет... А тебе? Не будет, что ли, холодно? — Голос у нее был словно бы немного ворчливый. Но в то же время не злой.

— Мне, когда зима, даже лучше,— сказала Таня.— Я холод люблю...

Все! Впервые в жизни она призналась, что умеет разговаривать по-собачьи. Пеструха в это время спокойно выгнала блоху с правого бока:

— А я и смотрю — какая-то ты не такая девочка...

— Какая? — спросила Таня.

— Не знаю.— Собака вильнула хвостом.

Вадим

Их разговор прекратился очень вовремя — из булочной вышел Вадим, Пеструхин хозяин и Танин, между прочим, бывший вожатый. Теперь он был просто ее знакомый, хотя Таня училась лишь во втором классе, а он уже в шестом. Но все дело было в собаке, когда вместе выручаешь из беды собаку, подружиться нетрудно.

Едва Вадим увидел своего октябренка, сразу на лице его проступило выражение, что, мол, все я, девочка, про тебя знаю — до нитки! Он часто так смотрел на людей — уверенными и насмешливыми глазами. И, по-честному говоря, он вряд ли кого-то сильно любил или сильно жалел — у себя в классе, или даже во всей школе, или даже в огромном городе Москве... Да, он был такой: веселый, но малость равнодушный.

А зато он любил животных. И хотя не мог, конечно, с ними разговаривать, но очень их хорошо понимал. Не раз бывало: они идут по улице, вдруг Вадим остановится:

— Смотри, бездомная...

Он всегда замечал бездомных собак. И кошек с котятами, что живут по случайным дырам. Он шел к вороне с раненым крылом, которая отбивалась от всех, как прижатый к мачте пират. Потом слизывал кровь с расклеванных пальцев. А через какое-то время отпускал ожившую ворону на свободу.

Причем Вадим не был таким уж доктором Айболитом: животные не очень к нему льнули. Он про-



сто делал для них то, что считал нужным. И не добрел от дружбы со зверьем, как об этом часто пишут в книжках. Да он и не дружил с ними. Таня никогда не могла понять, почему он их спасает...

Вадим увидел надутую северным ветром Танину сумку:

— Не ходи. Здесь свежего хлеба нету.

По правде говоря, они с бабушкой за мягким хлебом особенно не гоняются. Но разве плохо пройтись по улице с шестиклассником? И разве плохо пройтись, держа на поводке такую милую собачку, как Пеструха?

— Да отпусти ее,— сказал Вадим.— Не убежит.

— Да отпусти меня,— почти одновременно сказала Пеструха.

Собака не понимала человеческих слов, а Вадим не понимал собачьих... А я понимаю все, она подумала. Но без радости. Скорее со страхом.

Отпущенная Пеструха сейчас же побежала вперед — по манере всех собак. Что-то там вынюхивая и бормоча про себя. Вдруг Вадим остановился перед незнакомой дверью:

— Мы сейчас заскочим в один дом...— Честное слово, в голосе его слышалась растерянность.— Ты мне понадобишься там.

Подбежала Пеструха, с явным презрением обнюхала порог, сделала крохотную лужицу, сказала, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— Не люблю я сюда ходить... Там кошка, сволочь, всем распоряжается!

— Здесь живет тип,— наконец сказал Вадим,— которого мы должны облапошить.

— Зачем?

— Он книгу украл... у меня.

— А почему обманывать?

— Ну...— Вадим прикинул, что бы сказать.— Тебе не все равно? Мне так надо! — И усмехнулся. Он опять «видел все насквозь» и знал, что Таня готова помогать ему почти в каком угодно деле.— Ты его задури!

— Что?

— Ну, загипнотизируй в смысле... Как в тот раз, помнишь, когда я тебя засек?

Таня испуганно промолчала...

В сентябре второму «В» задали приготовить устное изложение по сказке «Цветик-семицветик». А там, если вы помните, девочка попадает на Северный полюс. Ну и, само собой, все сказали: «Во, не дай бог там оказаться — на льдине да среди медведей!»

Тане обидно стало: за бескрайний снег, за прозрачно-зеленые, ни на что не похожие горы, которые, кажется, на что-то все-таки похожи. И стало обидно ей за солнце, которое смотрит на северный мир печальными раскосыми глазами, и что-то хочет сказать, и не может... А под белым снегом, под чугунной корой льда задумчиво плывут в черной воде рыбы. И можно было увидеть глубже, еще глубже. Только очень страшно туда заглядывать, в самую черноту, где на мертвой и мягчайшей подушке донного ила что-то лежит, но что, Таня не стала рассматривать, а бросилась наверх, в белые просторы, освещенные низким и тяжелым солнцем, так что верхушки зеленых ледяных гор подожжены и сверкают...

Это она стала вдруг рассказывать второму «В». Нет, не рассказывать даже, она как будто им рисовала картину... Шла большая перемена, но никто не уходил из класса. Все смотрели на Таню как околдованные: «Откуда знаешь?» А она стояла — сама растерянная, испуганная. И вдруг брякнуло — будто ненавистный будильник среди сна про каникулы:

— Дураки! Такое кино есть. Показывали по «Клубу путешественников»! — Это был Вадим...

Теперь насмешливым взглядом он «просветил» ее всю насквозь:

— Сделаешь?

Таня ничего не смогла ответить, лишь опустила глаза.

— Сделаешь!

Гришка

А Пеструха-то была не права: кошка оказалась отличная. С хорошим, но, конечно, по-кошачьему хорошим характером. Рост и мускулатура давали ей возможность совсем не бояться собак Пеструшкиного сорта. Однако она не стала, как теперь делается у многих кошек, доказывать свою силу, а, соблюдая законы, оставшиеся еще от древних, скакнула на стол и принялась оттуда шипеть, якобы полная злобы, страха и презрения.

Пеструха, как и все собаки, была более доброй и куда более преданной, чем эта кошка. Только у нее не хватало тонкости, как сказала бы Танина

бабушка. Но ведь это вообще всем собакам по сравнению со всеми кошками не хватает «тонкости». Кошкино шипение со стола Пеструха приняла за настоящую победу. Она звонко лаяла, словно произносила речь на митинге в честь освобождения данной квартиры от кошачьего ига, а потом стала подлизывать остатки молока из кошкиного блюдца... Ей было невкусно, и она сегодня уже дважды плотно пожрала, и она вообще не любила молоко. Но победитель должен вести себя как победитель!

Тане забавно было смотреть на кошку и Пеструху, и поэтому сперва она вообще как бы не заметила хозяина. Его звали Гриша, и он был хуже своей кошки: она точно знала, кто такая и как себя надо вести, а Гришка суетился все, суетился. Было похоже: он в своей жизни не одну эту книгу стащил. И вообще, быть может, воровал не только книги.

В то же время он старался, чтоб про него думали как можно лучше. Он двигался по комнате прыжками и короткими перебежками, чтобы понезаметнее затолкать под тахту драные домашние тапочки, смахнуть со стула какие-то не очень спортивные трусы. А попутно он прятал от чужих глаз что-то ценное, задвигал какие-то ящички... Лет ему было — между Таней и Вадимом, то есть класс примерно четвертый...

«А чегой-то я такая умная,— подумала Таня,— чегой-то я за всеми подсматриваю?..» Она последнее время стала замечать за собой такое: сидит где-нибудь в углу и наблюдает. Причем не как равнодушная ротозейка: ей интересно, она переживает. А в то же время она будто сидит на просмотре учебного фильма... Учебного? Чему же я сейчас учусь?

Вадим в это время просто ждал, когда Гришка прекратит свои прыжки. А тот сколько мог оттягивал надвигающийся разговор. Он не знал, зачем пришли Таня и Вадим, но, как всякий нечестный человек, боялся заранее: вдруг я уже в чем-нибудь виноват?

Наконец Вадиму эти пряталки надоели.

— Слушай, ты,— сказал он без единой капли приветливости.— Это Танька. У нее дефицитная книга. Может с тобой поменяться.

Гришка замер на полупрыжке — опасность миновала: пришли по делу, в нем нуждаются. И он сразу стал другим человеком:

— Что за книга?

— А я не знаю. Она без обложки.

— Что?! Фома, ты с ума? — И засмеялся своей выдающейся шутке... А дело в том, что Вадимова фамилия была Фомин.

Но и Гришка, конечно, понимал, что Вадим не такой дурак — предлагать для обмена простую драную книгу. Ясно: здесь что-то не того. Поэтому он выжидательно прищурился... Тогда Вадим повернулся к Тане, которая понимала, что сейчас начнется ее роль, и волновалась.

— Давай рассказывай.— Вадим пристально посмотрел на нее.— Про Северный полюс.— Он-то совершенно не волновался. Ему это просто надо было.

На диване среди торосов

И тут словно кто-то подтолкнул Таню, и она, как в пропасть, упала в свой рассказ.

Сперва она увидела то, что уже видела в прошлый раз,— низкое выпуклое солнце над ледяными и снежными горами, полями, полянами. И это было не кино, не фантазия. Это все она когда-то видела своими глазами.

Таня ехала куда-то... Ехала? На чем же? Странно сказать, но, честное слово, она ехала на диване, покрытом пушистым толстым пледом или ковриком. Диван двигался не спеша, мягко качаясь и переваливаясь. При этом он двигался удивительно упорно, все время вперед, без единой остановки, без секундного отдыха. Таня сидела свесив ноги... только спинки у него не было, у этого дивана.

Так она ехала сколько-то времени. Вдруг диван оглянулся, изобразил улыбку, и Таня увидела наконец, что это же белый медведь! У него была морда немного насмешливая, и немного наглая, и еще плюс к тому немного курносая. И он вез Таню без всякого самого малейшего труда. И почему-то было понятно: если медведь ее, упаси боже, уронит или заденет о ледяную глыбу, мимо которых они двигались, ему сильно кое от кого влетит. Но от кого, Таня пока не знала и догадаться не могла.

И тут она заметила, что едет в одном лишь коротеньком белом платье! Почему-то она помнила это платье. Но почему — вылетело из головы... И вот сейчас, из Гришкиной комнаты, глядя на себя ту, в коротком платье среди снегов, она с тоской подумала — как вспомнила,— что ей совсем не было холодно, что она опять не похожа на других, опять не такая...

Этот страх Таня затаила в сердце — надо было смотреть, что там дальше произойдет с тою Таней, которая сидела на белом медведе... Солнце опустилось еще немного — ярче подожгло верхушки зеленовато-прозрачных гор.

— Он за тюленем.— Медведь мотнул башкой куда-то вперед.— За тюленем.

И тогда вдруг Таня увидела, что впереди действительно стоит ледяная глыба, похожая на тюленя. Тут ей и открылся секрет этих гор и глыб. Они все были на кого-то похожи: на моржей, на медведей, на тюленей, на рыб. А может, наоборот: северные рыбы и звери взяли себе такие тела, как у ледяных гор, вылизанных волнами и вьюгами.

А за ледяным тюленем стоял ее дед! Сейчас, глядя это «кино», Таня поняла, что совершенно забыла своего деда. Но и помнила его!

Она смотрела и удивлялась его полупрозрачной, как бы стеклянной бороде, его серебристой старинной одежде. «Как же называется она? — подумала Таня.— А... кафтан!» И удивлялась дедовским рукам: они были живыми, они двигались и одновременно были тоже полупрозрачными, как его борода...

Взгляд солнца легко проходил сквозь Таниного деда, не оставляя тени.

«Кто же я такая,— подумала Таня со страхом,— кто же я, если это мой дед?..» И продолжала смотреть на себя ту, которую вез медведь...

Дед поднял ее на руки — легко, словно совсем невесомую, и Таня сразу вспомнила, какой он сильный. Медведь стоял, ожидая его слова.

— Ну,— спросил дед,— отвезешь нас туда?

— Боюсь,— ответил медведь, и Таня поняла, что бояться для медведей совсем не стыдно — не то, что для людей. Для медведя «боюсь» то же, что для человека, например, «хочу поесть».

— Вы невидимы,— сказал медведь,— а я боюсь!

Дед помолчал немного.

— Ладно, отпущен.— И пошел прочь куда-то с Таней на руках. А медведь остался стоять, слов-

но чем-то обиженный и в чем-то виноватый... Они шли довольно долго. Сколько, Таня сейчас не могла вспомнить. Вдруг дед легко взошел на вершину ледяной горы и остановился.

Таня с удивлением увидела дом, и людей около дома, и флаг на мачте. Вернее, это она теперь знала, что там люди, дом, флаг, мачта. И понимала, что все это зимовка. Но Таня, которую она — теперешняя — видела на руках у деда, ничего не знала и, прижавшись к дедовой груди, вся дрожала, как дрожат от холода. Все, что было там, на ледяной поляне среди... А! Вспомнила слово: торосы!.. Все, что было на ледяной поляне среди торосов, это все было ей неприятно, страшно. Она, теперешняя, не могла понять, откуда были тот страх и неприязнь. Но они были!

— Дрожишь? — Дед как-то странно и внимательно посмотрел на нее.— Ну вот, значит, я правильно задумал.

— Что?

— После узнаешь... Медведю-то их можно бояться...

— А мне?

— А тебе их надо любить.

В тишине

Она опять увидела себя в Гришкиной комнате. А та северная картина распадалась прямо на глазах, таяла, словно была сном: думаешь, запомню на всю жизнь, а попробуй-ка вспомни через полчаса — ничего не увидишь в душе, будто на экране погасшего телевизора.

— А дальше? — тихо спросил Гришка.— Дальше что?!

Таня молчала. Что-то мешало ей говорить. Или кто-то мешал...

— Ты же в нашей школе учишься, да? Тебя как зовут?



— Это ты в нашей школе учишься! — усмехнулся стоявший в дверях Вадим. Таня уверена была: он только что вошел сюда. И поняла: вот кто меня перебил.

Гришка не обиделся на Вадима. Вообще не посмотрел на него. Вся его суета ушла. Он сидел на стуле, словно пианист перед невидимым роялем,— сосредоточенный, готовый через секунду заиграть.

Кошка и собака, забыв ссориться, смотрели на Таню — внимательно, не мигая, как умеют смотреть только звери.

Трудный вечер

Прошло несколько дней, и Таня наконец поняла: больше она не вытерпит... Кстати, зря вообще терпела — бабушка заметила сразу, заволновалась.

— Ты здорова? — тронула губами лоб.

Эх, надо бы этот разговор начинать понезаметней, мол, просто к слову пришлось. Но уже не могла удержаться:

— Бабушк, а где наш дед?

Несколько мгновений бабушка не могла побороть испуг и почему-то жалость, которые проступили на ее лице. Потом открыла нижнюю дверцу книжного шкафа — она была не стеклянная, а из деревяшки, и значит, в том отделении всегда было темно.

Бабушка вынула большой альбом в зеленом бархатном переплете. Таня сразу поняла: там семейные фотографии! Такие альбомы она не раз видела у ребят из класса — на дне рождения или когда просто так придешь в гости... Чай выпит, сладкое — все, что полагалось,— съедено, до мультфильмов, допустим, еще минут двадцать. Ну и чего делать? Тебе говорят: а давай, дескать, я наш альбом покажу. И сидишь, переворачиваешь картонные страницы. Такое не очень уж увлекательное занятие. Но, кстати, не такое уж и скучное.

И сейчас, проведя рукой по тяжелой бархатной обложке, Таня подумала, и ей как-то удивительно стало: почему же я ни разу бабушку не спросила про наш собственный такой альбом? А ведь он, оказывается, все это время лежал в темном ящике — только дверцу приоткрой, и туда сразу прольется свет.

На первой странице Таня увидела молодую бабушку, рядом с нею стояла девушка. Невольно Таня улыбнулась, глядя на них. И тогда бабушка сказала:

— Это моя дочь!

И по лицу ее поняла Таня, что бабушка очень жалеет о сказанном... Девушка с фотографии смотрела и серьезно и весело, словно говорила тому, кто ее снимал: «Ну скоро ты?!» И Таня спросила:

— А у тебя еще дочери были?

— Нет,— с трудом ответила бабушка,— она была у меня единственная... Потом и ее не стало...

«Бабушкина дочь — она же должна быть моя мама»,— подумала Таня. И знала: на фотографии хорошая, но совершенно незнакомая, совершенно неродная женщина.

— Баб, а у меня есть мама?

Бабушка сидела, опустив глаза, словно ее кто-то пристыдил:

— Я не знаю, Танечка... Я простая женщина...

— А я, бабушк?!

Бабушка ничего не ответила, только смогла заплакать. Но не вытирала слез, и они капали на



колени, покрытые байковым халатом в синий цветок. Потом бабушка спросила, и уже ничего не надо было между ними скрывать... не скроешь! Она спросила:

— Ты еще побудешь со мной, Таточка?

«Значит, я должна уходить?..» — Так она подумала. И не знала, что себе ответить: должна, не должна. Бабушка собралась с силами, вздохнула глубоко — чтоб успокоиться. Как же я смею плакать при ней, подумала бабушка. Впервые Таня услышала не слова человеческие, а мысли. И ей трудно было не удивиться, не ахнуть. Однако она сумела.

— Бабушк, пойдем «Спокойную ночь» смотреть...— Да, сейчас уж было не до альбома!

Они сидели перед телевизором. Таня — привалившись плечом к бабушкиной руке... Что-то должно было с ней случиться, что-то надвигалось на ее жизнь — огромное, чего нельзя ни изменить, ни остановить. Как нельзя остановить входящую в Москву зиму.

На чтении

Она сидела за партой и смотрела в «Родную речь». Но думала совсем не про урок. И было ей неуютно, словно душу одели в «кусачее» жаркое платье.

— Зайцева, читай дальше!

Таня вздрогнула, опустила глаза.

— Плохо, милая. Надо следить!

Учительница вообще была с нею строга. Посмотрела Тане в глаза — лицо спокойное, бледное. Теперь мало кто боится учительниц, однако второй «В» свою побаивался... У нее был сын в армии, в десантных войсках. Две недели назад во время ночных прыжков он сломал ногу. Но сейчас уже поправлялся. Он сидел у окна, не спеша ел печенье из шуршащей бумажной пачки и читал материно письмо. И нога у него не болела!

Про сломанную ногу учительница, конечно, знала. Вот и письмо ее было не в часть, а в лазарет. Но про то, что не болит, учительница знать не могла, и Таня это сказала ей. Только не словами, а... вроде бы очень ясно подумала для нее.

Учительница сперва не услышала... не поверила себе.

— Таня... ты мне сказала что-то?

— Я? Нет! — И покраснела. Но бояться было нечего. Весь класс видел, что она не вымолвила ни словечка.

— Сядь, Зайцева, работай.

А сама все думала о сыне. И верила, что нога у него не болит. Говорила себе: у меня же сердце чует!

Потом она вспомнила про свою строгость и решила спросить, о чем это ее ученица Зайцева думает с таким нахмуренным лбом. Ведь ясно, что не о чтении!

Таня попросила ее: «Вы мне, пожалуйста, не говорите об этом!»

Она думала о «конфискованной» у Гришки книге...

Книга лежала на столе в какой-то незнакомой комнате. Сперва Тане показалось, там никого нет, только свет льется в окно да чистый воздух — в приоткрытую форточку. Свет ударяется обо все, что есть в комнате, и брызгами, похожими на кусочки мягкого стекла, разлетается в стороны. А воздух наполняет и наполняет комнату зимней свежестью, но никак не может наполнить... Вдруг Таня разглядела на кресле маленький пушистый коврик... Пеструха! И сразу поняла, чья это комната.

Наверное, Таня могла бы узнать, что за сон снится милой собаке... Да нет же. Я пробралась сюда из-за книги... Там внутри, под обложкой, таилось что-то плохое. Только Таня никак не могла приподнять тяжелый картон... Если б простую страничку, она бы сумела!

Наконец Тане удалось уцепиться за край... Книга вдруг стала огромной, как разложенная двуспальная тахта, а Таня наоборот — не больше гэдээровской куклы с закрывающимися глазами... Да вы знаете этих кукол, их теперь любят дарить на день рождения.

Наконец Таня поняла: ей ни за что не поднять эту обложку-тахту. И тогда, чуть не плача от боли, Таня все же подняла ее. И обложка, кажется, даже всхлипнула, словно дверь деревенского погреба.

Сразу книга опять стала маленькой, простой. «Николай Гоголь,— было написано на первой странице,— «Мертвые души». С портретом автора». И действительно рядом был нарисован Гоголь с очень внимательными бархатными глазами. А под всем этим — вот оно, плохое! — синий чуть расплывшийся и от этого чуть жирноватый штамп: «Библиотека им. А. С. Пушкина».

И она вспомнила... По правде она этого никогда не видела, но казалось, что вспомнила... Вадим идет себе по школьному коридору, а Гришка его сзади как схватит:

— Ты! Подонок! Отдай!

— А ты полай!

— Вор!

— Ну правильно. Я вор, и ты вор... Вор у вора дубинку украл.

Эта книга была не Гришкина. Но и не Вадима! Ее украли из библиотеки.

Коля Зайцев

Долго Таня выжидала, пока бабушка уйдет в магазин. Наверное, она могла бы в мыслях наврать бабушке, будто у них, например, кончилась соль. Но стыдилась этого!

Наконец бабушка ушла — тихо так, Таня и не заметила. Ушла, будто бы и правда уступила внучкиной просьбе. А на самом деле — заглянула... ах, какая умная девочка — сидит за уроками... Таня услышала ее, лишь когда хлопнула входная дверь.

Тогда она сразу встала, открыла то отделение, где лежал бабушкин семейный альбом... Но еще не хотела так думать и сказала себе: «Наш».

Стала листать его. Думала, быстро пролистну, а не смогла. Задерживалась на каждой странице бабушкиной жизни, иногда угадывая, как звали того или иного человека — слишком уж ясно ему улыбались люди на фотографии или слишком уж ясное было лицо у него самого...

Наконец нашла. Бабушка молоденькая, в свадебном платье, в фате, а рядом с ней офицер... Таня совсем не разбиралась в погонах. Только имя его сумела услышать: Николай Николаевич, Коля Зайцев... С огромным удивлением смотрела Таня на этого человека: вот, значит, чья у меня фамилия.

Николай Николаевич смотрел с фотографии прямо на Таню, но не видел ее, потому что не знал. Он вообще ждал совсем другой внучки. И Таня больше не могла себя обманывать: она была не бабушкина. И никогда она не станет простой счастливой девочкой!

«Уходи! Уходи!»

Плача, Таня выбежала на улицу...

Эти дни она все думала, как поступить с книжкой, с этими «Душами», может, просто сказать Вадиму: «Я все знаю!» Но теперь решила совсем другое — раз не стать ей обычной, то пусть будет так! Она остановилась посреди улицы, про нее сейчас легко могли бы подумать, что она самая нормальная плачущая второклассница, и принялись бы жалеть. Но от перекрестка до перекрестка Таня Зайцева стояла абсолютно одна, и некому было ее утешить. Ладно! Всхлипнув последний раз, она стала слушать, в какой стороне раздается невнятный говор героев, спрятавшихся под обложкой украденной книги. ...Услышала. И пошла в ту сторону. Вдруг она подумала: может, я колдунья?.. Но не верилось ей, что колдунья — хотя бы и семи лет от роду — может не знать, где живет ее октябрятский вожатый. Понимаете, есть на свете вещи, про которые, даже особенно не задумываясь, обязательно скажешь: так не бывает. И эта была одной из них!

Наконец Таня вошла во двор, где звук голосов из книжки раздавался особенно ясно. Пожалуй, двор этот был Тане знаком. Она заглядывала сюда, когда ходила с ребятами за макулатурой... Подняла голову — шестой этаж. И форточка приоткрыта.

Теперь она поняла, что легко может взлететь туда. Раньше ей казалось, что обязательно нужна метелица, но теперь она поняла, что может это в любую погоду. И сказала себе: «Ну, лети!» Однако не полетела, как уже не летала много раз... Неужели я опять забоялась?.. Нет, не в том дело. Таня чувствовала: что-то мешает ей. Оглянулась вокруг — внимательно, медленно. Вроде все свои: деревья, снег, дома... И не раздумывая больше, решив, что она просто трусиха, Таня взлетела... Казалось, она это делала всю жизнь... Главное — правильно подпрыгнуть!

Она летела, а может, лучше сказать — плыла. Так ныряльщики плывут со дна к поверхности моря. И вдруг Таня услышала крик — он догнал ее снизу. И не оборачиваясь, Таня знала, что это кричал, что это с огромным удивлением смотрел ей вслед Гришка.

Но уже некогда было пугаться. Таня подлетела к самой форточке, на мгновение изогнулась и вытянулась, словно сигаретное облако дыма перед вентилятором. Потом опять стала собой и тихо опустилась в той самой комнате, перед тем самым столом и перед той самой книгой, которую она уже видела однажды — когда строгая учительница прикрикнула на нее: «Зайцева, дальше!..»

Лежавшая на диване Пеструха подняла голову. Хотела зевнуть, но не зевнула, решив остаться строгой. С другой стороны, она же видела, что перед ней Таня.

— Ты чего сюда? — спросила собака.— Мне охранять не надо?

У Тани было такое непонятное какое-то чувство: ведь она одновременно и обманывала и не обманывала... Взяла книгу:

— На, понюхай. Это не его.

— И не твоя!

— А я отнесу, куда надо... Что ж ты мне не веришь?

Тут они услышали шум внизу... Таня, пока она объяснялась с Пеструхой, забыла про Гришку, про двор, про то, как ей отсюда выходить. Но сейчас, и очень быстро, она все вспомнила. Со страхом глянула в окно, чуть тронув головой занавеску. Двое мальчишек дрались, а еще трое смотрели, как это обычно бывает. Один был высокий, уверенный, и дрался он несерьезно. А другой был так себе, что называется, шплинт, и он старался, как на первенстве мира по боксу.

Это дрались Гришка и Вадим. Гришка дрался и кричал: «Уходи! Уходи!» А Вадим, конечно, не понимал его. Он отмахивался, чуть не смеясь: «Да сам ты уходи, дубина!»

Но пока Вадим это говорил, Гришка изловчился, стукнул его по глазу. Таня, хотя и не дралась никогда, сразу почувствовала, как больно сейчас Вадиму. С этой секунды он тоже стал драться понастоящему — чтобы избить. Раз, два, три! И Гришке уже ничего не остается — только закрыть лицо скрещенными руками. Лишь иногда он опускал руки, чтобы крикнуть: «Уходи!» А Вадим ловил момент и успевал стукнуть его — то в нос, то по скуле.

Господи, что же я молчу, догадалась наконец Таня. И крикнула:

— Я ушла!

Гришка сразу упал на истоптанный снег. Вадим замахнулся ударить его ногой, но не ударил, плюнул презрительно прямо на одетую в пальто Гришкину спину и пошел к своему подъезду.

Тотчас Таня бросилась к выходу... Во второй комнате на стуле небрежно висела знакомая ей красная куртка. Когда-то, в начале первого класса, они ходили на экскурсию в лес, и Вадим был с ними... в этой куртке... Он так интересно рассказывал про птиц и про деревья — кто из них кого любит, а кого недолюбливает. У куртки неловко завернулись рукава, и было ясно, что ей больно. Какое-то время Таня помогала ей. Потом еще сколько-то провозилась у входной двери. Наконец открыла собачку — снизу уже подползал лифт.

И тогда она бросилась по лестнице. Притаилась на следующей площадке и, стараясь не дышать, слушала, как громко и сердито дышит Вадим...

Только вышла из парадного:

— Эй!

Она стояла совсем беззащитная, прижимая книжку к груди.

— Да не буду я отнимать.— Гришка попробовал усмехнуться. Но когда губы разбиты, это получается довольно-таки плохо.— Бери ее себе.

От волнения и страха Таня ничего не могла ответить. Только сумела помотать головой.

— Кончай... Знаешь, сколько она стоит?!

Таня опять ничего ему не сказала. Прошла мимо, уже не опасаясь, что он вырвет книгу.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

НОЯБРЬ

пн.		6	13	20	27
вт.		7	14	21	28
ср.	1	8	15	22	29
чт.	2	9	16	23	30
пт.	3	10	17	24	
сб.	4	11	18	25	
вс.	5	12	19	26	

Англичане Джейн Торвил и Кристофер Дин — мировые «звезды» в танце на льду. Несколько лет подряд они были первыми в этом красивом виде спорта. Теперь они уже не выступают. Но спросите у своих пап и мам, они наверняка вам расскажут, как совсем недавно, сидя у телевизора, с восхищением следили за легкими и стремительными пируэтами этой волшебной пары.



Николай ГОЛЬ

ВОСПОМИНАНИЯ о сказке

В Тобольске, столице Западной Сибири, городе по большей части в ту пору деревянном, где возле заборов осенью в непросыхающих лужах нежились свиньи, поздним вечером сидел за своим столом учитель местной гимназии. Был он уже тяжеловат, волосы, когда-то густые, сильно поредели и пожухли. За тонкой стеной хлопотала по хозяйству жена, за другой слышалась ребячья возня — шестеро учеников столовались и жили в доме, иначе на скудный педагогический оклад концы с концами не свести.

В обязанности хозяев входили «присмотр, стол, чай и очищение белья» пансионеров.

В этот поздний час с делами было покончено. Надев очки и придвинув свечу, учитель читал книгу. Читал и то улыбался, то задумывался. Иногда улыбался и задумывался, даже в нее не глядя. Еще бы — он знал ее прекрасно. Он сам ее написал. Называлась книга «Конек-горбунок». Самого тобольского учителя звали Петр Павлович Ершов. Ему не было еще и сорока лет. Книгу свою издал он двадцатью годами раньше. Было о чем вспомнить.

Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки — три сына...

В селе — не в селе, а в деревне Безруково случилось это, неподалеку от Ишима, где лютые зимой дуют ветры и ложатся снега. И старик — не старик, но и не молод уже был мелкий чиновник в чине частного комиссара Павел Алексеевич Ершов, когда родился у него в 1815 году сын Петр. И не третьим он был сыном, да только умирали в этой семье дети один за другим, едва явившись на свет. Только двое и выжили — старший, Николай, и Петр. Но слаб был Петя, чуть-чуть кричал жалким голосом, а уж откуда в глухой сибирской деревне врачи! Местные крестьяне посоветовали отчаявшимся родителям исполнить древний обряд: «продать» больного ребенка бродяге за медный грош. Вместе с ребенком купит бродяжка и все его болезни. А ребеночек-то бродяжке зачем? Ребенка отдаст!

Так и сделали. Накормили бродягу от души, ушел он довольный. И, видно, сбылось поверье — стал жить на земле Петр Ершов. До больших чинов не дослужился, достатка не нажил, невиданного счастья не обрел. А ведь как мечталось! Вот и можно теперь, осев навсегда уже в Тобольске, перелистывать свои мечты...

Тут конек пред ним ложится,
На конька Иван садится,—

а конек-то этот необыкновенный:

На спине с двумя горбами,
Да с аршинными ушами...

Ну, с аршинными — не аршинными, а уши были. Да не в них дело. Сказочный конь, не бывает таких!

Впервые похожего увидел Петя Ершов в Петропавловске, куда отец перевез семью из деревни. Тут кипела жизнь — и чиновничья, и торговая. Каждую неделю собирался большой базар. Приезжали торговцы из Сибири, из Средней Азии, из Китая, кто на маленьких лошадках, кто на огромных битюгах, кто на осликах. А однажды встал в торговых рядах целый караван невиданных животных — навьючены тюками, высокие, мохнатые, каждый с двумя горбами, нижняя губа презрительно оттопырена, будто спрашивают: «А ты тут что мельтешишь?» Подошел к одному такому хозяин — видно, что оседлать хочет. А народ кругом смеется:

— Куда ему, тут без лестницы не обойтись!

— Видать, сейчас разбегаться станет да своему на спину прыгать!

А хозяин поцокал, поцокал, скакун пред ним встал на колени, поднял седока и пошел — да так плавно, да так быстро, словно по воздуху летит, не касаясь земли.

— Смотри, Петя,— отец сказал,— это верблюд! Запомни!

Запомнил. Да и как такое забудешь!

Вскоре перевели Ершова-отца по службе в городок Березов. Захудалый городок, никудышный, ехали долго, вот бы им того чудо-коня! Но ничего, что далеко,— везде есть интересные люди, всюду найдется что посмотреть, что узнать!

Выезжают на поляну
Прямо к морю-окияну:
Поперек его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.

А ведь был кит, в самом деле был! Приходил в гости к Ершовым в Березове местный купец Нижегородцев, рассказывал, как, странствуя, набрел на взморье (по сибирским понятиям — неподалеку от Березова) на скелет огромного кита.

— Размеров непомерных, кости — с меня толщиной. Лежит на берегу, наполовину уже в землю врос.

Вокруг этой рыбины полный час ходить надо, чтобы целиком обойти. А на пасть и смотреть страшно — честное слово, рыбачий баркас войти может, как в пещеру,— пугал купец Петю. Но Петя Ершов не пугался.

Да и что пугаться-то? Всякое на свете бывает. А купец Нижегородцев — человек честный, напрасно сочинять не станет. И разума немалого. Это он первый додумался сеять в Березове ячмень и овес. Раньше об этом так далеко на Севере и не мечтали. А он посадил и вырастил! И местных жителей научил.

Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села...

Ну, не из села и даже не из городка Березова, а из Тобольска, где окончили к этому времени гимназию, отправились в свой срок братья Ершовы в столицу, и не хлеб продавать, а поступать в Петербургский университет.

Петр Ершов был принят на философско-юридический факультет. Он стал студентом. Теперь он мог слушать лекции, мог любоваться российской столицей. Не мог, правда, согласно студенческим правилам, посещать публичные балы, трактиры, биллиардные и прочие увеселительные заведения. Да на это и не было времени — Петр Ершов начал писать «Конька-горбунка». Сказок он знал предостаточно — в долгие сибирские вечера и маменька, и папенька, и гости рассказывали. Но хотелось сочинить что-нибудь новое. Да такое, чтобы всем было интересно читать. Даже тому университетскому профессору, который на вопросы о современной литературе отвечал:

— Я, друзья мои, лет тридцать уже ничего не читаю, потому что убежден, что теперь пишут все пустяки.

— И ни одного писателя нет достойного?

— Ни единого!

Так думал старый профессор. Студент Ершов думал иначе. И поэтому, когда, написав и опубликовав в журнале первую часть своей сказки про крестьянского сына Ивана, получил от Пушкина приглашение зайти, радости его не было предела. А уж когда Александр Сергеевич похвалил молодого сочинителя и посоветовал продолжить «Конька-горбунка», счастье Ершова стало полным. Какие планы замаячили впереди! Писать, писать и писать! Задуман труд на всю жизнь: огромная поэма, свод русских сказок в десяти томах. И еще — народная опера. И еще — пьеса. И еще — занятия по переустройству и просвещению родной Сибири. Успеть можно все! А уж потом...

Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься...

Кататься, как сыр в масле, не вышло. А вот катиться в карете через всю Россию обратно в Тобольск довелось. Он получил назначение учителем тобольской гимназии. Он сам этого хотел, сам подал прошение министру народного просвещения. Место свое видел он в Сибири. Творить можно и там, никто ему не помешает!

Ершов торопился, чтобы поспеть к началу учебного года. Его ведь ждут ученики. Сколько интересного сможет рассказать им он, знающий литературу не только по книгам, но видевший своими глазами Пушкина, Жуковского! Было за чем спешить.

Верст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал...

Тобольская гимназия встретила Петра Ершова невесело. Ничего нового он, когда-то сам учившийся здесь, не увидел: те же обшарпанные ступени, облупившиеся стены, та же заброшенная библиотека, где, как и в годы его учебы, покрывались пылью книги. Разве что чуть побольше их стало. Вот и «Конек-горбунок» лежит в общей куче, никем, как видно, не читанный... Если бы никем!

Директор гимназии Качурин книжку эту читал и нового учителя невзлюбил заранее. Он ценил инструкции, а указания писать гимназическим учителям сказки не было. Кабы было, то и сам бы Качурин сочинял, а непорядка не допустит! Требования Качурина к преподавателям в смысле порядка бывали порой поистине удивительны. Вот такой, к примеру, объявил он однажды приказ: «Подтвердить всем преподавателям гимназии, чтобы они волосы напереду имели не длиннее одного вершка, а на задней части головы наполовину короче...» За ослушание грозили вычеты из зарплаты.

С Ершовым у него разговор и вовсе был коротким, короче, чем волосы на задней части учительских голов:

— Что же это вы, милостивый государь, нарушаете учебные планы? О Пушкине изволите говорить часами. Стихи читаете малопристойные. Рассказы-

Рисунки Б. САКОНТИКОВА.



ваете о разных встречах. Сие есть кощунственное поругание основ народного просвещения. Может быть, вы еще о так называемом творчестве господина Ершова изволите рассуждать? Постарайтесь обо всем этом забыть!

Однако забыть «обо всем этом» Петр Ершов не мог. А Пушкин, уже погибший, вспоминался особенно; много напоминало о нем и в Сибири. Здесь жили на поселении участники восстания 14 декабря 1825 года. Многие из них были приятелями Пушкина; некоторые — Вильгельм Кюхельбекер, Иван Пущин — ближайшими друзьями.

В 1841 году Иван Иванович Пущин приехал на несколько дней в Тобольск из Туринска. Он встретился с Ершовым и передал ему два исписанных стихами листка бумаги с просьбой переслать их в Петербург — сам декабрист сделать этого не мог, его имя было под запретом, а переписка под присмотром. Цену этим листкам Ершов понимал, просьбу сразу же выполнил. А через несколько месяцев в столичном журнале появилось раньше не печатавшееся пушкинское стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный...». Публикация сопровождалась редакционным предисловием: «П. П. Ершов, известный наш поэт, лично был знаком с покойным Пушкиным. Ершов хорошо помнит почерк Пушкина...» И далее редакция благодарила его за присылку стихов. Это была практически последняя прижизненная публикация Петра Ершова. И пусть публиковал он не свое, обиды не было, ведь не чье-нибудь — пушкинское!

Свое не писалось. Рутинная скука и захолустность сибирского существования брали свое. А ведь когда-то... Сколько было восторга, сколько пыла, и перо горело в руке, словно жар-птицыно. Видно, напророчил Конек-горбунок:

Как же к слову не сказать:
Лучше б нам пера не брать.

...Да нет же! В пере этом — и оправдание пройденной жизни, и надежда на будущее. И пусть ни строки его больше не появится на литературных страницах, перо свое дело сделало!

А пока рано постаревший тобольский учитель Петр Павлович Ершов при свече перелистывает в убогой комнате книгу и то улыбнется, то взгрустнет, то пролистнет несколько страниц, то вернется назад...

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ...





ТАЙНА РЕДАКЦИОННОГО ПОРТФЕЛЯ

Заглянули сейчас в редакционный портфель: что появилось новенького? А там... Впрочем, почитайте сами.

«Однажды в конце июля в пионерском лагере под Голицыном нашли задушенного мальчика. Он лег спать, как все другие ребята в палате на двадцать два человека. Но утром не проснулся, не побежал на зарядку, как все, а остался лежать в своей кровати в углу тихенький и дохленький». А вскоре и начальник пионерлагеря был задушен Красной Рукой.

Если хотите узнать, какие жуткие события случились дальше, читайте в следующем году новую «страшную повесть для бесстрашных школьников» Эдуарда Успенского «Красная Рука. Черная Простыня. Зеленые Пальцы».

Вниманию любителей военных приключений. Вас в начале следующего года ждет повесть Бориса Камова «Рывок в неведомое». Тема — борьба с вооруженными бандами в Сибири. Время действия — завершающий этап гражданской войны. Главный герой — юный командир Аркадий Голиков.

Читайте также продолжение захватывающей повести Владислава Крапивина «Застава на Якорном поле».

Вот и вновь тайна редакционного портфеля перестала быть для вас тайной.

Хорошо тем, кто вовремя успел выписать журнал на следующий год. А что делать опоздавшим? Идите на почту и подписывайтесь с номера второго или с третьего! А то, что упущено, возьмите в библиотеке (если, конечно, достанете!).

Приятного вам чтения!

О ПЕРВЫХ ВЛЮБЛЕННОСТЯХ И ИСКУССТВЕ НРАВИТЬСЯ

Дорогие семиклассницы и семиклассники! В ваших письмах о любви столько искренности, напряженных размышлений о пробуждающейся юности, растерянности и тайных надежд, что хочется непременно ответить каждому. Но писем так много, что обратиться к каждому лично практически невозможно. Поэтому из ваших писем (а точнее, писем девочек — надеюсь, мужская половина читателей поймет меня правильно) я взял по нескольку строк. Получилось письмо взрослого по мыслям и чувствам, но, увы, далеко еще не совершеннолетнего тринадцатилетнего человека. И ему через журнал «Пионер» я посылаю свой ответ.

Итак, письмо. Читательница:

«Здравствуй, «Пионер»!

Я учусь в седьмом классе. Мне почти тринадцать лет. Мне очень нравится один мальчик... Он восьмиклассник. Со мной сейчас что-то происходит — сама не пойму... вот уже полгода он не выходит у меня из головы... Со временем он все больше и больше начинает мне нравиться... Как сделать, чтобы он заметил это, не знаю. Ведь он даже не знает обо мне и не обращает на меня никакого внимания... Я не могу пройти мимо него, не посмотрев в его сторону. Все девочки бегают за ним, а я стою в стороне и наблюдаю... Почему так? Что нужно во мне изменить или прибавить, чтобы мальчики обращали на меня внимание?.. Родители говорят, что будет вторая любовь, а может, и третья. Но я не верю... Я посоветовалась с мамой, но она не рекомендует подходить к нему... Один раз, когда классная руководительница увидела нас вечером с парнями из другой школы, она сообщила об этом всему классу. Нас разбирали на классном часе... Можно ли тринадцатилетним девочкам дружить с шестнадцатилетними парнями? ...У нас в классе мальчишки плохие... Они всегда норовят исподтишка что-нибудь испортить, тебя подтолкнуть... Нет бы дружили, а они, вместо того чтобы портфель носить, этим портфелем — по голове...»

Такое вот получилось письмо. Можно ли представить за этими строками девочку, написавшую их? Попробую.

Жил человек на свете. Был счастлив и не очень задумывался о том, каков он. И вдруг, в одно прекрасное утро, увидев себя в зеркале, ужаснулся: «Какой кошмар! Неужто эта уродина — я?»

Вот с этого момента, с момента осознанного недовольства собой, своей внешностью, осанкой, прической, можно вести отсчет новой жизни.

Острое желание нравиться самой себе захватывает. Ты начинаешь отчаянно искать способы изменить свою внешность. Прическа, одежда, косметика, манера поведения — все теперь должно быть, как у взрослых девушек. Если тебе в эту пору доводится услышать свой голос, записанный на магнитофон, ты ужасаешься его неблагозвучию. Тебя уже не радуют восторженные охи и ахи маминых знакомых, расхваливающих «очаровательного ребенка». Тебе нужны симпатии ровесников.

А с некоторых пор тебе начинает нравиться Он. Ты тайно ждешь, надеешься, что будут у вас встречи, общение и дружба.

Сейчас ты меняешься так быстро, что не успеваешь разобраться в себе. Твое время несется вскачь. Ты вела когда-нибудь дневник? Если нет, стоит попробовать и начать именно в эту пору, пору рождения твоих симпатий. Постарайся изложить в дневнике свои чувства, мечтания, мысли. Опиши Его. Не стесняйся. Пишешь ведь для себя. Каков Он? Чем тебе нравится? Чем привлек твое внимание?

Дневник станет для тебя особым зеркалом, где можно увидеть себя со стороны. Когда ты прочтешь записи, составленные месяц назад, ты будешь судить о себе более здраво. Дневник отразит твой личный опыт, опыт души. Ведь ты уже подозреваешь, что жизненный опыт и здравый смысл других тебе не очень-то помогают. А как только начнешь разбираться в себе — кончится томительная бездеятельность, забрезжит путь, по которому следует двигаться.

Итак, ты стоишь в стороне, а бойкая подруга от переменки к переменке легко и беззаботно остается в центре внимания мальчишек. И среди них — Он. Хочешь ты этого или нет, но Его внешность ты обязательно связываешь со свойствами Его личности, чертами характера. Если осанка у Него прямая, голова поднята высоко, если улыбка и смех свойственны Ему больше, чем угрюмость, ты почти убеждена, что Он смел и добр, умен и талантлив, благороден, независим и горд. Любые Его поступки, не соответствующие такому твоему представлению, будут обижать тебя. Но как бы тебе не оказаться в плену самообмана. Присмотрись-ка внимательно к Его интересам и увлечениям. Постарайся понять Его через поступки.

Людей, полностью соответствующих твоим ожиданиям, к сожалению, нет. Влюбляясь, ты как бы лепишь, конструируешь, создаешь в своем воображении образ, не очень-то схожий с реальным человеком. Ты выделяешь в нем одни черты и пренебрегаешь другими. Тебе нет дела до одних подробностей его жизни, зато другие вызывают неподдельный интерес. Все зависит от твоих ожиданий, каким, по-твоему, должен быть Он. А ты примерь его интересы к своим. Сможешь ли ты увлечься тем же? Если круг его интересов для тебя полностью неприемлем — внимание! — это первый звоночек тебе. Ты обрекаешь себя любить не реального человека, а его образ, сотканный в твоем воображении. Или, может, ты захвачена волной повальных влюбленностей, охвативших класс? Или просто хочется, чтобы, как и твою подругу, тебя кто-то провожал домой?..

Фотография А. КРУПНИКОВА.



Эти желания вполне естественны и понятны. Но симпатия -- это всего лишь симпатия и не больше. Если же мы говорим о более глубоких чувствах, то общие интересы — это тот мостик, который может связать тебя и Его. Тогда ваша дружба обеспечена.

Но ты ждешь от Него не просто дружбы, не правда ли? Скажи, ты боишься насмешек? Можно и не спрашивать. Так вот, Он опасается их во сто крат сильнее. Ни в коем случае не смейся над Ним даже в мелочах. Это отчуждает. Я не подбиваю тебя на лицемерие. Любая неискренность в отношениях всегда чувствуется. Но разговор с тобой будет для Него всегда желанным, если ты сумеешь говорить с ним на темы, важные для Него. Заводила и хохотушка, душа компании часто вызывает восхищение, а нередко и легкую зависть. Если ты обладаешь подобными задатками в общении — прекрасно. Но симпатию к тебе вызовет не это. Симпатия к тебе родится, если ты научишься делать незаметный, но первый шаг навстречу,

сумеешь понять и внимательно выслушать Его обиды, Его радости, Его переживания, никогда не перебивая, как бы сильно этого ни хотелось. При этом не стоит спешить ни с похвалой, ни с осуждением. И тем, и другим можно случайно унизить.

Если ты обнаружила, что у Него появилась потребность рассказывать тебе о своих мыслях, идеях, переживаниях, значит, общение с тобой стало Ему необходимым.

Только не строй из себя этакую умницу. Демонстрируя способность умно рассуждать, ты не увеличишь симпатии к себе. Также не увлекайся расспросами. Не поддавайся искушению переспорить Его, даже если ты убеждена в своей правоте. Победа в споре далеко не всегда очаровывает побежденного. Искусство нравиться начинается с умения слушать, чувствовать и понимать.

Теперь посмотри на себя в зеркало. Как часто ты улыбаешься? Любишь ли ты, стоя перед зеркалом, строить рожицы? Попробуй. Улыбка должна быть более частой гостьей на твоем лице. Имей в виду, с угрюмыми дружат реже.

И, наконец, осанка. Если человек ходит, опустив голову, сутуля плечи, шаркая ногами, у окружающих складывается впечатление, что он наверняка зануда или в чем-то провинился. Высоко поднятая голова, радостная улыбка, смелый, свободный разворот плеч притягивают взгляды, вызывают интерес, желание заговорить. И, что интересно, как только ты освоишь такую осанку, такую походку, такую улыбку, ты и чувствовать себя начнешь по-другому, свободной, раскованной, обаятельной и гордой.

Итак, ты поняла, что неудовлетворенность собой — удел очень и очень многих подростков. Ты стала следить за своей осанкой, стала чаще улыбаться. Понемногу ты разбираешься в том, что увлекает Его. У вас появились общие разговоры. Ты почувствовала, как Он ценит твою способность внимательно выслушать, понять. Конечно, любовь — это трудное переживание, далекое от вечно сияющего счастья. Но нельзя же томиться и просто ждать. Я рад, что теперь ты избавлена от унылого бездействия.

Маленькое соображение вдобавок: не бойся вызывающе отрицательного отношения к себе. Оно может быть показным. Противоположность любви не ненависть, как может показаться. Противоположность любви — равнодушие. Нередко мы переживаем одновременно и страстную ненависть и страстную любовь к другому человеку.

Теперь о том, что вызвало панику классной руководительницы.

Дело в том, что чувственные переживания у мальчиков развиваются несколько иначе, чем у девочек. Если твои переживания сосредоточены в сфере души, то многие мальчики в отрочестве попадают в зависимость от своих телесных ощущений. Неуверенность в себе, робость, застенчивость они нередко стремятся преодолеть, демонстрируя свое «мужское» поведение. Иной мальчишка просто рвется во взрослость. Он стремится прежде всего освоить внешние проявления этой «взрослости». Вот кто-то из его друзей похвастал в компании о вымышленных победах над женским полом. Мальчишка принял эти россказни за чистую монету и поставил себе цель — любым способом добиться у девочек таких же «побед». Ни о какой влюбленности, любви и мыслей у него тут нет.

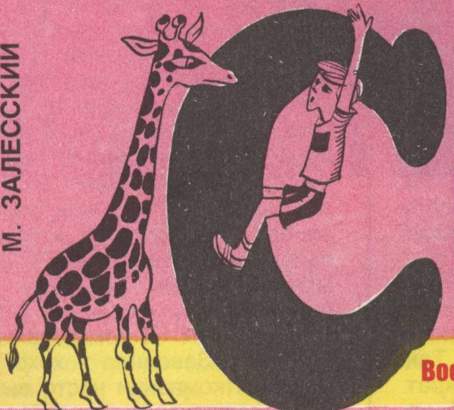
Понятно, что твоя классная руководительница боится, как бы кто-то из ваших девочек не оказался жертвой подобных экспериментов. Это реальная жизнь. И стоит ли закрывать на нее глаза?

ТОЛЬКО ДЛЯ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ

Не лишайте вашего взрослеющего ребенка **права на собственную тайну.** Мы понимаем, что ожидание, когда он сам откроет вам ее, мучительно. Но если вы примените родительскую власть, между вами и ребенком надолго, если не навсегда, ляжет пропасть.

Герман Игоревич МАРАСАНОВ,
психолог.

М. ЗАЛЕССКИЙ



СЕКРЕТЫ РОСТА

Восьмое, и последнее, занятие

Уже семь выпусков посвятили мы росту, многие его секреты раскрыли, но, как оказалось, читателям этого мало. Пишут они нам из разных городов, задают все новые и новые вопросы, побольше хотят о росте узнать. Вот и решили мы последний выпуск целиком составить из ответов на письма ребят. Итак...

«Начиная со скольких сантиметров мой рост в 13 лет считается выше среднего?» — спрашивает Сережа Гимаев из Чебоксар.

Сережа, наверно, не подозревает, что на этот вопрос можно дать столько же ответов, сколько существует... средних ростов. А их очень много. Почему? Средний рост — это среднеарифметическая величина роста какой-либо группы людей. Определяют его так: складывают рост всех людей в группе и делят на их число. Например, в шестом «А» классе средний рост 162 сантиметра, в шестом «Б» — 165 , а в шестом «В» — 161 сантиметр. Значит, если Сережин рост 164 сантиметра, то в шестых «А» и «Б» он выше среднего роста, а в шестом «В» — ниже. Но ведь средний рост можно определить не только в классе, но и в доме, в городе, в обла-

сти, где живет Сережа, в пионерлагере или деревне, куда он поедет летом. Нетрудно догадаться, что везде будут получаться разные цифры, а значит, разный будет и рост «выше среднего».

Как же мальчишкам и девчонкам узнать, выше или ниже они среднего роста? Только сравнив свой рост со средним ростом сверстников области, края, республики. Известно, например, что средний рост эстонских ребят несколько больше, чем украинских или белорусских, и значительно больше, чем азербайджанских. Здесь-то и таится неожиданность или очередной «секрет»... Когда среднего роста паренек из Эстонии приезжает в Азербайджан, его рост сразу становится... значительно выше среднего!

«Правда ли, что многие великие люди были маленького роста, и если правда, то как они к этому относились?» — спрашивает Артем Ильченко из Ленинграда.

Рост не препятствие для проявления таланта и даже гениальности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что люди ниже среднего роста оставили выдающийся след во всех сферах человеческой деятельности. Среди них были полководцы Наполеон и Тамерлан, государственные деятели — Ленин и Юлий Цезарь, художники — Пикассо и Тулуз-Лотрек, композиторы — Римский-Корсаков и Стравинский, писатели — Анатоль Франс и Киплинг, ученые Пастер и Павлов, а еще изобретатель Эдисон, артист Чарли Чаплин, путешественник Миклухо-Маклай и многие, многие другие.

Как они относились к своему росту?.. Желание нравиться, быть высоким и красивым особенно важно в молодости. С годами появляются более серьезные заботы и проблема роста отходит на задний план или забывается вовсе. Истинная ценность человека определяется у взрослых не внешностью, а трудолюбием, талантом, вкладом в общее дело. Те, кто увлечен работой и выполняет ее успешно, всегда пользуются уважением и почетом. За ними идут люди, у них учатся, им стараются подражать. Что же касается длины их тела, то ни они сами, ни окружающие не обращают внимания на такой пустяк.

Несколько писем на одну и ту же тему пришло от девочек из разных городов. Они просят сообщить о физических упражнениях, при помощи которых ноги становятся длинными и стройными. Длиной остальной части своего тела они вполне удовлетворены, а вот ноги, как они считают, у них «коротковаты».

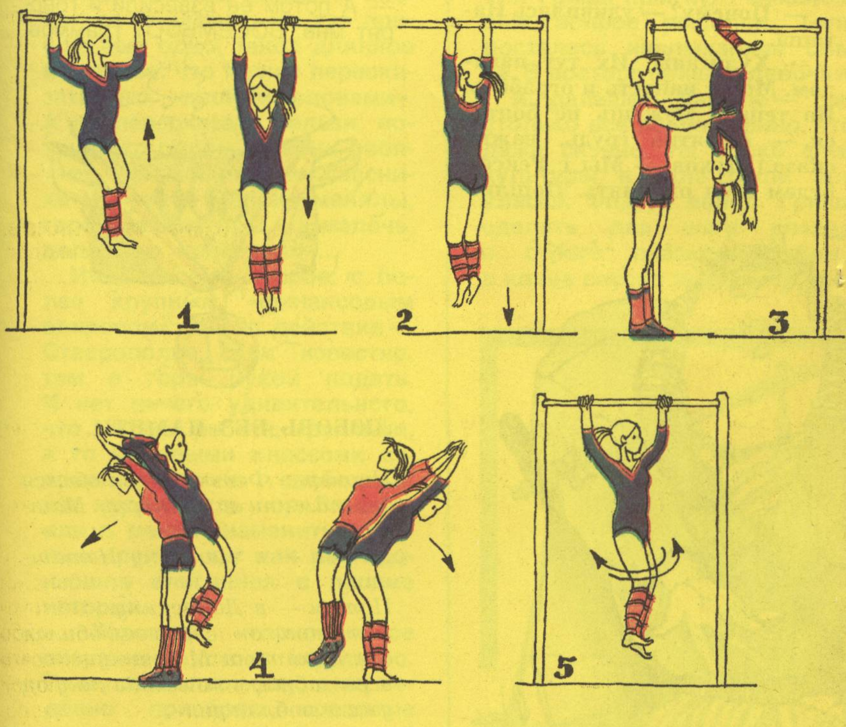
Наиболее простыми и эффективными упражнениями для того, чтобы ноги стали длиннее и стройнее, являются прыжки вверх в полную силу. При их выполнении ноги после отталкивания следует напрягать и максимально выпрямлять, носки оттягивать вниз. Начинать можно с 20—25 прыжков в день, постепенно (в течение двух-трех месяцев) доводя их количество до 150—200. Из спортивных дисциплин советую отдать предпочтение волейболу, легкоатлетическому бегу, плаванию, особенно стилем брасс.

В письме Ани Колесниковой из Старого Оскола есть такие строки: «Вы все пишете о мальчиках и упражнения для них даете. А как быть девочкам? Среди них тоже есть желающие подрасти».

Действительно, и истории мы рассказывали о мальчиках, и на рисунках они были изображены. Однако из этого не следует делать вывода, что «Секреты роста» только для них. Все, о чем мы говорили в «Секретах», годится и для девочек. И чтобы уж совсем не было в этом сомнения, ответ на следующее письмо мы адресуем и девочкам, и мальчикам.

Оля Корнилова просит: «У нас дома тесно, а для упражнений Транквиллитати требуются гимнастическая стенка и скамейка. Посоветуйте, пожалуйста, ростовые упражнения с более простым инвентарем или без него».

Те, кому по какой-либо причине неудобно выполнять упражнения, рекомендуемые доктором Транквиллитати, могут воспользоваться другими комплексами, приведенными в наших занятиях. Можно из отдельных упражнений разных комплексов (Рустама Ахметова, для осанки и др.) составить свой комплекс, дополнив его элементами спортивных игр (баскетбол, волейбол и пр.). А завершая рубрику «Секреты роста», предлагаем вам еще несколько простых ростовых упражнений.



1. Слегка подтянуться и резко «упасть», не выпуская из рук перекладину. Повторить до 10 раз.
2. Попытаться «дотянуться» носками до пола. До 15 раз.
3. Свободный вис вниз головой на перекладине. До 5 раз. Осваивать это упражнение обязательно в присутствии взрослых (для страховки).
4. Поочередно с подругой (товарищем) поднимать за руки друг друга, как бы взваливая на спину. Выполнять в две серии по 10 раз.
5. В положении виса на перекладине выполнять повороты вправо-влево вокруг продольной оси тела. До 10 раз в каждую сторону.

Рисунки А. БУХАРЕВА.



Владимир ЛОМАНЫЙ

ЗАЩИТНИК

По парку, с громадной, страшного вида собакой, прогуливался толстый розовощекий мальчик. Челюсти его непрерывно двигались, энергично уничтожая хрустящие леденцы.

Мимо него промелькнула девочка в розовой спортивной куртке.

— Наташка, стой! — повелительно крикнул мальчик.

— Чего тебе, Пухов?

— Что в карманах? Покажи!

— А зачем тебе?

— Покажи, говорят!

Собака угрожающе зарычала, и Наташа вытащила из кармана шоколадку.

— Дай-ка, — Пухов протянул руку.

— Еще чего! Она моя.

Пухов дернул поводок. Собака лениво продемонстрировала внушительные клыки. Испуганная Наташа протянула шоколадку, и Пухов мгновенно съел ее.

— Ничего особенного, — сказал он, вытирая губы. — Я такие каждый день лопаю. А что в другом кармане?

— Яблоко!

Пухов вновь протянул руку, и девочка без возражения отдала яблоко.

— Больше ничего нет? — поинтересовался Пухов, с шумом вгрызаясь в розовый плод.

— Нет.

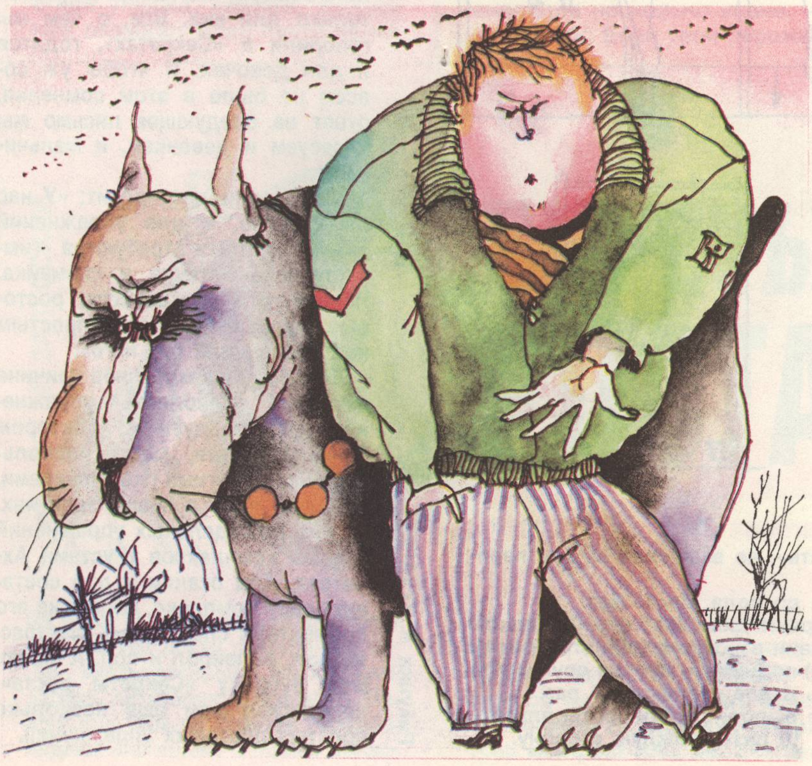
— Честное слово?

— Честное.

— А ты знаешь, милая, что по этому парку бежать опасно?

— Почему? — удивилась Наташа.

— Хулиганы. Их тут навалом. Могут напасть и ограбить. Но теперь можешь не бояться, — выпятив грудь, важно сказал Пухов. — Мы с Рексом будем тебя охранять. Пошли!



Рисунки А. МАРТЫНОВА.

АНЕКДОТ ПРО ПИОНЕРА ФЕДЬКИНА.

— Ну, ребята, говорите, кто сколько металлолома собрал?
— Я двадцать килограммов.
— Я тридцать!
— А я пятьдесят семь!!
— Ну а ты, Федькин, сколько?
— Восемьсот...
— Вот это Федькин! Вот это пионер! Вот это герой!.. На тебе, Федькин, грамоту, ценный подарок — все берите пример с пионера Федькина... А теперь расскажи нам, Федькин, как ты собрал столько металлолома?
— Ну... ходил я, ходил...
— По пустырю?
— Не-е-е...
— По улице?
— Не-е-е-е... по кухне... смотрю, стоит кастрюля.
— Вот видите, ребята, начать можно с простой старой кастрюли!
— Почему старой? Она не старая была, совсем новая!
— Ну... ну... это не важно. Главное, ребята, что такое важное, большое дело можно начать с простой маленькой кастрюли... Ну, Федькин, а потом?.. Потом...
— А потом ее взвесили и говорят мне: ВОСЕМЬСОТ граммов.



ЛЮБОВЬ БЕЗ ПАМЯТИ.

Пионер Федькин влюбился без памяти в пионерку Машкину.
Потом — в пионерку Наташкину.
Потом — в Ларискину.
А потом он снова влюбился без памяти в Машкину — совсем забыл, что в Машкину он уже влюблялся...



ЗЕЛ СВЯЗИ

«КУПЛЮ ПРЫЖОК С ТРАМПЛИНА...»

«ЗДРАВСТВУЙ, *редакция! Реши, пожалуйста, такой «финансовый вопрос». Почему в кавычках — объясню. Я когда перешел в другую школу, в новом моем классе пустили слух, что пришел великий математик. Мой сосед по парте предложил вдруг, что* ЗАКУПИТ У МЕНЯ НА ГОД ВПЕРЕД *все контрольные! Ну, значит, чтобы я ему решал или давал списать. Редакция, поверь, я и «за так» могу помочь, готов и дома с ним позаниматься, мне времени не жалко. И меня же насмех подняли, говорят: не пижонь, у нас в классе задаром ни у кого ластика на уроке не допросишься, а тут контрольные. Лучше скажи, почем за штуку? Не представляю, как мне быть, я не могу мерить на деньги или подарки дружбу. Что, так и жить мне белой вороной?*

Веня Кармазин, г. Воронеж».

Мы Вене сразу же ответили — и очень, очень его просили стоять на своем, собрать все свое мужество и никаким торгашам не поддаваться. Ничего! Не взлюбят, так по крайне мере сам себя будешь уважать. Решили даже вести с этим Кармазиным Веней долгую переписку — глядишь, одним взяточником на свете меньше вырастет!.. Веня, держись!

Итак, с этим письмом коекак разобрались, но тут пришло еще одно, такое длинное и путаное, что проще пересказать его «своими словами». А не пересказать нельзя, потому что рядом с этими ребятами Венькины одноклассники — просто мелкие менялы, горе-комбинаторы, мелочь, деловики, копеечники...

Итак, письмо второе, с более крупным «финансовым вопросом». Место действия — Ставрополье. Как известно, там в горы рукой подать. И нет ничего удивительного, что многие ребята, группами, а то и целыми классами отправляются в свободный час куда-нибудь под Эльбрус или в менее знаменитые горные края. И тут как раз произошла описанная в письме история.

...Хорошее горнолыжное снаряжение стоит недешево. Толе, семикласснику, отец недавно приобрел классные горные лыжи, а костюм такой яркий и красный, что, когда Толик примерял его не где-нибудь, а у себя в огороде, чтобы всем было видать, соседи решили, что там в усадьбе начался пожар, и стали звонить по «01»...

Но в горах, по-видимому, Толик чувствовал себя не так уютно, как в огороде. Потому он подошел к парню из параллельного класса, Грише, хорошему горнолыжнику, и предложил: «КУПЛЮ ПРЫЖОК С ТРАМПЛИНА...» Это чтобы Гриша в Толином знаменитом костюме как бы вместо него прыгнул с учебного трамплина. Девчонки издали не разберутся, шапочка прикрывает и лицо, да вообще чего там — скорость, снег фонтаном...

И Гриша прыгнул. Финансовый вопрос решился, Толе досталась неслыханная слава. В восторг пришли девочки.

А дальше? Дальше — настолько все обыкновенно, что даже скучно. На уроке физкультуры в зале были оба класса. Физрук велел Грише сделать два шага вперед и строго сказал: «Почему в конце спуска задралась правая лыжа? Я видел». И начал по косточкам разбирать тот самый якобы Толин прыжок. Доказывать, что прыгал не Гриша, было бесполезно. Тренер своего любимца узнал бы, наверное, не то что в чужом костюме, но и в полной тьме. И, главное, никто из ребят тогда тренера не заметил... Но дело не в том. Дело в том, что Толя теперь требует у Гриши свои деньги обратно. А он не отдает. По крайней мере сразу не может отдать: истратил.

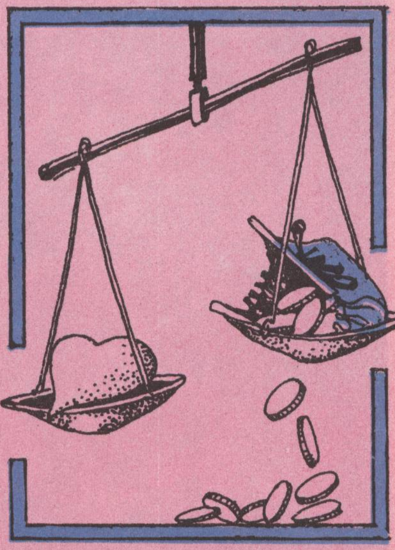


Рисунок К. ЯСИНСКОЙ.

Отец Толи пошел к матери Гриши, требовал деньги и даже угрожал. А чем кончалось письмо? Чтобы мы припугнули Гришу. Чтобы отдал...

Не станем мы припугивать Гришу. Он и так получил урок. Тут, наверное, нам следовало бы сказать читателям: «Товарищи дети! Учиться зарабатывать деньги, считать их, предпринимать всяческие (только честные) деловые комбинации очень неплохо. Но уже в детстве неплохо бы и усвоить, что не все на свете покупается и продается. Не секрет, что в классе да и в школе вообще живет и процветает свой «рынок», где якобы можно все купить: от жвачки до контрольной и звания чемпиона...»

Нет, что-то у нас получается похоже на дежурное директорское назидание. Неубедительно.

Давайте, что ли, таблички в школах вывесим? Как на рынке?

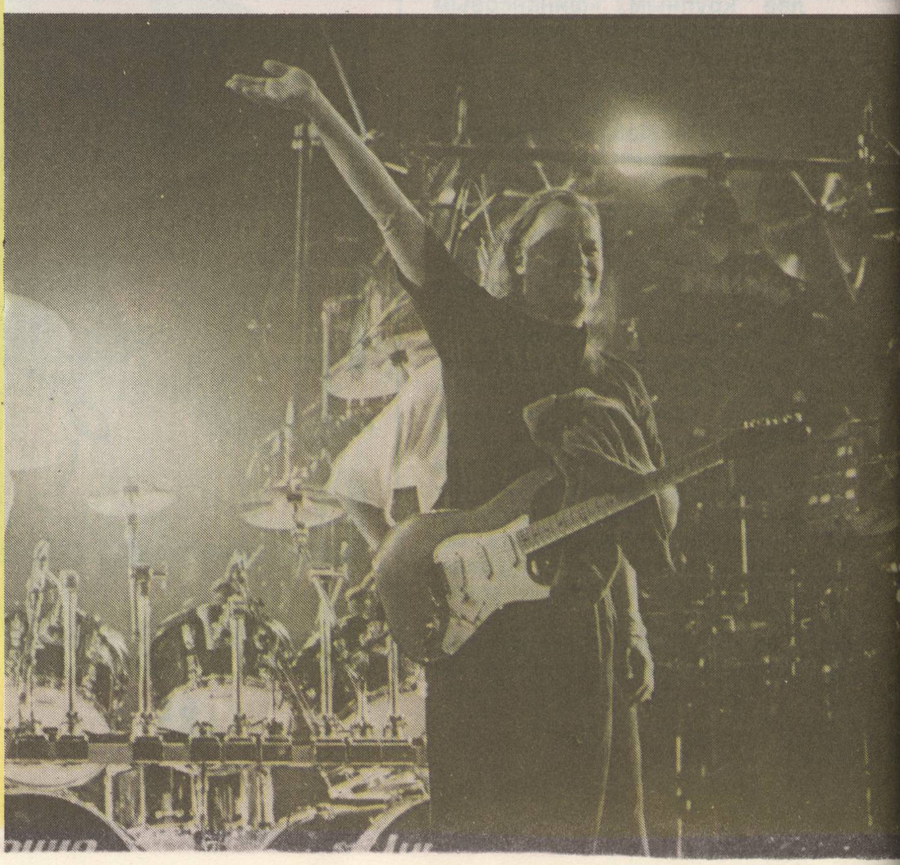
Не продавать: славу, ум, дружбу, душу...

Не покупать: славу, ум, дружбу, душу...

По «Узлу связи» дежурила
А. БЕЗБОРОДОВА.



ПИНК ФЛОЙД



И в рок-музыке есть своя классика. Иначе не скажешь — именно классика. Кроме «Битлз» и «Роллинг Стоунз», в этом почетном ряду особое место занимает английская группа «Пинк Флойд».

Группу основали в 1966 году Роджер Уотерс и Сид Баррет. Название придумал Сид, соединив имена двух наиболее любимых им блюзовых музыкантов Пинка Андерсона и Флойда Каунсила. «Пинк Флойд» сразу же привлек внимание прессы, более того, у группы появились преданные поклонники, не пропускающие ни одного концерта. Музыка молодого ансамбля отличалась свежестью и поиском новых форм. Конечно, сегодня ранние пластинки «Пинк Флойд» звучат несколько наивно, иногда чересчур заумно и несовершенно, но тогда, в конце 60-х, эта музыка произвела настоящую революцию. С самого начала музыканты экспериментировали со звуком, добиваясь удивительных звучаний. Тексты замысловатых музыкальных композиций во многом были навеяны молодежным движением на Западе в конце 60-х — начале 70-х годов.

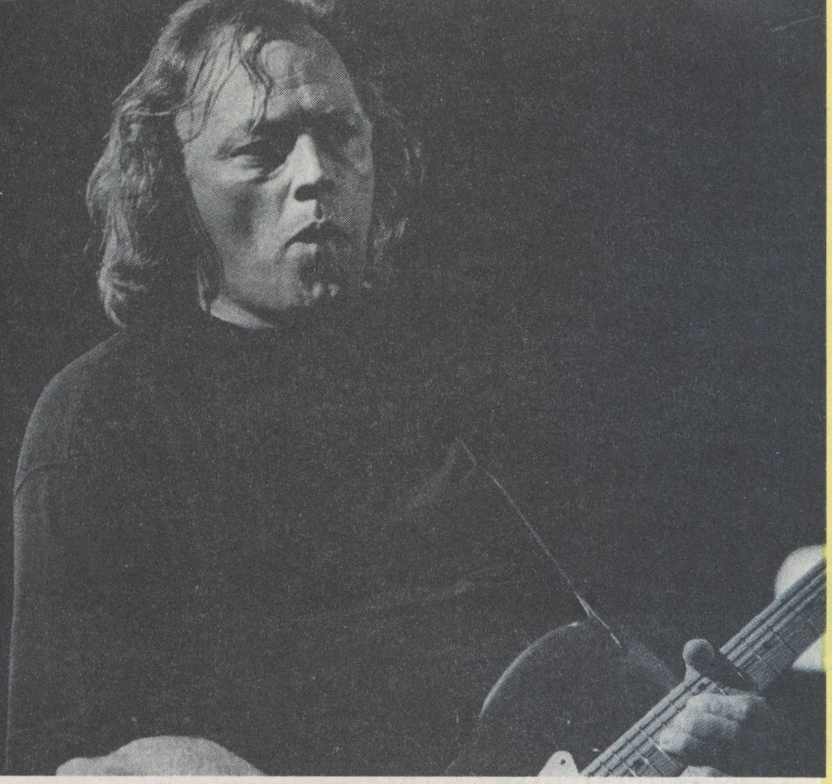
В записи второй пластинки «Блюдце, полное секретов» (1968) принял участие друг Роджера Уотерса по колледжу гитарист Дэйвид Гилмор. Впоследствии он заменил Сида Баррета, чье здоровье было окончательно разрушено пристрастием к наркотикам. (Было так, что Сид выходил на сцену и на протяжении всего концерта неподвижно стоял на одном месте.) Позже, в 1975 году, в альбоме «Вам бы здесь побывать» друзья посвятили ему одну из лучших композиций «Сияй, безумный алмаз». Сегодня Сид Баррет, погрузневший и постаревший, живет в Кембридже под присмотром матери.

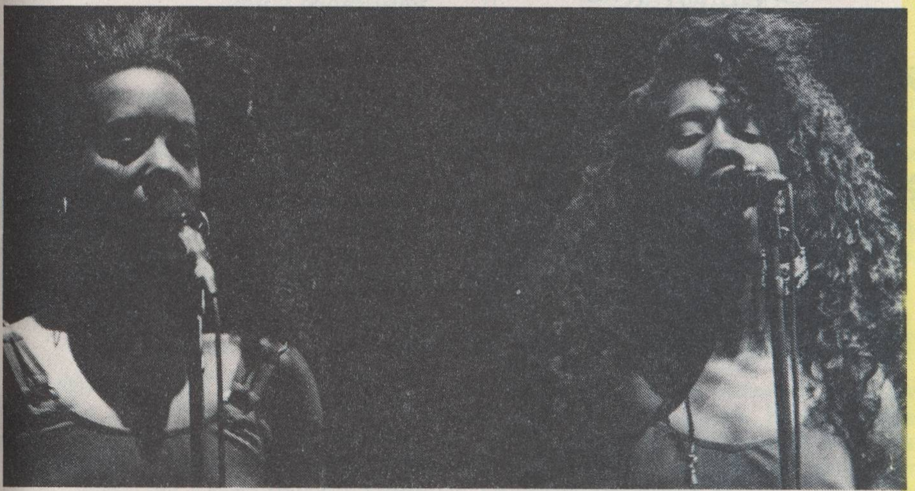
С выходом пластинки «Обратная сторона Луны» (1973) «Пинк Флойд» превратились в одну из наиболее коммерчески успешных групп. «Лунный» альбом побил все рекорды пребывания в хит-параде американского журнала «Бил-борд». Не менее успешной была и следующая работа «Вам бы здесь побывать» (1975). Эти две пластинки, да еще, пожалуй, «Стена» (1979) считаются наиболее популярными в активе «Пинк Флойд».

В конце 80-х группа переживает очередной кризис: со скандалом коллектив покидает Роджер Уотерс, и начинается бесконечная борьба за право называться «Пинк Флойд». В конце концов Роджер Уотерс, так и не простив бывшим друзьям разрыва, выступает под собственным именем, а Рик Райт, Ник Мейсон и Дэйвид Гилмор сохраняют за собой право называться «Пинк Флойд».

В 1988 году вышла последняя студийная пластинка ансамбля «Мгновенное помутнение рассудка».

В июне 1989 года «Пинк Флойд» выступил в Москве со своим фантастическим шоу, справедливо признанным лучшим в мире. Концерт длился три часа, причем







в первой половине музыканты (а всего на сцене было 11 человек) исполняли композиции из нового альбома, а во втором отделении прозвучали наиболее популярные песни прошлых лет, такие, как «Деньги», «Вам бы здесь побывать», «Еще один кирпич в стене». Старые хиты звучали не менее актуально, чем последняя пластинка, почти целиком воспроизведенная на сцене, в «живом» варианте.

На огромном стадионе «Олимпийский» царила какая-то сказочная атмосфера. Сотни лазерных лучей рассекали пространство зала, управляемые роботами прожекторы неожиданно появлялись из глубины сцены и вновь плавно погружались в ее недра. На подмостках за музыкантами был установлен огромный экран, на котором во время концерта мелькали видеоклипы — и игровые, и самые впечатляющие — мультипликационные. Сидя или стоя, можно было забыть все на свете и погрузиться в мир песен «Пинк Флойд». Замешательство в зале. Неожиданно появляется неопознанный летающий объект, и когда рассеивается дым, то становится видно, что это огромный резиновый свин. Он разглядывает публику горящими глазами и опускается чуть ли не на головы зрителей. Подпрыгнуть бы повыше, и можно коснуться его брюха! Но вот в клубах бутафорского тумана — непонятно как и куда — огромный хряк исчезает. А тем временем на экране видеосюжет: его герой вместе с кроватью отрывается от земли и взлетает. И в это же мгновение по специальному тросу с резким свистом через весь зал летит огромная металлическая кровать с надувным человеком на ней и, на скорости врезаясь в сцену, взрывается в столбе огня.

Шоу «Пинк Флойд» обслуживало 120 человек. Но, пожалуй, самыми главными действующими лицами этого спектакля (конечно, помимо музыкантов), были звукорежиссеры. Огороженная площадка, на которой мириадами огоньков светились микшерные пульты, напоминала кабину космического корабля. «Пинк Флойд» использует сложнейшую электронику. Для того чтобы контролировать сложнейшую аппаратуру, необходимы не просто профессионалы, а асы. Недаром главный звукорежиссер Бьюфорд Джонс уже три года подряд считается лучшим звукоинженером мира. За свою двадцатилетнюю карьеру Бьюфорд работал с «Лед Зеппелин», Дэйвидом Боуи, «Зи Зи Топ», да и с многими другими, не менее именитыми группами и исполнителями. «Сейчас я работаю только в своей студии в Далласе, штат Техас. Записываю пластинки, микширую фонограммы и в общем-то не выезжаю в гастрольные турне,— рассказывает Бьюфорд.— Концертная работа — это сложное, изнуряющее испытание, но, когда мне позвонил Дэйвид Гилмор и пригласил отправиться в поездку с «Пинк Флойд», я не смог отказаться... Это же классика!»

Александр КАСПАРОВ

Фотографии Ю. ФЕКЛИСТОВА

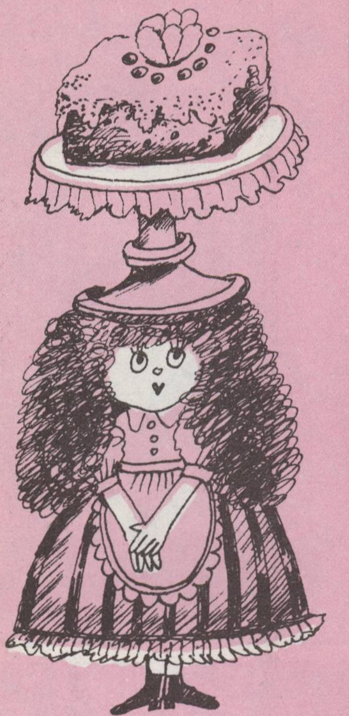
ЧИТАЙ В ДЕКАБРЕ:
окончание повести С. Иванова «Зимняя девочка», продолжение повести В. Крапивина «Застава на Якорном поле», очерк о Валентине Дикуле и «Кругосветное путешествие «Пионера».

Сдано в набор 04.09.89.
Подписано к печати 19.09.89. А 00363.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 1174.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

ДОМОВЁНОК и компания



Домовенок помогал Колобку убирать со стола после обеда.

— Столько хлеба черствого у нас накопилось,— с изумлением обнаружил он, заглянув в хлебницу.— Как нехорошо-то... А нельзя ли что-нибудь из черствого хлеба приготовить, Колобок?

— Конечно, можно,— ответил знаменитый повар.— И даже нужно.— И Колобок засучил рукава, а на ужин обитатели домика были приглашены отведать совершенно новое блюдо.





Без хлеба несытно

Черствый хлеб — неважно черный или белый — нарезаем мелкими кубиками. Слегка обжариваем на сковороде в растительном масле, а затем выкладываем в глубокую миску. Туда добавляем мелко нашинкованный репчатый лук, зеленый горошек, тертый сыр (кстати, можно использовать и любой плавленый сыр, мелко-мелко нарезанный), соль по вкусу, перец и растительное масло. Ждем, пока хлеб остынет, посыпаем зеленью и подаем на стол.

— Что-то вроде супа из топора получается,— заметил Матроскин.— Но вкусно, пальчики оближешь! И, главное, все сразу в желудке оказывается — и сыр, и хлеб, и зеленый горошек.

— Главное, хлеб не пропадает,— сказал папа Карло.— Еще хлеб можно в духовке разогревать. Только перед этим водой смочить. И пудинг яблочный с хлебом делать — помнишь, Колобок, ты уже его готовил?

— Помню, конечно,— ответил Колобок.— Но повторяться не хочется. Я лучше сегодня расскажу, какие еще интересные блюда можно приготовить из самых обычных продуктов: надо учиться готовить из того, что имеется...

Торт из холодильника

Творог (0,5 кг) надо растереть с маслом (150 г) и разделить массу на две части. В одну часть добавить 2 столовые ложки какао, в другую — изюм. На фольгу или полиэтилен ровным аккуратным слоем разложить рядами печенье (0,5 кг). Каждое печенье предварительно обмакнуть в молоко. На этот пласт положить творог с изюмом, потом опять сделать ряд печенья, затем положить творог с какао и закрыть его печеньем.

Для украшения готовится глазурь: в маленькую кастрюльку следует налить одну столовую ложку воды, положить одну столовую ложку сахара и одну столовую ложку сливочного масла. Когда все это закипит, глазурь готова. Ею покрывается верхний ряд печенья. После этого торт на фольге ставится в холодильник. Через два часа он готов, и можно заваривать свежий чай!

Баночная курица

Пока торт будет охлаждаться в холодильнике, можно заняться главным блюдом. Некоторые считают, что оно готовится ровно десять минут, и это почти так...

Секрет этого блюда — в банке. Берете курицу, моете ее и режете на кусочки средней величины. Кусочки солите, перчите, можете обмазать другими специями — карри, толченым чесноком и чем вы любите еще. Затем все эти кусочки кладете в чистую сухую литровую стеклянную банку. Банку закрываете крышкой — лучше стеклянной, но можно и жестяной, и даже фольгой. Банку ставите в холодную духовку, потом поддерживаете в течение часа средний огонь.

Через час духовку выключаете, но банку оставляете внутри, чтобы она немножко остыла. А затем — приятного аппетита!

Мудрые капустные арии

Любой повар и любая хозяйка скажут: одной курицы и одного даже самого замечательного торта мало, чтобы накормить семью или принять гостей. Поэтому Колобок предлагает капусту «спагетти».

Квашеная капуста — традиционное русское блюдо. Но Колобок знает, как совместить принципы кухонь разных народов.

Купите несколько больших кочанов капусты, весом по 3—4 кг. «Разденьте» их, сняв листья. Срежьте толстые части прожилок и оставьте листья на столе на несколько часов. Потом сворачивайте один-два листа вместе в рулончик и острым ножом разрезайте поперек длины как можно тоньше.

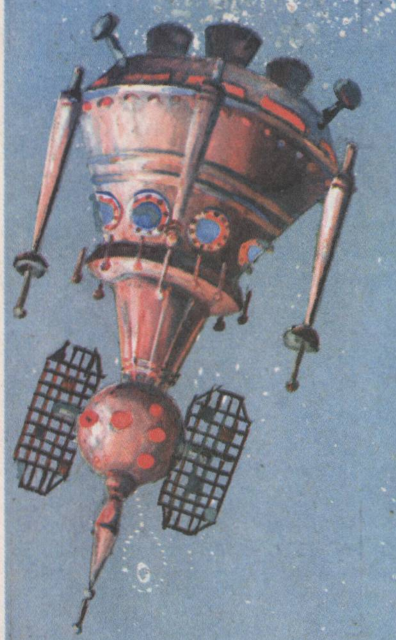
Натрите 300—400 г моркови на крупной терке и смешайте с капустой. Капусту с морковью положите в большую 4—5 литровую кастрюлю, но не до самых краев. Теперь сделайте рассол: 2 столовые ложки соли растворите в одном литре теплой воды. Кстати, для квашения лучше использовать соль крупного помола. Рассолом залейте капусту доверху и поставьте в теплое место. Гнета не требуется.

На второй и третий день проткните капусту в нескольких местах черенком деревянной ложки. На третий же день слейте рассол и растворите в нем 1,5 столовые ложки сахарного песку (из расчета на литр рассола). Верхние слои капусты переместятся вниз, а нижние окажутся наверху. Все это заливается еще на сутки новым рассолом. Через сутки капусту следует поставить на холод. Теперь капустные «спагетти» готовы к употреблению.



Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

25-30



НА СТАРТ... ВНИМАНИЕ... МАРС!

ИТОГИ «ПИОНЕР»СКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

На командном пункте «Пионер»ской экспедиции к планете Марс проведено совещание, на котором обсуждены итоги нашего трехэтапного полета. В совещании принимали участие:

академик Борис Викторович Раушенбах,

летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, доктор физико-математических наук Георгий Михайлович Гречко,

писатель Кир Булычев.

Мы публикуем итоговый документ, который подписали руководители нашей экспедиции.

«Пионер»ская космическая экспедиция к Марсу стартовала в июне 1988 года, финишировала в апреле 1989 года.

Полет проходил в три этапа: литературный, историко-астрономический, технологический.

В экспедиции участвовали 397 человек.

НАШИМИ ЗАДАЧАМИ БЫЛИ:

— определить уровень знаний читателей «Пионера» в областях литературы, истории, астрономии, космической технологии;

— выяснить, что больше всего интересует нынешних подростков в космосе, и в соответствии с этим вести космическую тему на страницах журнала;

— отобрать «экипаж» в составе тридцати человек для участия в работе космического клуба журнала «Пионер».

Подводя итоги экспедиции, можно сказать, что эти задачи были выполнены частично.

Это связано прежде всего с неудовлетворительной организацией полета. Следует отметить, что подобная неудача постигла и международную экспедицию, работавшую по проекту «Фобос». В ходе этой экспедиции, как известно, один из аппаратов был утерян по пути к Фобосу, а другой выполнил свою программу только наполовину, после чего связь с ним была прервана.

В ходе «Пионер»ской экспедиции был определен уровень знаний читателей журнала и определены направления их интересов, но не отобран полностью экипаж для работы в космическом клубе.

Следует отметить, что в космических знаниях большинства читателей «Пионера» есть пробелы. Некоторые из этих пробелов объясняются недостаточной информированностью, другие — небрежностью.

Мы определили, что нынешних подростков в области космических исследований интересует ВСЕ. Так как обо всем на страницах журнала рассказать невозможно, мы после консультаций со специалистами разработаем собственную программу публикаций.

НАКОНЕЦ, ПОСЛЕДНЕЕ И ГЛАВНОЕ.

В «космический экипаж» должны были входить тридцать человек: по десять победителей каждого этапа экспедиции. Трое из них — абсолютные победители, выигравшие на всех этапах,— должны были побывать в Звездном городке, пройти подготовку и занять должности командира экипажа и астронавигаторов.

При подведении итогов выяснилось, что на каждом этапе экспедиции было не более пяти победителей, а во всех трех этапах не победил никто.

ПРИНЯТО РЕШЕНИЕ НАГРАДИТЬ СЛЕДУЮЩИХ УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ.

Первый этап: Денис КОЛТОВОЙ, Архангельск, Андрей ПЬЯНКОВ, Кемерово, Дима ФЕДОРОВ, Москва, Оля ВВЕДЕНСКАЯ, Москва, Оля ХОМЕНОК, Мстиславль Могилевской области.

Второй этап: Яна ШЕУНОВА, Новосибирск, Наташа ТАРАНОВА, Новомосковск Тульской области, Сергей ПЕРЕГУДОВ, Могилев, Владилен и Степан МОНАН, село Нижние Кугурешты МССР, Надя БАГАШКОВА, Иваново.

Третий этап: Володя БЕЛОБОРОДОВ, Горький, Наташа ШАМОВА, Ленинград, Алеша и Оля ЕВСТАФЬЕВЫ, поселок Октябрьский Богучанского района Красноярского края, Рома и Дима КОРЮКИНЫ, Серпухов Московской области, Николай СИДОРИН, совхоз «Искра-1» Романовского района Саратовской области.

Все они награждаются книгами.

Кроме того, решено отметить: Володю Звездкина (Рига), Наташу Данильченко, Ирину Батезат (Одесса), Алею и Рамилю Хайруллиных (Казань), Андрея Резенкова (Талды-Курган), Наташу Шаркову (Ирпень). Им объявляется благодарность за творческий подход к делу.

«Пионер»ская экспедиция к Марсу завершена.

Рисунок А. БУХАРЕВА.

ISSN 0130—8009. Пионер. 1989. № 11. 1—64.